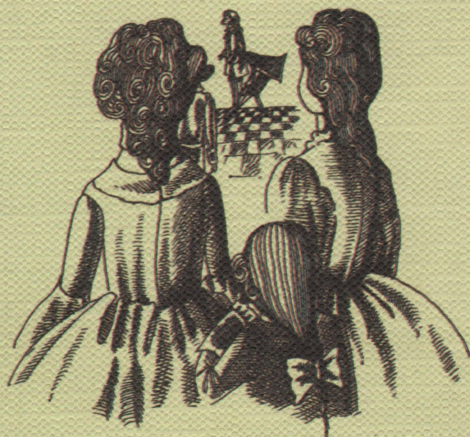

ИСТОРИЯ
ВОСПИТАНИЯ

Наследник встал рано и за уроки сел...
Как учили и учились в XVIII веке

Ломоносовъ
издательство

Наследник встал рано и за уроки сел...

*Как учили и учились
в XVIII в.*

Москва
«Ломоносовъ»
2010

УДК 63.3
ББК 9(Р479)

Иллюстрации А. Ивойловой

НЗ1 Наследник встал рано и за уроки сел... Как учили и учились в XVIII в. — М. : ЛомоносовЪ, 2010. — 224 с. — (История воспитания).

ISBN 978-5-91678-074-1

Как учили и учились в России в XVIII веке? Об этом рассказывают очевидцы — русские и иностранные писатели, государственные деятели, ученые, военные, оставившие мемуары о «золотом веке» русской истории. Среди них дипломат граф А. Р. Воронцов, датский посланник при Петре I — Юст Юль, изобретатель М. В. Данилов, ученый и механик А. К. Нартов, митрополит Платон (Левшин), выдающиеся литераторы екатерининского времени Г. Р. Державин и Д. И. Фонвизин, воспитатель наследника престола Павла Петровича — С. А. Порошин... В основу книги легли тексты из двухтомного издания «Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век», вышедшего в 1914 г. Эти тексты были расширены, сверены по первоисточникам и дополнены комментариями.

УДК 63.3
ББК 9(Р479)

ISBN 978-5-91678-074-1

© Ивойлова А., иллюстрации, 2010
© ООО «Издательство «ЛомоносовЪ», 2010

*В основу книги легли тексты из двухтомного издания
«Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век»,
вышедшего в 1914 г. Эти тексты были дополнены
и сверены по первоисточникам.*

Меры относительно образования

Сначала думал он (Петр) дать достаточное образование своему дворянству отправкой его в чужие края, как насмотрелся у других европейских народов. А потому, только что воротился из первого большого путешествия, он отправил довольно значительное число очень грубых и невежественных молодых людей из самых знатных семейств страны в Англию, Голландию, Францию и Италию. Но так как они принесли оттуда немного больше способности, чем взяли с собою, то, наконец, он заметил, что им недостает и начальных оснований, а потому и думал, как бы вознаградить этот недостаток заведением необходимых училищ и академий.

Почти около того времени началась у Петра связь с бывшей потом императрицею Екатериной, находившейся в услужении у пробста¹ в Мариенбурге Глюка²; при покорении этого места она взята была вместе с ним в плен русскими и приведена в Москву. Это подало Петру I случай познакомиться с означен-

ным пробстом и посоветоваться с ним о заведении училищ. Этот человек, имевший не больше сведений, сколько обыкновенно можно найти у шведского деревенского пастора, но со всем тем, по знанию русского языка, считавшийся в глазах Петра I светилом мира, был, по своим воззрениям, не в состоянии подать ему никакой другой мысли, кроме той только, чтобы завести такие же училища, какие обыкновенны в Ливонии, и дети там должны учиться катехизису, латинскому языку и другим школьным предметам. Петр I одобрил этот совет и поручил привести его в исполнение тому же пробсту, назначив ему нужные для того деньги и просторный дом в Москве. Пробст выписал потом себе лютеранских студентов богословия и устроил свое училище³ совершенно по правилам шведского церковного устава; а чтобы тут не было ни в чем недостатка, перевел плохими стихами по-русски разные лютеранские песни, которые должны были дети благоговейно петь перед уроками и после них.

Смешная сторона этих заведений и плохие успехи такого обучения у русского юношества до того бросались в глаза, что эти училища не могли просуществовать долго. Так, Петр I скоро и закрыл их и предоставил на попечение родителей сообщать детям начальные научные сведения либо с помощью частных учителей, либо в лютеранских училищах в Москве, либо же посредством тамошних католических священников. Вместо того обратил исключительно свои заботы на то, как бы сделать свое дворянство сведущим в инженерной науке и мореплавании, и для этой

цели завел разные академии в Москве и Петербурге, где бы обучать можно было юношество в этих обеих науках, а также и в математике.

На том несколько времени и оставалось его рвение к наукам; если же он и предпринимал еще что-нибудь для их успешности, то это относилось только к одним физическим и хирургическим опытам, в которых находил он особенное удовольствие.

Но после того как в 1717 году Французская академия наук приняла его в свои члены, это возбудило в нем сильное желание основать такую же академию и в своем царстве. Его понятия о науках были не довольно ясны, чтобы он сам собою мог выбрать из них, какие полезны для его страны и какие нет. Еще сбивчивее стали его понятия благодаря совещаниям, какие вел он по этому предмету с некоторыми учеными, вовсе не знакомыми с природными свойствами России.

Напоследок, в 1724 году, он решил сделать Французскую академию совершенным образцом для своей и для придания ей блеска в самом начале старался, с помощью большого жалованья, набрать туда несколько ученых с большою известностью, как, например, Вольфа⁴, Германа⁵, Делиля⁶ и Бернулли⁷, и на расходы для того назначил доходы с таможен Нарвы, Дерпта и Пернова, доходившие ежегодно до 25 тысяч рублей.

Впрочем, он жил после того так недолго, что не мог иметь удовольствия видеть в ходу это учреждение. Но придворный врач его Блументрост⁸, который должен быть тут председателем, с 3000 рублей жалования, пользуясь доверием к нему императрицы, так подвинул вперед это дело, что Екатерина утвердила Академию; он умел постоянно поддерживать ее и при Петре II, несмотря на большинство сенаторов, которые считали ее бесполезным и плохо обдуман- ным делом, не приносящим никакой пользы стране, и, следовательно, охотно бы поберегли издержки на это.

*И.-Г. Фоккеродт
«Россия при Петре Великом»*

Патриаршие школы

1711 г. 26 мая... Мною собраны подробные сведения об устройстве и положении большой Московской патриаршей школы или гимназии. Школа эта находится возле одного монастыря, в который допускаются только православные монахи польского происхождения.

Архимандрит, или игумен этого монастыря, Феофилакт Лопатинский⁹, состоит в то же время ректором школы. В его классе считается 17 учеников; он преподает им богословие. Получает он от царя 300 руб. ежегодного жалованья.

Субреktor, professor philosophiae Ioakim Bogomodlewskij, старшее после Лопатинского лицо, преподает философию

16 ученикам. Затем следуют: professor rhetorices и преподаватель других менее важных предметов Иоасаф Томилович, имеет 15 учеников; professor poeseos Гавриил Theodorowitz имеет 10 учеников; professor sintaxeos Феодосий Turkiewitz с 21 учеником; magister grammatices Иннокентий Kulcyijckiy с 20 учениками; magister infimae grammatices, anologiae et lingvae germanicae Феофил Кролик с 84 учениками, professor Lijchudes, didascalus lingvae graecae, oriundus ex insula Cephalonia с 8 учениками. Кроме того, при школе находится двое проповедников: Степан Прибылович и Barnabus Wolostowskij. Каждый из профессоров и преподавателей получает от царя по 150 рублей в год. Жалованье аккуратно производится им из Печатного приказа; ученики в двух высших классах theologiae et philosophiae studiosi получают на содержание по 4 коп. в день, остальные по 3. Архимандрит Лопатинский говорит, что если б первые основатели школы живо приняли к сердцу ее процветание и развитие, то им не трудно было бы настоять на определении ученикам втрое большего содержания против нынешнего; чрез это наплыв учеников, без сомнения, значительно увеличился бы.

Кроме этой Патриаршей школы, царь основал в Москве еще одно учебное заведение¹⁰, в котором первоначально ректором был германский уроженец Бидлов¹¹, а преподавателями десять чужеземцев: немцев, шведов, французов и итальянцев. Но профессора Патриаршей школы, из зависти, постоянно преследовали их, а русские князья и бояре ненавидели

их, и в конце концов ректор и бóльшая часть учителей сказанного заведения были отставлены от должностей. Теперь заведение это почти уничтожено; в нем осталось всего четыре наставника: преподаватели немецкого, латинского, шведского и итальянского языков. В Москве царь учредил также школу математики, но и она пустует вследствие ухода учителей.

Ю. Юль
«Записки»

Новики

• I •

(1721 г.) прибыли в Санкт-Петербург 22-го числа. Расстояние от Риги 202 версты, от Дерпта до Нарвы 141, от Нарвы 165, всего 501 верста. Во весь вышеописанный вояж издержал я собственных 400 рублей да государевых 600 рублей. Каждый из нас, по приезде в Петербург, пристали у наших родственников, а я у капитана гвардии Семена Марковича Спицына.

Назавтра, собравшись вся наша компания ко мне на квартиру, пошли явиться генерал-адмиралу, а потом ко всем флагманам, находящимся в Петербурге, и ко всем присутствующим в адмиралтейской коллегии. Все нас приняли весьма ласково, особливо Григорий Петрович Чернышев¹², который о вояже и службе нашей вне государства подробно и милостиво расспрашивал и обнадежил нас своим предстательством у его величества, подав нам, как отец, совет, чтобы просили генерал-адмирала быть представлены к государю, и когда его величество из нас с кем говорить изволит, то чтобы мы по истине и без робости ска-

зали, кто что знает, и сколько кто преуспел в науках. За таковую его милость мы все, как неимущие никакого покровительства, а по нашему отлучению от отечества не токмо от равных нам возненавидены, но и от свойственников наших при первом случае насмешкою и ругательством по европейскому обычаю, в нас примеченному, осмеянные, благодарили Григория Петровича со слезами. Флагман Змиевич, человек в морской науке весьма искусный, любопытствовал у каждого из нас о нашем в навигации знании и, сколько приметить можно, Кайсарова и моими ответами был довольнее.

Назавтра пошли мы в адмиралтейскую коллегию и ожидали прибытия генерал-адмирала, который, приехав и нас увидев, сказал, что он об нас доложит, и когда приказано будет, чтобы явились в коллегию, а ныне б шли по домам.

26-го числа была ассамблея на почтовом дворе, на которой генерал-адмирал государю об нас докладывал, и от него получили повеление, чтоб нам быть представленным завтра в адмиралтейской коллегии, почему мы и получили от коллегии приказ явиться в 5 часов в коллегию. Не знаю, как мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спал, готовился как на страшный суд.

И по сему приказу собрались мы в назначенное время в коллегию, а между тем присутствующие съезжались, из коих генерал-адмирал, идучи мимо, сказал нам: «Я вас теперь государю представляю». А через малое время потом приехал Григорий Петрович Чернышев и, остановившись с нами, говорил то же,

что и в своем доме, и ласковым и милостивым сим разговором убавил нашего страха. Наконец, и его величество прибыть изволил, но не тем путем, которым мы его ожидали; потому мы и не имели счастья путь его видеть. В 7 часов впустили нас в присутственную палату.

Мы его величеству поклонились в ноги, а прочим в пояс. Он, будучи или немощен, или не весел, чего я не знаю, изволил спросить нас только, имеем ли мы от командиров тамошних аттестаты, и все ль на галерах, или иные и на кораблях служили. Получив на сие ответ, оборотившись к генерал-адмиралу, изволил сказать следующее: «Я хочу их сам

увидеть на практике, а ныне напишите их во флоте гардемаринами».

Не успел последней речи государь еще окончить, как великодушный покровитель всех бедных, Григорий Петрович, очень громко сказал его величеству: «Грех тебе, государь, будет: люди по воле твоей больше отлученные от своих родственников в чужих краях, и по бедности их сносили голод и холод и учились по возможности, желая угодить тебе и по достоинству своему и в чужом государстве были уже гар-

демаринами, а ныне, возвратившись по твоей же воле и надеясь за службу и науку получить награждение, отсылаются ни с чем и будут наравне с теми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имели». Его величество на сие изволил ему ответить: «Я их награжу; пусть только одну кампанию прослужат!» — «Но легко ль, государь, гардемаринами служить, — сказал Григорий Петрович, — таким, кои из них есть достойны управлять кораблем или галерою?» Государь спросил его: «Кто ж бы такие были, кто б так достоин?» Он нимало не мешкав: «Кайсаров и Неплюев». Сии слова наполнили меня благодарностью, радостью и страхом, и так меня замешало, что я уже после заметил, что государь, желая, чтоб нас двоих ему указали, и обоих изволил пристально осматривать и потом, помолчав немного, изволил приказать записать свой указ, чтоб в коллегии было в будущем месяце полное собрание, при котором нас всех как в навигации, так и в прочих науках и языках экзаменовать, при чем он и сам быть желает; а потом нас вон выслали...

30 июня прислан к нам от коллегии приказ явиться 1 июля на экзамен. Мы, собравшись у коллегии, ожидали повеления. В 8 часов государь приехал в одноколке и, мимо идучи, сказал нам: «Здорово, ребята». Потом, чрез некоторое время, впустили нас в ассамблею, и генерал-адмирал приказал Змиевичу наперед расспрашивать порознь, что кто знает о навигации. Потом, как дошла и моя очередь (а я был, по условию между нами, из последних), то государь изволил

подойти ко мне и, не дав Змиевичу делать задачи, спросил: «Всему ли ты научился, для чего был послан?» На что я отвечивал: «Всемиловитивейший государь, прилежал я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а более почитаю себя пред вами рабом недостойным и того ради прошу, как пред Богом, вашей ко мне щедроты». При сказывании сих слов я стал на колени, а государь, оборотив руку правой ладонью, дал поцеловать и притом изволил молвить: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли; а все от того: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству». Я, стоя на коленях, взял сам его руку и целовал оную многократно, а он мне сказал: «Встань, братец, и дай ответ, о чем тебя спросят; но не робей; буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, так и скажи». И, оборотившись к Змиевичу, приказал расспросить меня; а как я давал ответы, то он изволил сказать Змиевичу: «Расспрашивай о высших знаниях». И по окончании у всех расспросов тут же пожаловал меня в поручики в морские галерного флота и другого — Кайсарова, а и других также пожа-

ловал, но ниже чинами. Чрез малое потом время указал государь определить меня, Неплюева, смотрителем и командиром над строящимися морскими судами, по каковому случаю видел я государя почти ежедневно, и всякий раз благоволил со мною разговаривать о всяких вещах и случаях. И от флагманов — Григория Петровича Чернышева, к которому я во всякое свободное время хаживал, и от Змиевича слышал, что: «Государь-де тобою, господин поручик, является доволен и изволит говорить, что в этом малом путь будет». Они же мне подавали советы, чтоб я прилежал к своему делу и был бы исправен: «То-де его величество тебя не оставит; только будь проворен и говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; он-де больше рассердится, буде что солжешь». Их слова и вправду явились. Однажды я пришел на работу, а государь уже прежде приехал. Я испужался презельно и хотел бежать домой больным сказать, но, вспомняв тот отеческий моего благодетеля совет, бежать раздумал, а пошел к тому месту, где государь находился; он, увидев меня, сказал: «Я уже, мой друг, здесь!» Я ему отвечал: «Виноват, государь, вчера был в гостях и долго засиделся и оттого опоздал». Он, взяв меня за плечо, пожал, а я вздрогнул, думал, что прогневался: «Спасибо, малый, что говоришь правду: Бог простит! Кто бабе не внук! А теперъ поедem со мной на родины».

И. И. Неплюев

*«Жизнь Ивана Ивановича Неплюева,
им самим описанная»*

• II •

ИВАНА Михайловича Головина¹³ государь весьма любил и жаловал и послал его в Венецию, чтоб он там научился кораблестроению и узнал конструкцию галер, равно и итальянскому языку. Головин жил там четыре года. По возвращении оттуда монарх, желая знать, чему он выучился, взял его с собой в адмиралтейство, повел на корабельное строение и в мастерские и, показывая, расспрашивал обо

всем; но ответы показали, что Головин ничего не знает. Наконец, Петр Великий спросил: «Выучился ли хотя по-италиански?» Головин признался, что очень мало и сего. «Ну так

что ж ты делал?» — спросил его государь. «Всемиловейший государь, — отвечал ему Головин, — я курил табак, пил вино, веселился и учился играть на басу и редко выходил с двора». Как вспыхнув государь ни был, однако чистосердечным и откровенным признанием был так доволен, что ленью его ознаменовал только титулом «Князь баса» и велел нарисовать его на картине с курительною трубкою, сидящего за столом, веселящегося и окруженного подле музыкальными

инструментами, а математические и прочие инструменты брошенными вдали в знак того, что науки ему не понравились и что выучился он только играть на басу. Сию картину видел я сам у государя, и котрею его величество любовался. При всем том Головин находился в службе при адмиралтействе в чине генерал-майора. Петр Великий любил его за прямодушие, за верность и за природные таланты. В беседах, где бывал государь, бывал и Головин, то между ближними своими называл его в шутках ученым человеком и знатоком корабельного искусства или Басом.

*А. К. Нартов
«Рассказы о Петре Великом»*

Попытки перевоспитать дворянство

Всего труднее, казалось, было уничтожить мечту дворянства о преимуществах его рождения и тот предвзвешенный рассудок, что позорно находиться под начальством человека низшего происхождения. Он (Петр) выдумал для того следующий способ: составил отряд в 50 человек из молодых дворян, которые воспитывались, по старинному обычаю, вместе с ним, и называл их потешными (Spielgesellen). Он велел их одеть и упражнять в военном деле по европейскому образцу и при том объявил, что сам он не имеет никакого преимущества перед другими, а, подобно своим товарищам с ружья, даже с барабана, и будет выслуживаться постепенно: для такой цели он в этом случае слагал самодержавную власть в руки князя Ромодановского¹⁴, который должен был повышать его в чины наравне с другими солдатами, по его заслугам и без малейшего потворства. Так, пока жив был вышеупомянутый князь, именно до 1718 года, Петр разыгрывал такую комедию, что получил от него повышение

в генералы и адмиралы, которые должности ему угодно было возложить на себя. Это объявление имело то действие, что дворяне из самых знатных фамилий, хотя и не покидая предрассудка о достоинстве своего происхождения, сохранив его даже до настоящего дня, однако ж оставались с ним на службе и стыдились заявлять такие притязания, которые могли показать, будто бы они думают быть лучше их государя. Оттого-то впоследствии никто больше и не отваживался говорить о преимуществах своего рождения, если дело шло о начальственных должностях; когда же кто-нибудь до такой степени забывался, старик Ромодановский, человек правдивый, но неумолимый, которого царь Петр сделал верховным уголовным судьей, умел находить средства для наказания такого ослушания под другими предложениями.

После того, как эти затруднения уладились, и дети знатнейших дворян привыкли служить простыми солдатами в полках, размножившихся из так называемых потешных, и в этом качестве давать себя наказывать, Петр I не считал уже больше за нужное ласкать свое дворянство: доведя его до того, что оно не могло пошевелиться, он отнял у всех дворян, от высшего до низшего, и самую малейшую тень их старых

преимуществ и отменил старинный образец, по которому в законах и указах упоминалось о согласии бояр и который его предки все же постоянно считали полезным сохранять, хотя и очень тоже урезали иные уже дворянские преимущества. Затем он не скрывал дальше своих мыслей о преобразованиях, обходился с иностранцами с особенной приязнью, без различия их звания и нрава, но зато не упускал и никакого случая к язвительной насмешке над своим народом, его нравами и обычаями; если же старые бояре хотели отклонить его от того, он поступал с ними самым позорным и обидным образом, да и всегда его любимцы поднимали их на смех, как дураков.

*И. -Г. Фоккеродт
«Россия при Петре Великом»*

Назначение Новика на службу

1721 года, января в первых числах, был трактомент для всех бояр и для морских и гвардии офицеров, почему и я тут был. Мы, отобедав прежде, из-за столов встали, и я и со мною несколько человек вошли в ту камору, где государь сидел еще за столом; государь был очень весел и по малом времени изволил начать разговор, что ему потребен человек с итальянским языком — послать в Царьград резидентом. Александр Гаврилович¹⁵ отмечал, что он такого не знает, а Федор Матвеевич¹⁶ говорил, что он такого знает и очень достойного, но то беда, что очень беден. Государь отвечал, что бедность не беда. «Этому помочь можно скоро, но кто тот такой?» Федор Матвеевич сказал: «Вот он за тобою стоит». — «Да их стоит за мною много», — сказал государь. Федор Матвеевич отвечал: «Твой хваленый, что у галерного строения». Он оборотился и, глядев на меня, изволил сказать: «Это правда, Федор Матвеевич, что он добр, но мне хотелось его у себя иметь». Я поклонился государю; а он,

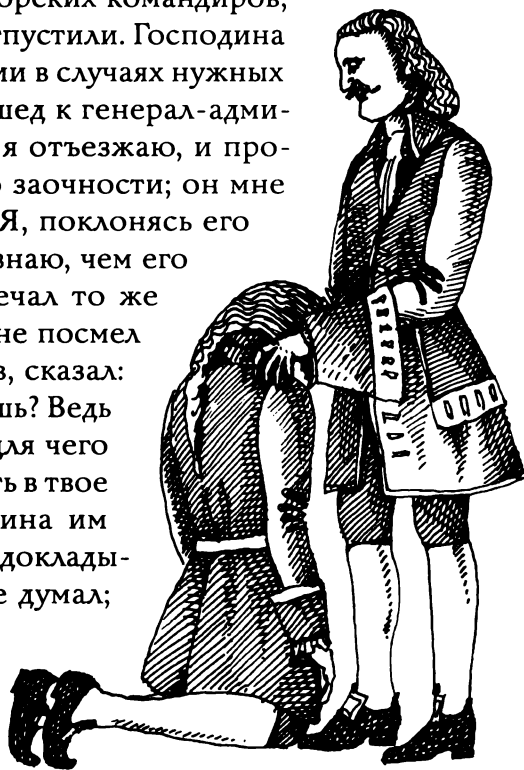
подумав, изволил приказать, чтоб меня во оную посылку назначить; и при сем из-за стола встали, а меня адмирал поздравил резидентом и, взяв за руку, повел благодарить к государю.

Я упал ему, государю, в ноги и, охватив оные, целовал и плакал. Он изволил сам меня поднять и, взяв за руку, говорил: «Не кланяйся, братец! Я ваш от Бога приставник, и должность моя — смотреть того, чтобы недостойному не быть, а у достойного не отнять; буде хорош будешь, не менее, а более себе и отечеству добро сделаешь; а буде худо, так я — истец, ибо Бог того от меня за всех вас востребует, чтоб злому и глупому не дать места вред делать; служи верою и правдою! Вначале Бог, а при нем и я должен буду не оставить». Сие говоря, оборотившись, изволил молвить: «Кого ж возьму на его место?» И с тем словом опустил свою руку, а я при сем целовал оную, и изволил от меня отдалиться. Благотворитель мой Григорий Петрович меня обнял и целовал от радости; а я не мог ему промолвить ни слова.

25 января из коллегии иностранной прислан именной указ, дабы меня из адмиралтейской коллегии прислать во оную для посылки резидентом ко двору султана турецкого в Константинополь.

26 января в коллегии иностранных дел учинен мне, Неплюеву, оклад резидентский на год по три тысячи рублей; на подъем пожаловал государь тысячу рублей, а те деньги велено принять в Москве, а инструкция дана из оной же коллегии февраля 26-го числа, которого дня я имел отпускную аудиенцию, при коем слу-

чае его величество изволил поступать со мною с отменной милостью, обнадеживал своею государскою милостью и, прощаясь со мною, поцеловал меня в лоб и изволил сказать последнее таковое слово: «Прости, братец, кому Бог велит видеться!» О разговорах, при том бывших, не опишу, потому что запомнил, с единой стороны от того, что я обрадован был таким милостивым местом и отпуском; с другой стороны, я совершенно был вне себя от печали и от слез, с ним, государем, прощаясь. Потом был я для прощания у господ министров, которые меня все обнадеживали своею помощью, а я просил их о неоставлении меня, потому что я сих министерских дел не отправлял. Был я также у всех наших морских командиров, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Змиевича просил я о неоставлении в случаях нужных жены моей и деревнюшек. Пришед к генерал-адмиралу прощаться, донес ему, что я отъезжаю, и просил его о неоставлении меня по заочности; он мне на сие только сказал: «Дурак!» Я, поклонясь его сиятельству, докладывал, что не знаю, чем его прогневал, а он мне на то отвечал то же слово: «Дурак!» На что я уже и не посмел ничего говорить, и он, помолчав, сказал: «С чем ты жену да детей оставляешь? Ведь им только что по миру ходить; для чего ты не просил государя, чтоб давать в твое отсутствие по окладу твоего чина им от нас жалованья?» Я ему на то докладывал, что того не посмел, да и не думал;

а он, выслушав сие, закричал на меня: «Потому-то ты и дурак! Да добро, помиримся и простимся с тобою! Коли будешь хорошо служить, так государь тебя не оставит и наградит; он и вчера со мною говорил; прикажи же жене своей, что ежели ей в чем нужда будет, то б ко мне за всем присылала, сколько ей будет надобно; я и деньгами ссужать буду». Я доложил на сие его сиятельству, что я жену намерен отправить в деревню, ибо здесь себя содержать не можно. «Ну, так вели ей ко мне писать, — сказал на то генерал-адмирал, — я всякую ей помощь сделаю». Простясь я с ним, для того ж

пошел к Григорию Петровичу Чернышеву; сей добродетельный муж прощался со мною, как с кровным, и дал мне еще отеческое наставление, чтоб я служил и отправлял дело мое с подлежащею верностью: «А прежде-де отъезда твоего сходи к Остерману и с ним ознакомься: он по вашим делам у государя в отменности; а я-де за тебя его уже просил, чтоб он тебя любил и чтоб дал тебе наставление, как себе поступать». А сверх того и такое сделал мне благодеяние: из деревень его замосковных Ярополец был отдан в рекруты во флот один крестьянин, именем Афанасий, который по той причине жил в доме Григория Петровича и всему был обучен и весьма про-

ворен; того он дал мне вместо денщика, а моего денщика взял на то место, уверив меня, что я на сего человека могу во всем положиться. Простившись с моим благодетелем, я был у Остермана, который меня принял также весьма ласково и дал мне на многие случаи поучения, о чем я прежде поистине и не думал.

*И. И. Неплюев
«Жизнь Ивана Ивановича Неплюева,
им самим описанная»*

Разговор Петра с Татищевым о школах

1724 г., как я отправился в Швецию, случилось мне быть у его величества в летнем доме; тогда лейб-медик Блюментрост, яко президент академии наук, говорит мне, чтоб в Швеции искать ученых людей и призывать в учреждающуюся академию в профессоры. На что я, рассмеявшись, ему сказал: ты хочешь сделать Архимедову машину очень сильную, да подымать нечего и где поставить места нет. Его величество изволил спросить, что я сказал; и я донес, что ищет учителей, а учить некого: ибо без нижних школ академия она, с великим расходом, будет бесполезна. На сие его величество изволил сказать: я имею сирды великие, токмо мельницы нет, да и построить водяную и воды довольно в близости нет, а есть воды довольно в отдалении, токмо канал делать мне уже

не успеть, для того что долготы жизни нашей ненадежна; и для того зачал перво мельницу строить, а канал велел только зачать, которое наследников моих лучше понудит к построенной мельнице воду привести; зачало же того я довольно учинил, что многие школы математические устроены. А для языков велел по епархиям и губерниям школы учинить и надеялся, хотя плода я не увижу, но оные в том моем отечеству полезном намерении не ослабеют.

*В. Татищев
«Духовная тайного советника
и астраханского губернатора В. И. Татищева,
сочиненная в 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу»*

Просвещение за время от Петра I до Елизаветы

Говоря о новых учреждениях, основанных в России, я не могу не сказать несколько слов об успехах наук в этой империи.

При вступлении на престол Петр I застал весь свой народ в самом грубом невежестве; даже священники едва умели писать; главнейшие качества, требуемые в то время от духовного лица, заключались в том, чтобы он мог бегло читать и знал хорошо все церковные обряды; если при всем этом у него была густая борода и суровый вид, то он считался уже великим человеком. Одно только украинское духовенство имело некоторую тень образования, но и то в весьма незначительной степени; тем не менее этих людей пришлось употребить для просвещения остальных. Петр I, желая, чтобы подданные его, в особенности духовенство, были более образованны, поручил рязанскому архиепископу Стефану Яворскому¹⁷ основать школы при московских монастырях и в других подходящих местах. Архиепископ вызвал наставников

из Киева и Чернигова, и началось обучение юношества, подвигавшееся, впрочем, очень медленно.

Несколько лет спустя император, считая себя вправе быть недовольным этим архиепископом за то, что он не соглашался на изменения, которые этот государь желал ввести в управление церковью, лишил его своего доверия. В 1709 г., после счастливой Полтавской битвы, он нашел в киевском монастыре монаха по имени Прокопович¹⁸, который в молодости не только обучался в Польше у иезуитов, но даже провел несколько лет в Риме и бывал в различных академиях Италии, где приобрел большую ученость; император думал, что это духовное лицо более подходит к его целям, вызвал его в Петербург, пожаловал в настоятели вновь построенного близ этой столицы Александро-Невского монастыря и поручил ему в то же время основать в России хорошие школы и академии.

Прокопович начал с обучения нескольких молодых людей в школе, устроенной в его собственном доме; когда они оказали некоторые успехи, то он отправил их в иностранные академии, где они могли бы

приобрести столько сведений, чтобы по возвращении на родину занять должности профессоров или наставников в тех академиях, которые намеревались основать в России. В ожидании этих новых заведений он велел продолжать обучение юношества в монастырях, где им преподавали латинский язык и первые основания философии.

Прокоповичу не удалось, однако, исполнить своего намерения; некоторые молодые люди, посланные им за границу, вовсе не возвратились, те же, которые приехали назад, не приобрели настолько сведений, чтобы иметь возможность обучать других; поэтому дело на этом и остановилось.

Петр I полагал вначале, что для образования дворянства достаточно заставить его путешествовать; поэтому, возвратившись из своего первого большого путешествия, он послал всех молодых людей самых знатных семейств империи во Францию, Англию, Голландию, Италию и Германию для приобретения там познаний, но так как большая часть этих молодых людей была очень дурно воспитана, то они возвратились почти такими же, какими уехали. Это доказало императору, что, прежде чем посылать их путешествовать, следовало дать им сперва образование более удовлетворительное...

В 1724 г. он решил основать в Петербурге академию, взяв во всем за образец парижскую...

Императору не было суждено иметь удовольствие при жизни увидеть осуществление этого намерения. Первый врач его Блументрост, которого он назначил

президентом академии с ежегодным жалованьем в три тысячи рублей, имел настолько влияния, что ему удалось открыть академию в царствование Екатерины... Анна желала сохранить ее; мало того, она учредила за академией ежегодное содержание в двадцать пять тысяч рублей, она уплатила еще все ее долги, доходившие до тридцати тысяч рублей, и назначила президентом графа Кейзерлинга¹⁹. Несколько лет спустя Кейзерлинг был послан министром в Польшу, и место президента занял камергер барон Корф²⁰. Когда он был послан в Копенгаген, то его заменил тайный советник Бревэрн²¹. Множество дел, которые лежали на этом министре, не дали ему возможности долго занимать эту должность; он отказался от нее, и академия оставалась несколько лет без президента — до тех пор, покуда императрица Елизавета не назначила на эту должность графа Кирилла Григорьевича Разумовского²², брата обер-егермейстера²³.

Хозяйственная часть академии была постоянно в весьма странном положении; мы видели выше, что императрица Анна при восшествии на престол пожаловала тридцать тысяч рублей для уплаты долгов академии; несмотря на это, когда Корф уехал в Данию, на ней числилась та же самая сумма долгу, и хотя императрица Елизавета ассигновала снова значительную сумму на уплату долгов, однако дела от этого не пришли в лучший порядок.

Россия не извлекла до сих пор никакой существенной пользы от этих больших учреждений. Все плоды, принесенные академией взамен тех громадных сумм,

которые она получила в течение двадцати восьми лет, заключаются в том, что русские имеют календарь, составленный по петербургскому меридиану, что они могут читать газеты на своем языке и что несколько немецких адъюнктов, вызванных в Петербург, оказались сведущими в математике и философии настолько, чтобы заслужить ежегодные оклады в шестьсот и восемьсот рублей; между русскими найдется не более одного или двух человек, способных занять должность профессора. Наконец, академия эта не так устроена, чтобы Россия могла когда-нибудь ожидать от нее хотя малейшей пользы, так как в ней не занимаются преимущественно изучением языков, нравственных наук, гражданского права, истории или практической геометрии — единственных наук, полезных для России; вместо того разрабатывают более всего алгебру, умозрительную геометрию и другие отрасли высшей математики, разрешают критические задачи о жилищах и языке какого-нибудь древнего народа или делают анатомические наблюдения над строением человека и животных. Так как русские считают все эти науки пустыми и ненужными, то неудивительно, что они не имеют никакого желания обучать им своих детей, хотя все предметы преподаются бесплатно. Это доходит до того, что в академии бывало часто более профессоров, нежели учащихся, и ей приходилось вызывать из Москвы несколько молодых людей, которым давали жалованье для поощрения их к учению и для того, чтобы хотя кто-нибудь присутствовал на лекциях профессоров.

Из всего этого можно вывести то заключение, что несколько хороших школ, учрежденных в Москве, Петербурге и некоторых других провинциальных городах, где преподавались бы обыкновенные науки, были бы гораздо годнее и полезнее для России, нежели академия наук, стоящая ей таких больших денег и не приносящая никакой существенной пользы.

Петр I учредил еще в Петербурге морскую академию под руководством двух англичан — Брадлея и Фергюсона; заведение это было одним из лучших в своем роде, но не продержалось долго и пришло в упадок еще при жизни императора. Несколько искусных землемеров, образованных этой академией, — вот единственные плоды, ею принесенные. Инженерные и артиллерийские училища, основанные в Москве и Петербурге, поддерживаются лучше всего, и так как русская нация более склонна к артиллерии, нежели ко всякой иной науке, то в этих заведениях многие приобрели большие познания.

*К.-Г. фон Манштейн
«Записки о России»*

Артиллерийская школа в Москве

В 1735 году опубликовано было указом, дабы все недоросли дворянские дети явились в герольдию, при сенате, на смотр; а по рассматриванию сената, по желанию каждого недоросля, отсылали записываться в школы или в службу, куда кто пожелает. Тогда и брат мой Василий, в 1736 году, записался в Артиллерийскую школу. Она школа была еще учреждена вновь, на полковом артиллерийском дворе, и было в оную прислано из герольдии дворянских детей, бедных и знатных по желанию, семьсот человек. А как в новой школе не было ни порядка, ни учреждения, ни смотрения, то через четыре года разошлось оное большое собрание, без позволения школьного начальства, по разным местам, в настоящую службу, куда кто хотел записался; а осталась только некоторая часть дворянских детей, кои прилежали охотно и хотели учиться.

Но великой тогда недостаток в оной школе состоял в учителях. С начала вступления учеников было для показания одной арифметики из пушкарских детей два

подмастерья, потом определили, по пословице «волка овец пасти», штык-юнкера Алабушева. Алабушев тогда содержался в смертном убийстве третий раз под арестом, был человек хотя несколько знающий, разбирал Магницкого печатную арифметику и часть геометрических фигур показывал ученикам, почему и выдавал себя в тогдашнее время ученым человеком, однако был вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителем благородному юношеству, где учитель должен своим добрым нравом, поведением и хорошими поступками во всем учении образцом быть; а он редкий день приходил в школу непьяный. Видно, что тогда был великий недостаток ученых людей в артиллерии, когда принуждены были взять и определить в школу учителем колодника и смертоубийцу.

Напоследок, для поправления в школе порядка, еще определен был, сверх штык-юнкера Алабушева, капитан Гринков, у которого не было левой руки по локоть. Человек был как прилежный, так и копотливый, и был великий заика, однако завел в школе порядок получше Алабушева.

Он вперял в учеников охоту учиться, с обещанием чести, и довел до того, что его старанием несколько человек из учеников пожалованы были в артиллерию сержантами и унтер-офицерами; из них ныне есть при артиллерии полковники и генералы...

Брат мой большой, Егор, командирован был в 1736 году из Малороссии, где зимовала армия, в Москву, от первого Московского полка, в коем он служил еще капралом; заехал тогда в дом отца свое (го)

для свидания, а отъезжая, взял меня с собою в Москву. В 1737 году, в Москве, записал меня брат мой Василий в Артиллерийскую школу, где он уже был записан прежде меня.

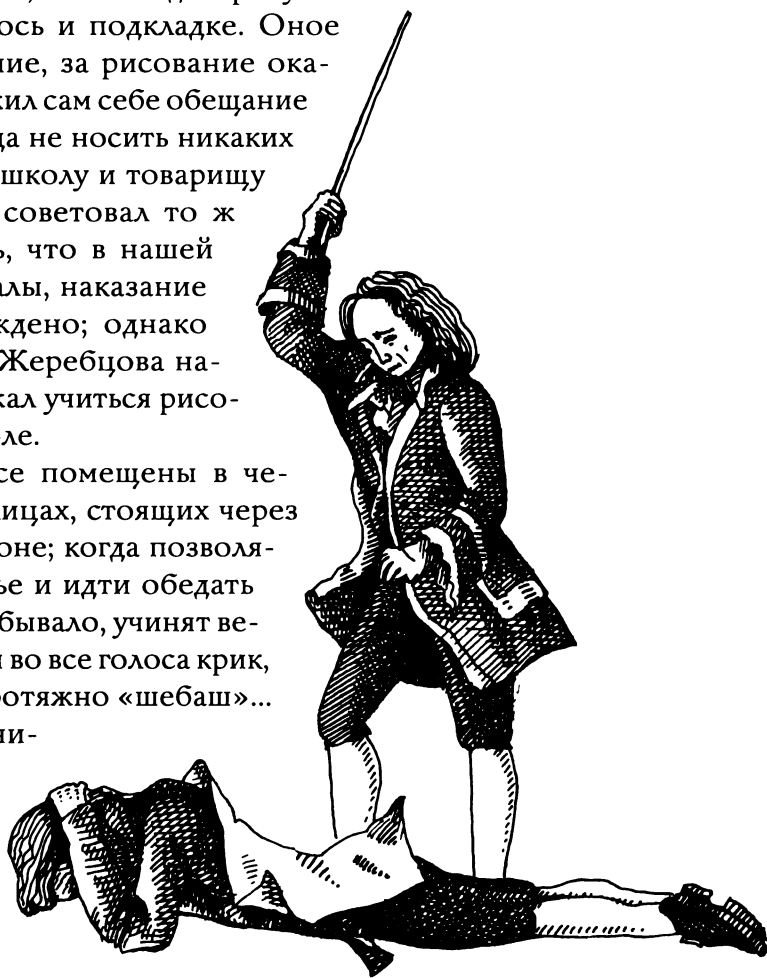
По вступлении моем в школу учился я вместе с братом. Жили мы у свойственника своего Милославского, которого двор был близ Каменного моста. В доме была дворецкого жена Степановна, в роде своем добродетельная, она меня не оставляла, а паче как по приезде моем в Москву, в 1737 году, занемог я горячкою, которая тогда во всей Москве была пятнами, перепалка и мор... она за мной, как за своим сыном, прилежно ходила. Простонародие от своего незнания тогда в Москве полагало смехотворную причину оной болезни мора: якобы в Москву в ночи, на сонных или спящих людей, привели слона из Персии. Мы хаживали с братом на полковой артиллерийский двор, близ Сухаревой башни: там была учреждена наша школа, в которой записано было дворян до 700 человек, и обучали без малейшего порядка.

Я был охотник рисовать. Зная мою к рисованию охоту, сидящий близ меня ученик Жеребцов (который ныне имеет честь быть в артиллерии полковником), сыскав не знаю где-то рисунок на полулистке, принес с собою в школу показать мне рисованье; а при учителе нашем Прохоре Алабушеве были тогда приватные незаписанные ученики князь Волконский и князь Сибирской. Они, по большей части, бродя в школе по всем покоям без дела, разные делали шутки и шалости. Из оных шалунов один, увидев

рисунок у Жеребцова, вырвал его из рук и побежал с великою скоростью, как с победою, являть учителю Алабушеву: «Жеребцов ученик не учится и вот какие рисунки в руках держит...» Алабушев велел привести Жеребцова перед себя и, не приняв от него никакого оправдания в невинности, повалив его на пол, велел рисунок положить ему на спину и сек Жеребцова немилостиво, покуда рисунок розгами расстегали весь на спине; помню, что не один рисунок пострадал, а досталось и подкладке. Оное странное награждение, за рисование оказанное, я видя, положил сам себе обещание твердое, чтоб никогда не носить никаких рисунков с собою в школу и товарищу своему Жеребцову советовал то же всегда припоминать, что в нашей школе, вместо похвалы, наказание за рисование учреждено; однако не устрасило меня Жеребцова наказание, и я продолжал учиться рисовать, только не в школе.

Ученики были все помещены в четырех великих светлицах, стоящих через сени, по две на стороне; когда позволялось покинуть ученье и идти обедать или по домам, тогда, бывало, учинят великий и безобразный во все голоса крик, наподобие «ура», протяжно «шебаш»...

В один день случилось мне идти пере-

улком близ Воскресения в Кадашах, что за Москвой-рекой; усмотрел я в одном доме на окошке поставленный каменный попугай, раскрашенный изрядно. Я, любопытствуя, остановясь против того окна, глядел на попугая пристально; в тот же самый час барыня дородная и хорошего лица, подошед к окну, спросила меня, что я за человек? А как узнала от меня, что я артиллерийский ученик и притом дворянин, то просила меня учтивым образом, чтобы я вошел к ней в хоромы. Она приняла меня ласково и спросила, где я и далеко ль и у кого живу? Я ее обо всем уведомил и не понял тогда скоро, к чему открывается мне такая ласка от боярыни незнакомой. Наконец призвала она своего сына, который тогда был на голубятне, гонял тонким шестом вверх голубей; мать его просила меня, чтоб я спросил сына ее, что он учит и хорошо ль знает арифметику. Я, узнав от него, по свидетельству, сказал ей, что он очень мало знает. Она, услыша от меня сие, прибавила своего ко мне учтивства и ласковости, просила меня: не могу ль я ей сделать одолжения, перейти к ней жить и показывать, когда свободно будет, сыну ее арифметику? Я рассудил, что приличнее мне и компанию делать дворянской жене и ее сыну, Вишняковым, нежели свойственника своего Милославского управителю Комаровскому, у коего я был оставлен на удовольствии. Живши несколько времени у Вишняковой, выучил сына ее арифметике. Сестра родная Вишняковой была в замужестве за Секериным, который записан был в нашей же школе учеником; прилежно просила она меня перейти жить к ней, дабы вместе ездить с мужем

ее в школу. Я за полезное принял от нее сие предложение, перешел к Секериной: намерение ее было, чтоб и муж ее, так же как и племянник, от меня несколько занял учения; но не удалось ей сего произвести по ее желанию в действо, ибо муж ее Секерин великий был шалун, ничего учить не хотел, переписался из школы в армейские полки и тем отбыл от учения...

Брат мой, Егор, приехал в Москву из Петербурга для взятия полковых письменных дел от первого Московского полка, в котором тогда еще служил сержантом. Он выпросил меня из московской в петербургскую школу, куда я с ним отправился и приехал в Петербург. Брат мой Василий выпущен был с прочими из школы сержантом, а как по выпуске их было много в школе вакансий, то старанием брата моего Василия определен я прямо в первый класс в Чертежную школу. В оной тогда было три класса, в каждом положено по десяти учеников из дворян и офицерских детей; жалованье было определено в третьем классе по двенадцати, во втором по осьмнадцати, в первом по двадцати по четыре рубля в год: да в той же школе было на казенном содержании, из пушкарских детей которые в школе и жили, шестьдесят человек. Из чертежных учеников выпускали в артиллерийскую службу, из коих ныне в генерал-поручиках и генерал-майорах, а некоторые и кавалеры есть; а из пушкарских детей выпускали в мастеровые, в писари полковые и канцелярские. Над оною школой был директором капитан Гинтер, человек прилежный, тихий и в тогдашнее время первый знанием своим, который всю артилле-

рию привел в хорошую препорцию. Я по своей охоте, сверх школьного учителя, сыскав хороших себе посторонних мастеров, хаживал к ним учиться рисовать. Писал я также несколько живописи, разные картины, ландшафты и портреты из масляных красок; в школу прихаживали многие офицеры смотреть мои рисунки, а от похвалы оных смотрителей умножалась во мне прилежность и охота к рисованию. Директор наш Гинтер бесподобен был Алабушеву: отменно меня от других учеников хвалил за рисование.

В 1743 году назначили из артиллерийской школы выпуск; между прочим, и я был в числе оных. Я приготовил артиллерийские чертежи и многие рисунки на экзамен, а между тем командирован был на заводы Сестребек для рисования вензелей и литер на тесаках, которые готовились для корпуса лейб-кампании; по возвращении моем с Сестребека взят был в герольдию для рисования дворянских гербов на лейб-кампанцев, чем они тогда удостоены были все. Потом представили нас к фельдцейхмейстеру князю Гессен-Гомбургскому²⁴: пожалован был фурыером. По выпуску моем из школы директор наш капитан Гинтер причислил меня в свою роту и к лаборатории для рисования планов, в которой тогда был фейерверкером Иван Васильевич Демидов.

*М. В. Данилов
«Записки артиллерии майора М. В. Д.,
написанные им в 1771 г.»*

Учреждение морского кадетского корпуса

Октября 15 в С.-Петербурге, из сенатской конторы получен указ... и при оном печатный штат, за подписанием собственные ее императорского величества руки о учреждении Морского кадетского корпуса, которому быть в С.-Петербурге по тому учрежденному штату; а в Москве, что была школа на Сухаревой башне, которая учреждена в 1701 году, оной не быть. На содержание же того Морского шляхетного кадетского корпуса положена сумма 46,561 руб. 75½ коп., и по тому штату для оного корпуса быть надлежит особливому дому, а содержание кадетов в 360 человек положено быть. И сего 1753 году, вышеписанного 15 числа, о учреждении того корпуса во все места опубликовано, чего ради и в сей журнал, яко знатнейшее то учреждение в государстве, для достопамятства внесено, что в царствование всемилостивейшей великой государыни императрицы Елизаветы Петровны то преполезное дело к распространению морского флота учреждено на таком твердом основании, дабы ко флоту люди ученые всегда и всегда были готовы.

В. Нащокин. «Записки»

Московский университет

Января 24 (1755 г.) выданным указом опубликовано о учинении университета и при нем гимназии в Москве, чего ради для достопамятного ведома впредь, при сем о том знатнейшем, по всевысочайшему ее императорского величества соизволению, учреждении точный печатный указ прилагается...

В опубликованном из Правительствующего Сената указе между прочим в нижеписанных пунктах напечатано. В первом: для внесения в сей журнал нужды не состоит. Во втором: которые из обучающихся в Московском университете действительно в воинской и гражданской службе записаны и впредь будут записаны, а лета и склонность их дозволяют им обучаться наукам, таким для обучения дозволить при университете остаться до вышесказанных лет возраста их; а чтоб они не могли чрез то потерять свое произхождение, оных как в воинской, так и в гражданской командах, где они в службу записаны, в повышении старшинством не обходить и произхождение

им чинить по указам. В третьем: а которые из оных в Московском университете, будучи в 20 лет возраста их, окажутся склонными и способными ко обучению высших наук и для того нужно будет им остаться при университете далее 20 лет их возраста, о таковых, со изъяснением о их науках, Московскому университету представлять Правительствующему Сенату, почему и надлежащие определения чинены будут. Мая 18 дня 1756 года. У подлинного подписано так: обер-секретарь Иван Ермолаев. Секретарь Иван Васильев. Регистратор Борис Сахаров.

По получении вышесказанного указа Василий Нащокин о сыне своем Иване, что записан в Московской университет, подал записку чрез камергера и орденов Российского Александра Невского, Польского Белого Орла и Св. Анны кавалера и Московского университета куратора его превосходительство Ивана Ивановича Шувалова²⁵, а в какой силе по дано, при сем сообщается:

«Василия Нащокина сын, Иван Нащокин, в прошлом 755 году в июле месяце написан в Московский университет, а сего 756 года мая 18-го дня по состоявшему ее императорского величества указу велено: ежели из таковых записанных в университет для служ-

бы записываться будут в разные места, и в тех местах числить их в университете до урочных лет, а за учение их по линии старшинства с прочими производить. И по тому ее императорского величества указу из высочайшей ее величества милости просил, чтоб его написать в солдаты лейб-гвардии в Измайловской полк, а до указанных лет быть для обучения в университете».

И по докладу, каково ее императорского величества, всемилостивейшей государыни, воспоследовало повеление при сем, впредь для ведения, а особливо сыну моему Ивану, как о нем производилось, сообщается:

«Ее императорского величества от дежурного генерала-адъютанта, лейб-гвардии в Измайловский полк. Ее императорское величество, из высочайшей своей монаршей милости, указать соизволила: одного полку г.-майора Нащокина сына его Ивана Нащокина, которой находится с прошлого 1755 года июля месяца в Московском университете, записать в объявленный лейб-гвардии Измайловской полк в солдаты, и в том полку числить его до указанных лет для обучения в оном университете. О чем оное ее императорского величества именное повеление чрез сие ко исполнению и сообщается». У подлинного подписано так: граф Александр Шувалов.

Посему отданным в полк приказом одного июня 1-го числа, оный сын мой Иван и написан в комплект в 4-ую роту и велено ему быть до урочных лет в университете.

*В. Нащокин
«Записки»*

Ученъе помещичьего сына

Я родился в 1722 году. Тогда отца моего разбойники разбили, и подана была на сих злодеев явочная челобитная, с которой досталась мне копия, почему я и рождение свое в том году почитаю. Был я любимый сын у моего отца. От роду моего лет семи, или более, отдали меня в том же селе Харине, где отец мой жил, пономарю Филиппу, прозванием Брудастому, учиться. Пономарь был роста малого, широк в плечах, борода большая, круглая покрывала грудь его, голова с густыми волосами равнялась с плечами его, и казалось, что у него шеи не было. У него в то же время учились два брата мне двоюродные, Елисей и Борис. Учитель наш Брудастой жил только один со своей женою весьма в малой избушке. Приходил я учиться к Брудастому очень рано, в начале дня, и без молитвы дверей отворить, покуда мне не скажет «аминь», не смел. Памятно мне мое учение у Брудастого и поднесь, по той может быть причине, что часто меня секли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтоб во мне была тогда

леность или упрямство, а учился я и по моим летам прилежно, и учитель мой задавал мне урок учить весьма умеренный, по моей силе, который я затверживал скоро; но как нам, кроме обеда, никуда от Брудастого отпуска ни на малейшее время не было, а сидели на скамейках бессходно и в большие летние дни великое мучение претерпевали, то я от такового всегдашнего сидения так ослабевал, что голова моя делалась беспамятна и все, что выучил прежде наизусть, при слушании урока в вечеру, и половины прочитать не мог, за что последняя резолюция меня, как непонятного, «сечь». Я мнил тогда, что необходимо при учении терпеть надлежит наказание. Брудастого жена, во время нашего учения, понуждала нас, в небытность своего мужа, всечасно, чтоб мы громче кричали, хотя б и не то, что учим. Отраднее нам было от скучного сиденья, когда учитель наш находился в поле на работе: по возвращении Брудастого отвечал я во всем уроке так, как утром при неутомленных мыслях, весьма исправно и памятно... Вот какой плод происходит от таких беспутных и ни к чему годных учителей, каков был мой Брудастой. Вымышлял иногда и я, от такового скучного сидения, напрасно показывать какие ни есть за собою затейные приключения и болезни, коих отнюдь во мне не бывало.

В один день, когда учитель наш был в поле с женою своею на работе, брат двоюродный Елисей

(меня и Бориса, своего брата, постарее и ко всяким шалостям поотважнее), увидев, что на дворе Брудастого никого, кроме нас троих, нет, поймал учителя любимого кота серого, связал ему задние ноги и повесил в сарае, в котором мы учились, на веревке за задние ноги, сек кота лозою и что приговаривал не упомню; только то помню, что мы на его шутки глядя, с Борисом, сидя со страху, чтоб не застал Брудастой, дрожали. И в тот час, якобы на избавление своего кота, явился во двор свой нечаянно наш учитель. Елисей от сего явления оробел, не успел кота с пытки освободить, кинулся без памяти на скамейку за книгу свою учиться, потупив глаза в книгу и дух свой притаил, не мог дышать свободно. Брудастой, увидев кота, висящего на веревке, от досады и жалости остолбенел; потом пришел в такое бешенство, что ухватил метлу, связанную из хворосту, случившуюся в сарае, зачал стегать раз за разом без разбора по Елисею и по книге, и оною метлою отрывая подымал вверх листы из книги, которые по всему сараю летали. Брудастой был в великом сердце, как бешеный: стегая Елисея, тою же метлою, доставал несколько страждущего, поблизости на веревке повешенного кота, который чаятельно усмирил зверский тогдашний гнев его своим мяуканьем и тем сохранил остатки листов в книге. Мы от сей драки с Борисом, кроме страха, ничего не претерпели от Брудастого; а Елисею, достоверно сказать можно, что не меньше книги досталось, которая великую от метлы претерпела в листах утрату.

Выучил я у Брудастого азбуку. Отец мой отвез меня близ города Тулы к живущей вдове, Матрене Петровне, которая в замужестве прежде была за нашим собственником Афанасием Денисовичем Даниловым. Матрена Петровна имела при себе племянника родного и своему имению наследника Епишкова; по той причине просила отца моего, дабы привез к ней, как грамоте учиться, так и племяннику ее делать компанию; а как вдова своего племянника много любила и нежила, потому не было нам никогда принуждения учиться. Однако я, в такой будучи воле и непринужденном учении, без малейшего наказания скоро окончил словесное учение, которое состояло только из двух книг, Часослова и Псалтыри. Вдова была великая богомольщица: редкой день проходил, чтоб у ней в доме не отправлялась служба,

когда с попом, а иногда слуга отправлял один оную должность.

Я употреблен был в службе к чтению, а как у вдовы любимый ее племянник еще читать не разумел, то от великой на меня зависти и досады, приходя к столу, при котором я читал псалмы, своими сапогами толкал по моим ногам до такой боли, что я до слез доходил. Вдова, хотя и увидит такие шалости

своего племянника, однако более ничего не скажет ему, и то протяжно, как нехотя: «полно тебе шутить, Ванюшка», и будто не видит она, что от Иванушкиной шутки у меня на глазах слезы текут. Она грамоте не знала, только всякой день, разогнув большую книгу на столе, акафист Богородице всем вслух громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столом щи с бараниною; только признаюсь, сколько времени я ни жил, не помню того, чтоб прошел хотя один день без драки: как скоро она примется свои щи любимые за столом кушать, то кухарку, которая готовила те щи, притащат люди в ту горницу, где мы обедаем, положат на пол и станут сечь батожьем немилосердно, и потуда секут и кухарка кричит, пока не перестанет вдова щи кушать. Это так введено было во всегдашнее обыкновение: видно, для хорошего аппетита. Вдова так была собою дородна, что ширина ее тела немного уступала высоте ее роста. В одно время гуляли мы с племянником ее, и третий был с нами молодой слуга, который нас учил грамоте и сам учился; племянник ее и наследник завел нас к яблони, стоявшей за дворам, которая не огорожена была ничем, начал обивать яблоки, не спросясь своей тетушки. Донесено было сие преступление тетке его, что племянник около яблони забавляется, обивая яблоки; она приказала всех нас троих привести перед себя на нелицемерный суд и, в страх племяннику, приказала с великим гневом поднять немедленно невинного слугу и учителя нашего на козел, и секли его очень долгое время немилостиво, причитая: «не обивай яблочек с яблони».

Потом и до меня дошла очередь: приказала вдова поднять и меня на козел, и было мне удара три подарено в спину, хотя я, как и учитель наш, яблок отнюдь не обивал. Племянник обробел и мнил, что не дойдет ли и до него по порядку очередь к наказанию, однако страх его был тщетный; только вдова изволила сделать ему выговор в такой силе, «что дурное, непригоже, сударь, так делать и яблоки обивать без спросу моего»; а после, поцеловав его, сказала: «чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, как секли твоих товарищей; не бойся, голубчик, я тебя никогда сечь не стану».

Отец мой, приехав к своей свойственнице вдове, поблагодарил ее за мое содержание и взял меня в дом свой...

*М. В. Данилов
«Записки артиллерии майора М. В. Д.,
написанные им в 1771 г.»*

Первоначальное обучение и приемы воспитания

МНЕ ШЕЛ ТОГДА ШЕСТОЙ ГОД, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, БЫЛ Я МАЛЬЧИК НА СМЫСЛУ И МОГ УЖЕ ПОНИМАТЬ БУКВЫ. 17-го числа июня, помянутого 1744 г., был тот день, в который меня учить начали, и я должен был ходить в дом к одному старику малороссиянину и учиться со многими другими. С каким успехом я учился, того не могу вам сказать, ибо того не помню, слышал только после, что понятием моим были все довольны, как напротив не довольны моим упрямством. Сие пристрастие в маленьком во мне было так велико, что великого труда стоило его преодолевать; но таковы бывают почти все дети, которых в малолетстве нежат, отчего и произошло, что учение мое более года продолжалось. Из всего одного помню я в особенности то, что первое обрадование родителям моим произвел я выучением почти наизусть одного Апостола из послания к Коринфянам, начинающегося сими словами: «Облецытесь убо яко избранныи Божия», и проч., и прочтением пред ними как сие случилось скоро после начатия учения моего,

то родитель мой так был тем доволен, что пожаловал мне несколько денег на лакомство...

Не успела пройти святая неделя, как старания отца моего обо мне стали простирались от часу далее. Ему не хотелось, чтоб я вырос у него неучью и болваном, и он судил, что уже время отнять меня из рук женских и учить чему-нибудь дальнейшему, кроме грамоты русской. Паче всего хотелось ему, чтоб я знал также немецкий язык, которым он сам умел говорить и коим он в жизнь свою очень много пользовался, также и арифметики. Учителя немцы и французы не были еще тогда в нашем отечестве таковы многочисленны, как ныне, их было очень мало, а сверх того и достаток отца моего не так был велик, чтоб мог он, и особливо в тогдашнее время, нанимать и содержать у себя в доме учителя нарочного, в отдаче же в люди был я еще слишком мал; итак, другого не оставалось, как искать какого-нибудь иного способа, и к удовольствию его таковой скоро и нашелся.

В полку его было не только офицеров, но и унтер-офицеров множество немцев: из сих последних вздумалось ему отыскать какого-нибудь поспособнее и приставить ко мне для научения немецкому языку. Но как большая часть сих немцев состояла из лифляндских и эстляндских дворян, и наиболее из небогатых, всего же меньше учившихся в молодости своей каким-нибудь наукам и разумеющих что-нибудь порядочное, то трудно было и между ними отыскать человека, и по долгом искании иного не оставалось,

как взять прибежище и обратить внимание свое на одного унтер-офицера родом из Германии и приехавшего за немногие годы до того из Любека для принятия нашей службы. Прозвище ему было Миллер, а впрочем, назван он уже был у нас в службе Яковом Яковлевичем, поелику у нас всем иностранцам дают тотчас имена и отчества. Богу известно, какого был он рода, но только то мне известно, что он никаким наукам не умел, кроме одной арифметики, которую знал твердо, да умел также читать и писать очень хорошо по-немецки, почему заключаю, что надобно быть ему какому-нибудь купеческому сыну, и притом весьма не богатому, и воспитанному в простой городской школе, и весьма просто и низко.

Но как говорится в пословице, что «на безлюдье и сидни в честь», то в недостатке лучшего был отец мой и сему уже рад, ибо для первого случая довольно уже было и его знаний, потому что читать и писать мог и он уже меня научить, равно как и арифметике.

Таким образом назначен был сей иностранец мне в учителя, взят в наш дом и я препоручен ему на руки. Для нас с ним отведен был особый уединенный pokoj, и он начал меня учить всему, что знал, вдруг, то есть читать, писать по-немецки и самой арифметике понемногу.

Мне шел в сие время хотя девятый еще год, однако родители мои и сам учитель были понятием моим довольны. Я очень скоро научился читать, а и писать учиться мне не мудрено было, но не столько я доволен был своим учителем. Человек он был особого

характера, нрав имел строптивый и своенравный, не мог терпеть никаких шуток, сердился и досадовал на всех за сие, а сие и побуждало других еще более над ним смеяться, и тем паче, что и собою был он очень дурен и губаст. Со мною обходился он не так, как хорошему учителю должно, но так как от неуча и грубого воспитания человека ожидать можно, и нередко принужден я был претерпевать от него лихо и проливать слезы.

Со всем тем и каков он ни был, но я за первое основание своего немецкого языка и арифметики обязан сему иностранцу; он научил меня читать и писать, но говорить научить был не в состоянии, а мучил меня только вокабулами...

Наилучшим пансионом почитался тогда в Петербурге тот, который содержал у себя кадетский учитель старик Ферре, живший подле самого кадетского корпуса и в зданиях, принадлежащих к оному; в сей-то пансион меня и отдали... По отъезде матери моей в деревню, а родителя с полком в Финляндию, остался я один в Петербурге, посреди людей, совсем мне незнакомых, и власно²⁶ как в лесу. Не могу никак забыть того дня, в который привезли меня в дом к учителю и оставили одного. Мне казалось, что я находился совсем в ином свете и дышал другим воздухом; все было для меня тут дико, все ново и все необыкновенно. Я принужден был начать вести совсем нового рода жизнь, и совсем для меня необыкновенную. Не мог я уже ласкаться, чтоб мог пользоваться тою негою, какую наслаждался в родительском доме. Маленькая

постелька и сундучок с платьем составлял весь мой багаж, а дядька мой Артамон был один только мой знакомый. Прочие же все были незнакомы, и я долженствовал со всеми ознакомливаться и спознаваться, а особливо с теми, которые тут также по примеру моему жили. Учеников было тогда у учителя моего человек с двенадцать или с пятнадцать; некоторые были на его содержании, а другие прихаживали только всякой день учиться, а обедать и ночевать хаживали домой. Из числа первых и знаменитейший из всех был некто господин Нелюбохтин, сын одного полковника гарнизонного, да двое господ Голубцовых, которые были дети одного сенатского секретаря. Сии жили вместе со мною, и каждому из нас отведена была особливая конторочка в том же покое, где мы учились, досками отгороженная. Мне, как новичку и притом полковничьему сыну, отведена была наилучшенькая вместе с господином Нелюбохтиным, который был мальчик нарочито взрослый и притом тихого и хорошего характера, и потому я скоро с ним спознакомился и сдружился. Голубцовы были также меня старше, ибо мне было только 10 лет от роду, однако уже не таковы, как Нелюбохтин. Одного из них звали Александром, а другого позабыл. Я познакомился скоро и с ними, ибо были они не из числа дурных детей. Что ж касается до приходящих к нам учиться, то были они разные и между прочими одна нарочитого уже возраста девушка, дочь какой-то майорши; по прошествии долгого времени позабыл я, как ее звали, только то помню, что она при мне не долго училась, а и прочие из прихо-

дящих часто переменялись и то прибывали, то убывали. Как мне никто из них не был слишком короток, то и не помню я из них почти ни одного, что и неудивительно по моему возрасту.

Учитель мой был человек старый, тихий и весьма добрый; он и жена его, такая же старушка, любили меня отменно от прочих. Он сам нас мало учивал, потому что по обязанности своей должен

был всякий день ходить в классы в кадетский корпус и учить кадетов, и так доставалось ему самому нас учить двенадцатый час, да в вечер еще один час. Прочее время учил нас старший из его сыновей, которых было у него двое. Одного звать Александром, и он был нарочито уже велик и мог уже по нужде обучать и был малый изрядный, а другой еще маленькой, по имени Фридрих, и малой огненный, резвый и дурной. За резвость и бешенство его мы все не любили.

Что касается до содержания и стола для нас, то был он обыкновенно пансионный, то есть очень-очень умеренный; наилучший и приятнейший кусок составляли булки, приносимые к нам по утрам и которыми нас каждого оделяли. Сии были по счастью отменно хороши, и хлебник, пекущий оные, умел их так хорошо печь, что мне хороший вкус их и поныне еще памятен.

Обеды же были очень-очень тощи и в самые скоромные дни, а в постные и того хуже. Но привычка чего не может сделать! — сколько сначала ни были мне такие тощие обеды маловкусны, однако я наконец привык и довольно бывал сыт, а особливо когда поутру либо лишнюю булочку, либо скоромный прекрасный кренделек купишь и съешь, которые так нам казались вкусными, что подберешь и крошечки. Нередко же случалось, что иногда и ложка-другая-третья хороших щей с говядиною, варимых для себя слугою моим, помогали обеду и которые нередко казались мне вкуснее и сытнее всего обеда.

Как я ученью французского языка начало сделал еще в Курляндии, и тут стоило только продолжать оный, то успех учения моего был весьма хороший. Я столь был понятен и прилежен, что менее нежели в полгода обогнал всех моих сотоварищей и сделался первенствующим в школе, и каков был ни мал, но мог всем указывать и за всеми поправлять. Учение наше состояло наиболее в переводах с русского на французский язык Езоповых басней и газет русских; и метода сия не дурна, мы чрез самое то спознакомливались от часу больше с французским языком, а переводя газеты, и с политическим и историческим штилем, и с званиями государств и городов в свете.

Как обещано было, чтоб выучить меня и географии, то чрез несколько времени принял учитель наш или пригласил какого-то немца, чтоб приходил к нам и учил нас часа два после обеда сей науке. Для меня была она в особенности приятна и любо-

пытна. Я пожираю, так сказать, все говоренные учителем слова, и мне не было нужды два раза пересказывать. Европейская карта, которую он одну нам только и трактовал, впечатлелась так твердо в уме моем, что я мог всю ее пересказать по пальцам; но жаль, что учение сие не долго продолжалось: не знаю и не помню, что тому причиною было, что он ходил к нам не очень долго, по сему и учение было весьма слабое и короткое. Со всем тем получил я чрез сей случай нарочитое о географии понятие, но что более моей удобопонятности, охоте и любопытству приписывать должно; а судя по учению, то оно не принесло б мне дальней пользы, так как прочим пользовало оно очень мало.

Что принадлежит до истории, то сей науке в пансионе нашем не было обыкновения учить...

Но недостаток сей наградила я некоторым образом собственным своим любопытством и чрезвычайною охотою к чтению книг, полученною около сего времени. За охоту к тому обязан я книге «Похождение Телемака». Не могу довольно изобразить, сколь великую произвела она мне пользу! Учитель наш заставлял меня иногда читать ее у себя в спальне для науки, но я ее мало разумел по-французски, а по крайней мере узнал, что она такое, и, достав не помню от кого-то русскую, не мог довольно ей начитаться. Сладкий пиитический слог пленил мое сердце и мысли и влил в меня вкус к сочинениям сего рода, и вперил любопытство к чтению и узнаванию дальнейшего. Я получил чрез нее понятие о мифологии, о древних войнах и обыкно-

вениях, о Троянской войне, и мне она так полюбилась, что у меня старинные брони, латы, шлемы, щиты и прочее мечтались беспрерывно в голове, к чему много помогали и картинки, в книге находившиеся. Словом, книга сия служила первым камнем, положенным в фундамент всей моей будущей учености, и куда жаль, что у нас в России было тогда еще так мало русских книг, что в домах нигде не было не только библиотек, но ни малейших собраний, а у французских учителей того меньше. Литература у нас тогда только что начиналась, следовательно, не можно было мне, будучи ребенком, нигде получить книг для чтения.

Но не одним сим я, живучи в сем пансионе, воспользовался: я уже упоминал прежде, что я с самого малолетства получил великую склонность к рисованию и маранию красками. Еще в то время, как я учился писать по-русски, то писаришка, учитель мой, вперил в меня первую охоту рисованием своих кораблей, церквей, колоколен и прочего; дядька мой также умел гваздать колокольни и чернецов, и я насмотрелся у него. Охота сия возросла еще того более в Курляндии, когда учитель мой Чаах научил меня держать кисть в руках и безделицы ими мазать красками. Словом, склонность моя к сему искусству была так велика, что в то время, когда ехали мы из Курляндии в Петербург, почитал я наивеличайшим благополучием в свете, когда б мог я иметь котел с кранами вокруг, такой, чтоб из каждого крана текла мне из него разная краска, и какой бы я отвернул, такая бы и потекла. Но тут жил я, окружен будучи вокруг рисоваль-

ными мастерами, и имел наивожделеннейший случай насмотреться, как они рисуют и как составляют разные краски, и получить ближайшее понятие о сем искусстве; меня оно столь прельщало, что я досадовал, для чего меня не учат, и писал к родителю моему, чтоб он сделал милость и велел меня учить. Он и сделал мне сие удовольствие: живущий с нами об стену рисовальный мастер Дангауер нанят и приговорен был меня учить; итак, начал я к нему ходить и по нескольку часов учиться. Но какая досада была для меня, что учить меня начали не так, как мне хотелось, красками, а карандашом и рисовать все фигуры. В этом прошло все время, и мне не удалось поучиться рисовать красками и любимые свои ландшафты, которые мне всего были милее, но по крайней мере имел я тут случай насмотреться и узнать многое. Сам учитель рисовал очень хорошо, и наиболее яйца гусяные красками; я же научился у него изрядно рисовать карандашами...

...Продолжал я тут жить и учиться во весь остаток зимы, во всю весну и лето; а между тем родитель мой перешел с полком своим в самый город Выборг, ибо полку его велено было стоять тут во все лето лагерем. Желал бы он охотно, чтоб я прожил у учителя моего еще год, но усиливающаяся его слабость и болезненное состояние принудили его прервать, против хотения своего, мое учение и взять меня к себе из Петербурга. Он прислал за мною на-

рочных лошадей, и я принужден был, оставив Петербург и все свои науки, к нему в Выборг ехать...

Таким образом, не продолжалось учение мое в Петербурге более одного года, и заплачено за меня с небольшим сто рублей, но сии сто рублей принесли мне великую пользу. Лета мои, сколь ни были еще нежны и малы, однако я тут многому набрался не столько учася, сколько наглядкою. Что ж принадлежит до французского языка, то оному, судя по летам моим, я довольно выучился и не только мог говорить, но и переводить по нужде. Напротив того, немецкий язык я совсем почти позабыл, ибо как во всей нашей школе ни один человек не разумел и не говорил по-немецки, то, не имея случая целый год ни с кем ни единого слова промолвить, и разучился я оному так, что не умел и пикнуть. Вот что делает отвычка и не употребление! Однако читать, писать и разуметь я все-таки еще мог.

По приезде моем в Выборг нашел я родителя моего стоящего на маленькой квартирке по ту сторону города и подле самого поля по конец всего форштадта²⁷, где неподалеку стоял и полк его лагерем... Родитель мой не преминул меня проэкзаменовать во всех моих знаниях. Он доволен был, что я по-французски сколько-нибудь научился, любовался моими рисунками, а паче всего мило ему было, что я имел уже некоторое понятие о географии. Он сам любил и знал сию науку и не мог довольному моему знанию нарадоваться, а не менее и я рад был, что нашел у него целый атлас с ландкартами и мог любопытство свое по желанию

удовольствовать. Одно только родителю было не весьма приятно, что я за французским языком совсем немецкий позабыл. Чтоб пособить сему сколько-нибудь, то заставил он прежнего учителя моего Миллера, который у него в доме жил, по несколько часов в день возобновлять мне язык сей. Я принужден был ходить к нему в сарай, где он имел свое жилище, и там провождать с ним по несколько часов в чтение и говоренье; однако хотя продолжалось сие более месяца, но пользы от него получил я мало, ибо он совсем не способен был к учению.

Сию скуку заменял я в праздное время другими и приятнейшими для меня упражнениями. Я узнал, что у родителя моего был целый ящик с книгами. Я добрался до оногo, как до некоего сокровища, но, к несчастью, не нашел я в них для себя годных, кроме двух, а именно: Курасова сокращения истории²⁸ и истории принца Евгения²⁹. Не могу, однако, довольно изобразить, сколько сии немногие книги принесли мне пользы и удовольствия. Первую я несколько раз прочитал и получил через нее первейшее понятие об истории, а вторую не мог довольно начитать: она мне очень полюбилась, и я получил через нее понятие о нынешних войнах, об осадах крепостей и многом, до новой истории относящемся.

Пуще всего было мне приятно и полезно, что в книге сей находились планы баталиям и крепостям. Я скоро научился их разбирать и получил такую охоту к военному

делу, что у меня одни только крепости, батареи, траншеи, ретраншементы и прочие укрепления на уме были. Нередко просиживал я по несколько часов, читая сию милую для меня книгу и рассматривая чертежи и рисунки. И чтение сие подало однажды повод к особливому происшествию: как я однажды ее сим образом читал, то вздумалось родителю моему, лежащему в комнаточке, отгороженной от того покоя, где я читал, спросить меня, что я делаю.

— Читаю, батюшка, книгу, — сказал я.

— А какую, мой друг?

— Принца Евгения.

— О мой друг! — сказал родитель мой, сие услышав. — Книгу сию читать тебе еще рано.

— Но почему же? — спросил я. — Я ее довольно понимаю и разумею, и мне она очень полюбилась.

— Ну, хорошо, мой друг, — сказал родитель мой, — ежели так, то пожалуй себе читай.

А услышав, что я ее уже в другой раз читаю, а Кураса три раза прочел, похвалил меня за охоту мою к чтению и за мое любопытство особое.

А. Болотов

*«Жизнь и приключения Андрея Болотова,
описанные самим им для своих потомков»*

Воспитание и обучение провинциального дворянина

Родители с взаимною нежностью старались его воспитывать; однако же, когда в последующем году родился у него брат, то мать любила более меньшего, а отец старшего, который на четвертом году уже умел читать. За неимением в тогдашнее время в том краю учителей, научен от церковников читать и писать. Мать, однако, имея более времени быть дома, когда отец отлучался по должностям своим на службу, старалась прирастить к чтению книг духовных, поощряя к тому награждением игрушек и конфетов. Старший был острее и расторопнее, а меньший глубокомысленнее и медлительнее. В младенческие годы прожили они под непрерывным присмотром родителей несколько в... городе Яранске, потом в Ставрополе, что близ Волги, а наконец, в Оренбурге, где старший, при вступлении в отроческие лета, то есть по седьмому году, по тогдашним законам, явлен был на первый смотр губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву³⁰ и отдан для изучения немецкого языка, за неимением

там других учителей, сосланному за какую-то вину в каторжную работу, некоторому Иосифу Розе, у которого дети лучших благородных людей в Оренбурге, при должностях находящихся, мужеска и женска полу, учились. Сей наставник, кроме того что нравов развращенных, жесток, наказывал своих учеников самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коих рассказывать здесь было бы отвратительно; был сам невежда, не знал даже грамматических правил, а для того и упражнял только детей тверждению наизусть вокабул и разговоров, списыванием оных, его Розы рукою прекрасно однако писанных. Через несколько лет, посредством такового учения, разумел уже здесь упомянутой питомец по-немецки читать, писать и говорить, и как имел чрезвычайную к наукам склонность, занимаясь между уроков денно и ночью рисованию, но как не имел не токмо учителей, но и хороших рисунков, то довольствовался изображением богатырей, каковые деревянной печати в Москве на Спасском мосту продаются, раскрашивая их чернилами, простою и жженою вохрою, так что все стены его комнаты были ими убиты и уклеены. В течение сего времени отец имел комиссии быть при межевании некоторых владельческих земель, то от геодезиста, при нем находящегося, сын получил охоту к инженерству...

Наконец, когда отец его в 1754 году получил отставку, для которой ездил в Москву, в бытность в оной государыни императрицы Елизаветы Петровны, то и сей любимый сын его был с ним, с намерением, чтоб записать его в кадетской корпус или в артиллерию; но как для того надобно было ехать в Петербург, а дела отца его, которые он должен был кончить в Москве, паче же недостаток, что издержался деньгами, ехать ему в сию новую столицу не дозволили, то возвратился он в деревню с намерением в будущем году непременно записать сына в помянутые места. Хотя ему и вызывались некоторые особы в Москве принять его в гвардию; но он по недостатку своему на то не мог согласиться; однако же, по приезде в деревню, в том же году в ноябре месяце скончался, и тем самым пресеклись желания отца и сына, чтобы быть последнему в таких командах, где бы чему-нибудь ему научиться можно было. И таким образом мать осталась с двумя сыновьями и дочерью одного году в крайнем сиротстве и бедности; ибо, по бытности в службе, самонадеянные деревни, и те в разных губерниях по клочкам разбросанные, будучи неустроенными, никакого дохода не приносили, что даже 15 руб. долгу, после отца оставшегося, заплатить нечем было...

При таких, однако, напастях мать никогда не забывала о воспитании детей своих, но прилагала всевозможное попечение, какое только возможно было им доставить; а для того отдала их в научение, за неимением лучших учителей арифметики и геометрии, сперва гарнизонному школьнику Лебедеву, а потом

артиллерии штык-юнкеру Полетаеву; но как они и сами в сих науках были мало сведущи, ибо как Роза немецкому языку учил без грамматики, так и они арифметике и геометрии без доказательств и правил, то и довольствовались в арифметике одними первыми пятью частями, а в геометрии черчению фигур, не имея понятия, что и для чего надлежит...

Поелику же в 1758 году открылась в Казани гимназия, состоящая под главным ведомством Московского университета, то и отложена поездка в Москву, а записаны дети в сие училище, в котором преподавалось учение языкам: латинскому, французскому, немецкому, арифметике, геометрии, танцеванию, музыке, рисованию и фехтованию, под дирекцией бывшего тогда ассессором Михаила Ивановича Веревкина³¹; однако же, по недостатку хороших учителей, едва ли с лучшими правилами как и прежде. Более ж всего старались, чтоб научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматике и быть обходительным, заставляя сказывать на кафедрах сочиненные учителем и выученные наизусть речи; также представлять в театре бывшие тогда в славе Сумарокова трагедии, танцевать и фехтовать в торжественных собраниях по случаю экзаменов; что сделало питомцев хотя в науках неискусными, однако же доставило людskraft и некоторую розвязь в обращении. Старший из Державиных оказал более способности к наукам до воображения касающимся, а меньшей к математическим; однако же, во всех классах старший своею расторопностью блистал поверхностью и брал пред

меньшим преимущество, который казался туп и застенчив. Вследствие чего старший отличался в рисовании, а потому, когда директор в 759 году собирался главному куратору Ивану Ивановичу Шувалову дать отчет в успехах вверенного ему училища, то и приказал отличившимся ученикам начертить геометрию и скопировать карты Казанской губернии, украсив оные разными фигурами и ландшафтами, дабы тем дать блеск своему старанию о научении вверенного ему благородного юношества. В числе сих отличных был и старший Державин. Когда же директор в 1760 году из Петербурга возвратился, то в вознаграждение учеников, трудившихся над геометрией, объявил каждого по желанию записанными в службу в полки лейб-гвардии солдатами, а Державина в инженерный корпус кондуктором, вследствие чего и надели все принадлежащие званию каждого мундиры. Почему Державин при бывших торжествах в гимназии и отправлял должность артиллериста, быв при артиллерии и при представлении фейерверков. А когда нужно было, по указу Сената, в том же 1760 году снять с города Чебоксар план с различением домов, против повеления того правительства не по плану построенных, и отправлен для того сказанной директор Вережкин (ибо он в то же время был и член губернской канцелярии), то за неимением тогда в гимназии геометрии учителя, ибо бывший в той должности капитан Морозов умер, то и взял он старшего Державина вместо инженера с собою, подчиня ему несколько из учеников для помощи...

В 1760 году получил г. Веревкин от главного куратора Ивана Ивановича Шувалова повеление, чтоб описать развалины древнего Татарского, или Золотой орды города, называемого Болгары, лежащего между рек Камы и Волги, от последней в 5-ти, а от первой в 50-ти и 60-ти верстах, и сыскать там каких только можно древностей, то есть монет, посуды и прочих вещей. Не имея способнейших к тому людей, выбрал он из учеников гимназии пока Державина и, присокупив к нему несколько из его товарищей, отправился с ними в июне или июле месяце в путь. Пробыв там несколько дней, наскучил, оставил Державина и, подчинив ему прочих, приказал доставить к себе в Казань план с описанием города и буде что найдется из древностей. Державин пробыл там до глубокой осени и, что мог, не имея самонужнейших способов, исполнил. Описание, план и виды развалин некоторых строений, то есть ханского дворца, бани и каланчи, с подземными ходами, укрепленной железными обручами по повелению Петра Великого, когда он шествовал в Персию, и списки с надписей гробниц, также монету медную и несколько серебряной и золотой, кольца ушные и наручные, вырытые из земли дождем, урны глиняные или кувшины, вырытые из земли с углями, собрал и по возвращении в Казань отдал г. Веревкину. Он монеты и вещи принял, а описание, план, виды и надписи приказал перерисовать начисто и принести к нему тогда, как он в начале наступавшего года по обыкновению будет собираться в Петербург для отдания отчетов главному куратору об успехах

в науках в гимназии; но как в начале 1762 года получено горестное известие о кончине государыни императрицы Елизаветы Петровны, то он наскоро отправился в столицу, приказав Державину сделанное им доставить к нему после.

Скоро потом Державин получил из канцелярии лейб-гвардии Преображенского полка паспорт 1760 года за подписанием лейб-гвардии майора князя Меншикова, в котором значилось, что он отпущен для окончания наук до 1762 года. А как сей срок прошел, ибо тогда был того года уже февраль месяц, то и должен он был немедленно отправиться к полку, тем паче что не имел уже никакой себе подпоры в Веревкине, на которого место в директоры казанской гимназии прислан был некто профессор Савич³².

*Г.Р. Державин
«Записки»*

Один из первых московских студентов

КАК СКОРО я выучился читать, то отец мой у крестов заставлял меня читать. Сему обязан я, если имею в русском языке некоторое знание; ибо, читая церковные книги, ознакомился я со славянским языком, без чего русского языка и знать невозможно. Я должен благодарить родителя моего за то, что он весьма примечал мое чтение, и бывало, когда я стану читать бегло: «перестань молоть», кричал он мне, «или ты думаешь, что Богу приятно твое бормотанье». Сего недоволю: отец мой, примечая из читанного мною те места, коих, казалось ему, читая, я не разумел, принимал на себя труд изъяснять мне оные; словом, попечения его о моем научении были безмерны. Он, не в состоянии будучи нанимать для меня учителей для иностранных языков, не мешкал, можно сказать, ни суток отдачею меня и брата моего в университет, как скоро он учрежден стал³³.

Остается мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость

велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был. Учителя и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает. Я скажу в пример бывший наш экзамен в нижнем латинском классе. Накануне экзамена делалось приготовление; вот в чем оно состояло: учитель наш пришел в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивленный сею странностью, спросил я учителя о причине. «Пуговицы мои вам кажутся смешны, — говорил он, — но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения; итак, — продолжал он, ударив по столу рукою, — извольте слушать все, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. Со спряжениями поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете». Вот каков был экзамен наш!

О, вы, родители, восхищающиеся часто чтением газет, видя в них имена детей ваших, получивших за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получил. Тогдашний наш инспектор покровительствовал одному немцу, который принят был учителем географии. Учеников у него было только трое. Но как учитель наш был тупее прежнего

латинского, то пришел на экзамен с полным партищем пуговиц, и мы следственно экзаменованы без всякого приготовления. Товарищ мой спрошен был: куда течет Волга? В Черное море, отвечал он; спросили о том же другого моего товарища; в Белое, отвечал тот; сей же самый вопрос сделан был мне; не знаю, сказал я с таким видом простодушия, что экзаменаторы единогласно мне медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужил бы ее из класса практического нравоучения, но отнюдь не из географического.

Как бы то ни было, я должен с благодарностью воспоминать университет. Ибо в нем, обучаясь по-латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам. Склонность моя к писанию являлась еще в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до юношеского возраста. Глас совести велит мне сказать, что до сегодня от юности моей многие борют меня страсти...

В университете был тогда книгопродавец, который услышал от моих учителей, что я способен переводить книги. Сей книгопродавец предложил мне переводить Гольберговы³⁴ басни; за труды обещал чужестранных книг на пятьдесят рублей. Сие подало мне надежду иметь со временем нужные книги за одни мои труды. Книгопродавец сдержал слово и книги на условные деньги мне отдал...

В бытность мою в университете учились мы весьма беспорядочно. Ибо, с одной стороны, причину

тому была ребяческая лень, а с другой — нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учительпил смертную чашу; латинского языка учитель³⁵ был пример злонравия, пьянства и всех подлых пороков; но голову имел преострую и как латинский, так и российский язык знал очень хорошо.

В сие время тогдашний наш директор³⁶ вздумал ехать в Петербург и везти с собою несколько учеников для показания основателю университета³⁷ плодов сего училища. Я не знаю, каким образом попал я и брат мой в сие число избранных учеников. Директор с своею супругою и человек десять нас малолетних отправились в Петербург зимою. Сие путешествие было для меня первое и, следственно, трудное, так как и для всех моих товарищей; но благодарность обязывает меня к признанию, что тягость нашу облегчало весьма милостивое внимание начальника. Он и супруга его имели смотрение за нами, как за детьми своими; и мы с братом, приехав в Петербург, стали в доме родного дяди нашего. Он имеет характер весьма кроткий, и можно с достоверностью сказать, что во всю жизнь свою с намерением никого не только делом, ниже словом не обидел.

Чрез несколько дней директор представил нас куратору. Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво, взяв меня за руку, подвел к человеку, которого вид обратил на себя мое почтительное внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? «По-латыни», — отвечал я. Тут он начал

говорить о пользе латинского языка с великим, правду сказать, красноречием. После обеда в тот же день были мы во дворце на куртаге; но государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивлен был великолепием двора нашей императрицы. Везде сияющее золото, собрание людей в голубых и красных лентах, множество дам прекрасных, наконец, огромная музыка, все сие поражало зрение и слух мой, и дворец казался мне жилищем существа выше смертного. Сему так и быть надлежало: ибо тогда был я не старше четырнадцати лет, ничего еще не видывал, все казалось мне ново и прелестно. Приехав домой, спрашивал я у дядюшки: часто ли бывают у двора куртаги? «Почти всякое воскресенье», — отвечал он. И я решился продлить пребывание мое в Петербурге сколько можно долее, дабы чаще видеть двор. Но сие желание было действие любопытства и насыщения чувств. Мне хотелось чаще видеть великолепие двора и слышать приятную музыку, но скоро сие желание исчезло. Доброе сердце мое тосковать стало о моих родителях, которых захотелось видеть нетерпеливо: день получения от них писем был для меня приятнейший, и я сам по несколько раз заезжал на почту за письмами.

Но ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр, который я увидел в первый раз от роду. Играли русскую комедию, как теперь помню, «Генрих и Пернилла»³⁸. Тут видел я Шумского³⁹, который шутками своими так меня смешил, что я, потеряв благопристойность, хохотал изо всей силы. Действия, произведенного во мне театром, почти описать не-

возможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие. Я с ума было сошел от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядушки моего, у которого я жил. И действительно, через некоторое время по-

знакомился я тут с покойным

Федором Григорьевичем Волковым⁴⁰, мужем

глубокого разума, наполненного достоинствами, который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным. Тут познакомился я со славным нашим актером Иваном Афанасьевичем Дмитревским⁴¹, человеком честным, умным, знающим и с которым дружба моя до сих пор продолжается. Стоя в партерах, свел я знакомство с сыном одного знатного господина, которому физиономия моя понравилась; но как скоро спросил он меня, знаю ли я по-французски, и услышал от меня, что не знаю, то он вдруг переменялся и ко мне похолодел; он счел меня невеждою и худо воспитанным, начал надо мною шпынять; а я, приметя из оборота речей его, что он, кроме французского, коим говорил также плохо, не смыслит более ничего,

стал отъедаться, и моими эпиграммами загонял его так, что он унялся от насмешки и стал звать меня в гости; я отвечал учтиво, и мы разошлись приятельски. Но тут узнал я, сколько нужен молодому человеку французский язык, и для того твердо предпринял и начал учиться оному, а между тем продолжал латинский, на коем слушал логику у профессора Шадена⁴², бывшего тогда ректором. Сей ученый муж имеет отменное дарование преподавать лекции и изъяснять так внятно, что успехи наши были очевидны, и мы с братом скоро потом произведены были в студенты... В самое же сие время не оставлял я упражняться в переводах на российский язык с немецкого: перевел: «Жизнь Сифа, царя египетского»⁴³, но не весьма удачно. Знание мое в латинском языке пособило мне весьма к обучению французского. Через два года я мог разуметь Вольтера и начал переводить стихами его «Альзиру».

Д. И. Фонвизин
*«Чистосердечное признание
в делах моих и помышлениях»*

Воспитание аристократа

Несмотря на молодость моего отца и на то, что он вел рассеянную жизнь при дворе и в большом свете, он постарался дать нам такое хорошее воспитание, какое было возможно в то время. Мой дядя прислал для нас из Берлина гувернантку, которая составила себе там очень хорошую репутацию и, как я слышал, была лучшая, какую только можно было найти. Действительно, она много занимала нас. Эту девицу Riipaui заменила г-жа Berger. Мы незаметным образом научились французскому языку, и уже с 5- или 6-летнего возраста я обнаружил решительную склонность к чтению книг. Я должен сказать, что хотя воспитание, которое нам дали, не отличалось ни блеском, ни лишними расходами, употребляемыми на этот предмет в наше время, однако оно имело многие хорошие стороны. Главное его достоинство заключалось в том, что в то время не пренебрегали изучением русского языка, который в наше время уже не вносится в программу воспитания. Можно сказать,

что Россия — единственная страна, где пренебрегают изучением своего родного языка и всего, что касается страны, в которой люди родились на свет; само собой разумеется, что я разумею здесь современное поколение. Те жители Петербурга и Москвы, которые считают себя людьми просвещенными, заботятся о том, чтоб их дети знали французский язык, окружают их иностранцами, дают им дорого стоящих учителей танцев и музыки, но не учат их родному языку, так что это прекрасное и дорого стоящее воспитание ведет к совершенному незнанию родины, к равнодушию и даже презрению к стране, с которой неразрывно связано наше существование, и к привязанности ко всему, что касается нравов чужих стран, и в особенности Франции. Впрочем, следует признаться, что дворянство, которое живет во внутренних губерниях, не заражено этим непростительным заблуждением. Однако возвратимся к тому, что касается собственного воспитания.

На придворном театре давали два раза в неделю французские комедии, и наш отец брал нас туда с собою в свою ложу. Я упоминаю об этом обстоятельстве, потому что оно много способствовало тому, что мы с раннего детства получили решительную склонность к чтению и к литературе. Мой отец выписал для нас из Голландии довольно хорошо составленную библиотеку, в которой находились лучшие французские авторы и поэты, а также книги исторического содержания, так что, когда мне было 12 лет, я уже был хорошо знаком с произведениями Вольтера,

ужинать, ам сопровождавшие нас гувернеры и гувернантки ужинали за особым столом. Императрицу очень занимало смотреть, как мы танцевали и ужинали, и она сама села ужинать вместе с нашими отцами и матерями. Благодаря этой привычке видеть двор, мы незаметно привыкли к большому свету и к обществу. Существовал еще один обычай, много способствовавший тому, чтоб сделать нас развязными, а именно то, что дети лиц, состоявших при дворе, взаимно посещали друг друга по праздникам и воскресеньям. Между ними устраивались балы, на которые они отправлялись всегда в сопровождении гувернеров и гувернанток.

А. Р. Воронцов
«Записки»

Учение митрополита Платона

На шестом году от рождения начали Петра⁴⁴ обучать грамоте: азбуке, часослову и псалтири; а потом писать, каковой общий тогда был обучения порядок для всех, всякого состояния отроков. Петр был весьма понятен и удобно и скоро все изучивал, и хотя иногда к отроческим играм и резвостям был несколько склонен и от учения за тем в некоторые часы удалялся, но за то от отца был наказыван, с большею, может быть, строгостью, нежели бы возраст лет и живость младенческого свойства дозволяли. Однако и сию строгость матерние ласковые увещания приводили в умеренность. Изучился младенец грамоте и писать через два года и на восьмом году уже в церкви не только читал, но и пел церковные обыкновенные стихи; ибо в пении, по одной наслышке, столько успел, что на том же году мог уже один, без помощи другого, на клиросе отправить все пение Божественной литургии; ибо и голос имел светлый и приятный, и к пению особую склонность, и в церкви на всякой

службе Божией быть его особенно веселило, о какой его к церкви и к службе ее отличной склонности после не умолчу. И за таковое в таких летах преуспеяние и охоту к чтению и пению и прибежище к церкви, а притом за свой всегда веселый и ласковый нрав, и от родителей и от сторонних был любим и похваляем и выхваляем.

На десятом году от рождения был он отдан в школу... Отцу Петра желалось, чтобы и другой сын его, сей Петр, и брат его Александр определены были в Московскую епархию, в тамошнее училище, почему и просил московскую духовную консисторию, чтоб детей его, сего Петра, и другого брата его Александра, определить в Московскую академию, по причине брата его, находящегося в Москве; но секретарь его прошения не принимал, говоря, что ему, яко находящемуся в Коломенской епархии, надлежит отдать своих детей в семинарию коломенскую; но отец неотступно просил: секретарь два и три раза отказывал; отец два и три раза настоял сильно. Напоследок секретарь и утруженный и удивленный таковым настоянием перед всеми сказал: «Ну, ты прямо отец детям: здесь мы не можем обирать денег от священников, кои просят, чтоб их детей в школу не брали; а от тебя я не могу отвязаться, чтоб детей твоих в школу определить». И так приняв прошение, доложил присутствующим. Послано сообщение в Коломенскую епархию, что увольняются они для обучения в Московскую академию. Там охотно уволили и прислали в сей силе соответствие. И так Петр

и брат его меньшей Александр... определены в московскую Греко-латинскую академию; а жительство-вали при брате своем Тимофее при церкви Софии Премудрости Божия.

По приведении в Академию предстали пред префекта, который тогда был Иоанн Козлович⁴⁵, после бывший донской архимандрит, и наконец, переяславский епископ, и тамо умре. Префект ободрил представших пред ним отроков, сказав: «Детки, учитесь: после протопопове будете». И сие сбылось его пророчество: один и подлинно стал протопопом, а другой протопопов начальником. По определении в Академию изучился Петр в две недели читать и писать по-латыни, потом переведен в Фару, или низший грамматический класс, где быв год, переведен в Грамматику. По прошествии года, в Синтаксему, или в высший грамматический класс; чрез год в Пиитику; по прошествии года в Риторику, где, быв два года, переведен в Философию; а чрез два года уже и в Богословию...

Обучался Петр Левшинов (ибо так он прозывался) латинскому языку и помянутым наукам пиитике, риторике, философии и богословию. Притом обучался сам собою географии, а знание истории приобрел всегдашним чтением исторических книг, к чему прилежал чрез всю свою жизнь, и не было для него приятнее упражнения, как чтение истории, всей вообще и своей отечественной.

По тогдашнему в Академии порядку греческому языку обучались ученики особо, чрез два года по окончании Синтаксиса, и из греческого класса переводимы

были в пиитический, чрез что латинского языка учение прерывалось. По желанию учителя пиитического, чтоб Петра иметь у себя в классе, греческий класс он миновал, а чрез то лишился знания греческого языка. Но дошед до Философии и увидев, что, по многим встречающимся греческим словам, языка сего знание нужно, а притом приметив, что некоторые товарищи его, впрочем, в успехах учения и худшие его, но греческий язык хотя несколько знают и тем пред ним преимуществуют, сим чувствительно тронут был Петр, что он, товарищей будучи гораздо в науках превосходнее, но знанием сего языка пред ними яко унижался; почему горячо принялся, чтоб желание свое выполнить. Но много встречалось затруднений. Не было грамматики греческой; купить было не на что; да и учить некому. Но чего не преодолевает горячее желание и тщание?

Выпросил на время у товарища грамматику греческую, на латинском языке сочиненную архимандри-

том Варлаамом Лашевским, и оную всю переписал; а чрез то и писать по-гречески изучился, как бы сри-совывая буквы греческие с печатных: почему и почерк его письма по-гречески был сходен с греческим печатным. Достав таким образом грамматику, начал сам себя по ней учить: сам себе уроки задавать; сам себя выслушивать; сам себя или похвалять за прилежание, или осуждать за нерадение. А как места случались, кои он выразуметь не мог, о том, приходя в школу, у товарищей своих, знавших греческий язык, спрашивал и чрез то вразумлялся. Потом и задачи к переводу с русского на греческий сам себе задавал, а о словах греческих спрашивал у товарищей и записывал; и потому дома сочинив, показывал товарищам, кои прочетши, или похваляли, или поправляли, чрез что и успевал помалу Левшинов. Но как сего было не довольно, ибо затруднительно, то вздумал он ходить в греческий монастырь, близ самой Академии стоящий, на службу Божию, сколько время позволяло; и со всем вниманием прислушивался к чтению и пению греков: и сие много Петра воспользовало; ибо и слова некоторые понял, и некоторое их сложение приметил; а паче правильное их произношение перенял; да и пению их несколько научился. А потом, когда стал учителем Академии, имел свободный случай с греками нередко обходиться; а через обхождение, разговаривая с ними, хотя худо, по-гречески, но чрез то себя поправлял и нечувствительно больший успех приобретал, ибо уже мог некоторые нетрудные на греческом языке книги читать и разуметь и с греками сколько-нибудь, хотя несовер-

шенно, разговаривать не попросту... как греки говорят, по-еллински. А потому уже, будучи в Академии пиитики учителем, обучал учеников греческой грамматике, и всегда, с удовольствием Петр о себе говорил, что он в греческом языке... сам себе учитель. И сие услаждение была истинная награда за малые его в изучении греческого языка труды. В прочих же во всех науках, в Академии преподаваемых, был Левшинов отлично успешен и из всех товарищей почитался первым, почему и от учителей и от товарищей всех был особо любим, от учителей за прилежание, всегдашнее в школу хождение, за отличный во всем успех и за благонравие. А притом как он изучился партесному пению⁴⁶ и имел голос приятный, и знал в пении искусство, то и сие любовь к Петру учителей умножало...

Но как между тем поступал Петр в домашнем обхождении и в чем упражнялся? Жил он при помянутом брате своем Тимофее, который был диаконом у Спаса в Спасской, где вместе жили и родители его. Петр, исправив задачи, назначенные от школы, дома упражнялся в чтении книг и в хождении в церковь на службу Божию, всегда он, чрез всю жизнь сожалел, что тогда в Академии другим наукам и языкам не обучали, в коих он, конечно, сколько-нибудь преуспел бы. А паче сожалел, что превеликую охоту имел к чтению книг, но книг дома никаких не было: купить было не на что. Почему Петр, чтобы утолить жажду свою, читал все книги, какие в церкви могли найтись; яко то: «Четьиминеи», «Прологи»⁴⁷, «Камень веры»⁴⁸, «Маргарит»⁴⁹, «Обед духовный»⁵⁰, «Вечерю»⁵¹, историю Барония⁵²,

а паче всего послания Апостола Павла, коими толико восхищался, что он, может быть, более двадцати раз прочитал; и никто ему столько не нравился, как сей высшего имени и духа муж и Святой Иоанн Златоуст. А к лучшему знанию в латинском языке много ему послужили, книжка Цицеронова о должностях «De officiis», которую мать, ходя по площади и сама не зная, для него купила; а другая — история Курциева⁵³, которую он выпросил у товарища для прочтения; он их с жадностию великою читал и по особой склонности, и по неимению других книг многократно их чтение повторял; особливо услаждался пресладостным и остроумным слогом Курция; и казалось ему, что язык, коим говорил Курций, есть яко выше человеческого, поелику подобной сладости и остроты и умных переверотов ни в каком российском писателе найти ему не случалось, или так вкусу его нравилось.

И так, в чтении книг Левшинов препровождал домашнее время, а притом никогда не оставлял ходить в церковь, когда от школ было свободно; особливо во время вакаций ни единого дня не упускал, чтоб не быть на вечерни и на литургии; а на утреньях в воскресенье и праздничные дни. В церкви был первый из читающих и поющих; и как в пении был искусен и ни в чем исправным церковникам не уступал и устав церковный нехудо знал, то и любим был до зела священно и церковнослужителями и прихожанами, особливо кои были также охотны к пению, и в сем было его любимое упражнение, и можно поистине сказать, что не знал, кроме трех мест: дома, церкви и школы...

Когда при открытии в Москве университета был он выбран и назначен в студенты в университет и когда другие не только того хотели, но искали, Петр никак на то не согласился и совершенно от того отрекся так, как и от других светских ему предлагаемых состояний...

По окончании двух лет в учении богословии Левшинов ректором и архимандритом и учителем его Геннадием, у коего он и жил, обучая племянников его, представлен был в св. синод на пиитический класс в учителя в академию, вместе с справщиком типографии Петром Петровым, который ныне митрополитом Новгородским Гавриилом⁵⁴. И хотя указом велено его, Петрова, определить, но с тем, ежели он в монашество вступить пожелает; но как он тогда от сего отрекся, то и пал жребий на Левшинова; и он определен учителем пиитики 1757 года, с получением жалованья по 170 рублей...

Определенный новый учитель обучал пиитике и греческому языку. Но притом возложена на него должность, по порядку, принятому в Академии, чтоб толковать катехизис публично по воскресным дням в собрании Академии и всех со стороны всякого состояния людей для слушания приходящих.

*Митрополит Платон (Левшин)
«Записки»*

Образовательная заграничная поездка

Французское посольство в Петербурге, с Лопиталем⁵⁵ во главе, отличалось необыкновенным великолепием... Императрице очень понравился этот блеск, а также манеры и тон маркиза Лопиталья... Жил он очень роскошно и держал в некотором роде открытый стол. Он часто бывал у моего дяди вице-канцлера, встречался там со мной и пригласил меня посещать его, на что мой дядя дал мне позволение. После того, как я побывал у него несколько раз и много разговаривал с ним, он стал хвалить меня моему дяде и предложил ему послать меня во Францию. Он сказал дяде, что недавно открыто в Версале отличное заведение, находящееся под особым покровительством короля, а именно школа *chevaux légers*⁵⁶, что там воспитываются сыновья самых знатных французских вельмож и высшего дворянства, что хотя туда и не принимаются иностранцы, но он нисколько не сомневается в том, что король дозволит мне поступить туда, а потому предлагал написать об этом своему двору, если

мой дядя захочет. Через два месяца Лопиталь получил в ответ на свое письмо уведомление от французского министра иностранных дел аббата де Берни⁵⁷, что король с удовольствием даст приказание принять в школу *chevaux légers* племянника русского вице-канцлера. Это предложение пришлось моему дяде очень по вкусу; он доложил об этом императрице и получил от нее разрешение послать меня туда. В эту пору императрица часто приезжала запросто ужинать к моему дяде и почти каждый раз встречалась там с посланниками венским и французским. Лопиталь, как сама императрица рассказывала моему дяде, говорил ей о моем помещении в школу *chevaux légers* и вместе с тем отзывался обо мне с похвалой. Мой дядя и мой отец занялись приготовлениями к моему отъезду, а императрица была так добра, что приказала дать мне рескрипт к нашему посланнику во Франции Бестужеву⁵⁸ с поручением устроить мое вступление в помянутую школу и пещись обо мне.

Я могу сказать, что этот отъезд во Францию имел большое влияние на склад моего ума, так как он способствовал моему умственному развитию и еще усилил мою склонность к деловым занятиям. Мой дядя очень интересовался мною и всем, что касалось моего образования, и я могу сказать, что в этом отношении он был для меня настоящим отцом...

Мой дядя, очень заботившийся обо всем, что касалось моего отъезда, снабдил меня отеческими наставлениями, как я должен себя вести, дал мне рекомендательные письма к нашим посланникам в Варшаве

и Вене, которые я должен был проезжать, и в особенности горячо рекомендовал своему другу русскому посланнику в Париже графу Бестужеву, попечению которого он меня всецело поручал. Он также дал мне письма в Ригу и к нашим генералам в Пруссию, через которую лежал мой путь...

Простившись с моими родными, я выехал из Петербурга, сколько могу припомнить, 27 или 28 февраля 1758 года. Мое семейство имело ко мне достаточно доверия, чтоб не назначать никакого ко мне гувернера для сопровождения меня до Парижа. Мне шел тогда семнадцатый год, но я могу сказать, что мое поведение во время пути оправдало доверие моих родных, так как я ни разу не впал в те увлечения, которые так свойственны молодым людям моих лет...

Приехав в Вену, я тотчас отправился к нашему послу графу Кейзерлингу, который принял меня очень хорошо и пригласил меня остановиться в его доме, где он уже заранее приготовил для меня комнаты...

Вена, как известно, имеет крепость и была в состоянии выдерживать осады; поэтому так называемый старый город не очень обширен. Впрочем, в нем есть площади, очень красивые улицы и прекрасные здания. В улице, где живет знать, много больших барских домов. Императрица⁵⁹ много сделала для украшения города, выстроивши для каждого министра и для каждого министерства очень большие дворцы в близком расстоянии один от другого, что очень облегчает ведение дел. Дворец, в котором живет двор, хотя и велик, но старинной архитектуры. Сверх того при дворе есть

великолепная публичная библиотека, очень обширный кабинет редкостей и прекрасная картинная галерея. Казнохранилище, где находятся все коронные драгоценности, также очень интересно. Сверх того в Вене много церквей, воспитательных заведений и училищ, из которых некоторые были выстроены императрицей-королевой...

В то время в Вене было два театра и очень хорошая французская комедия. Зала, в которой давались представления, сообщалась посредством галереи с дворцом и часто посещалась двором. Немецкий театр славился великолепными балетами, и я должен признаться, что мне до той поры еще не случалось видеть ничего подобного. Австрийская аристократия очень высокомерна, любит церемонии и этикет и очень чванится роскошью своих обедов. Признаюсь, что в мое первое пребывание в этом городе, несмотря на оказанный мне повсюду хороший прием, мне не понравился господствующий там тон. Впрочем, женщины там довольно любезны и красивы; но мужчины показались мне неприятными. Я разумею венскую молодежь; что же касается людей, состоящих на государственной службе, то едва ли найдется другая страна, где было бы столько способных должностных лиц, как в Вене...

Из Виртемберга я прибыл в Мангейм, столицу курфирстов-палатинов...

Двор находился в то время в загородном замке Швейцингер, находящемся неподалеку от города: туда вела аллея, которая содержалась в большом порядке. Я отправился туда с рекомендательными пись-

мами к главному министру курфирста, который, испросив разрешение у своего государя, повез меня в замок и представил меня курфирсту и его супруге, и они пригласили меня на обед. При этом дворе был большой порядок, много великолепия и довольно всякого этикета. Курфирст имел репутацию человека сведущего и образованного, любящего литературу и искусства... Главный министр курфирста, которому я был рекомендован, пригласил меня войти в столовую, где ожидали прибытия самого курфирста; я застал там многочисленное общество и увидел накрытый большой стол...

До прибытия курфирста я заметил, что все очень ухаживают за одним пожилым человеком; я спросил имя этого старика и к великому моему удивлению узнал, что это Вольтер. Так как я всегда восхищался произведениями Вольтера, то и был в неописанном восторге от того, что имел случай его видеть. Я пожелал, чтоб меня представили этому знаменитому человеку, и просил у него позволения посетить его после обеда (он жил в замке). Лишь только вошли в залу курфирст и его супруга и лишь только они обменялись несколькими словами с некоторыми из гостей, мы сели за стол; мне пришлось сесть недалеко от курфирста, что мне было очень приятно, потому что это давало мне возможность не проронить ни одного слова из того, что говорил Вольтер...

Чтоб не беспокоить Вольтера тотчас после обеда, я пошел прогуливаться в сад курфирста, а затем отправился в апартаменты этого писателя и приказал

доложить о себе. Он тотчас принял меня, много говорил об императрице Елизавете, о ее человеколюбии и об изданном ею при вступлении на престол законе, уничтожавшем смертную казнь; он также говорил мне с восторгом о Петре Великом. Он в то время писал историю этого великого государя; это было мне известно еще до моего отъезда из Петербурга. Мне было также известно, что камергер Шувалов, находившийся с нами в переписке, собирал для отсылки к нему материалы и сведения о Петре Великом. Этот знаменитый писатель много говорил мне о необъятности России и о наших соседях китайцах.

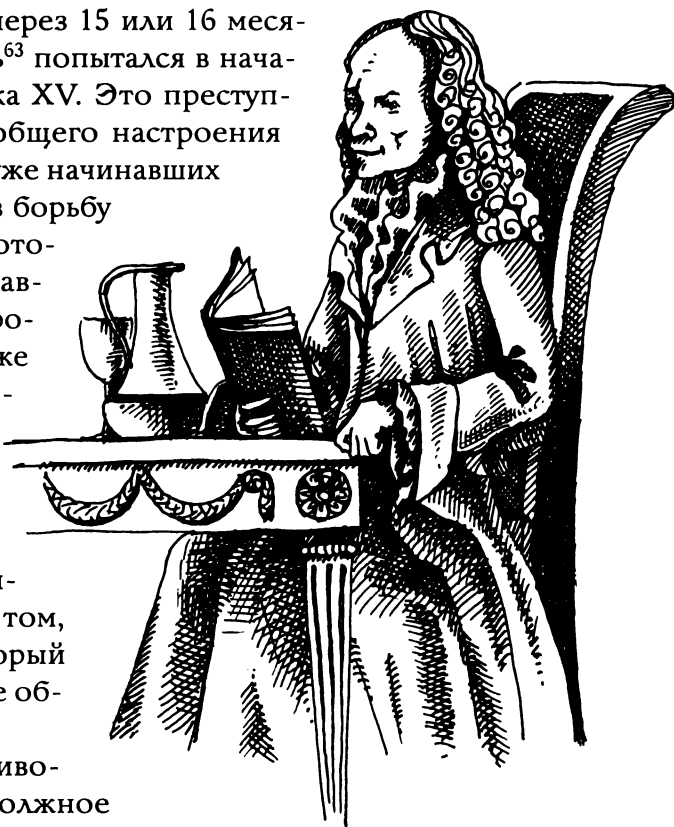
Так как в этот вечер был назначен спектакль в замке, куда он, конечно, намерен был отправиться, то я не считал вежливым долго его задерживать и попросил у него позволения посещать его во время моего пребывания в Мангейме.

Курфюрст содержал на свой счет целую труппу французских комических актеров. Я отправился в театр; давали «Магомета», и я заметил, что Вольтер волновался, когда он находил, что кто-нибудь из актеров придавал иной раз фразе не тот смысл, какого желал автор.

Желание видаться с Вольтером заставило меня провести несколько лишних дней в Мангейме. Каждые два дня я отправлялся на дачу курфюрста в театр, на котором давали одни трагедии Вольтера, а после обеда посещал этого знаменитого писателя, с которым проводил один или два часа. Во время моего второго посещения он говорил мне о войне, которую ведут два

императорских двора и Франция с прусским королем⁶⁰; было нетрудно заметить, что он чрезвычайно желал унижения короля. Он сказал мне, что Фридрих хитер, что он обладает большими военными дарованиями и что он имеет искусных генералов, несмотря на то, что потерял многих из них в битве 1757 года⁶¹. Вольтер еще так недавно вынес большие неприятности во время своего пребывания в Потсдаме, затем подвергся во Франкфурте аресту по распоряжению прусского короля и был жертвою самого грубого обращения, и эти неприятные воспоминания натурально отзывались в его разговоре. Он вообще много говорил о Фридрихе и передавал мне, что в своих беседах, в особенности за ужином, Фридрих позволял себе дурно отзываться об императрице Елизавете. Я слышал от Вольтера про оскорбления, которые Фридрих нанес нашему Гроссу⁶² и которых свидетелем был сам Вольтер. Позднее венценосный поэт помирился с первым из поэтов, и Вольтер до своей смерти поддерживал переписку с прусским королем. Когда я был у него в последний раз, чтоб проститься с ним, он говорил мне о моем будущем пребывании во Франции, хвалил заведение *chevaux légers*, в которое я намеревался поступить, дал мне очень хорошие советы касательно моих будущих занятий и в заключение посоветовал мне, чтоб, проезжая через Страсбург, я повидался там с одним почтенным ученым, который может быть очень мне полезен своими познаниями. Это был г. Шепфинг, к которому он дал мне рекомендательное письмо...

Я прибыл во Францию через 15 или 16 месяцев после того, как Дамиень⁶³ попытался в начале 1757 года убить Людовика XV. Это преступление было последствием общего настроения умов в пользу парламентов, уже начинавших довольно открыто вступать в борьбу с двором... В гостиницах, в которых мне приходилось останавливаться и которые очень хороши, хотя довольно дороги, даже жены трактирщиков не говорили мне ни о чем другом, как об их уважении к парламенту, о принце Конти, который, по их словам, был друг народа и защитник привилегий их парламента, и о том, что их доброго короля, который в ту пору еще был любим, все обманывают.

Я слушал их, но не противоречил им. Если обратить должное внимание на тогдашнюю склонность в умах разгорячаться и увлекаться, нетрудно будет открыть в ней зародыш того, что случилось впоследствии. Однако в ту пору еще не было речи о чем-либо враждебном к престолу и церкви...

Однако парламенты, и в особенности парижский парламент, приобретали с каждым днем все более и более доверия и уважения в глазах народа. Даже

изгнания, которыми их иногда наказывали, были им благоприятны, потому что усиливали народное к ним расположение. Изгнания парламентов, к которым двор прибегал, когда был выводим из терпения оказанным ему сопротивлением, были непродолжительны, потому что законники, адвокаты и прокуроры отказывались от ведения тяжёбных дел, так что отправление правосудия приостанавливалось, и король в конце концов снова призывал парламент и даже делал ему в некоторых статьях уступки. Вот в каком положении находилось внутреннее управление Франции во время моего прибытия туда...

Уже было около 8 часов вечера, когда я прибыл в Париж; однако я все-таки решился тотчас отправиться к нашему послу и с этою целью попросил хозяина доставить мне наемную карету и наемного лакея. Затем он спросил у меня, не нужен ли мне портной, чтоб одеть меня так, как одеваются в Париже, на что я согласился...

Узнав из афиш, что в этот день давали «Заиру»⁶⁵, я попросил у гр. Бестужева позволения отправиться в театр, сказав ему, что я горю нетерпением увидеть, как играют на парижской сцене. Он согласился на это и приказал Хотинскому⁶⁶ сопровождать меня. Я был удивлен и поражен этим представлением и в особенности игрой Лекена⁶⁷ и Саразена⁶⁸, исполнявшего роль Люзиньяна. Этот актер был уже очень стар и играл на театре в последний раз. Девушка Госсен, хотя и немолодая женщина, очень хорошо исполняла роль Заиры, внесла в нее много чувствительности и вызывала

аплодисменты. Зала, в которой давалось представление, некрасива, находится в узенькой улице и недостойна такого большого города. Кроме Французской комедии, в Париже был еще Итальянский театр⁶⁹, на котором давались пьесы с арлекинами и даже французские пьесы без арлекинов, а также комические оперы. Там были очень хорошие актеры, в особенности знаменитый Карлен⁷⁰. Была еще Большая опера или, как ее называли, Академия музыки; там давались спектакли, производившие впечатление балетами, декорациями, хорами, увертюрой оркестра и множеством действующих лиц, появлявшихся на сцене. Актеры исполняли свои роли в совершенстве, точно будто они разыгрывали какую-нибудь трагедию, а либретто было всегда составлено с большим тщанием, не так, как в больших итальянских операх. Тем не менее этот спектакль мне не понравился: и французская музыка, и вскрикивания певцов драли мне уши; я стал ходить туда только тогда, когда давали оперу Ж. Ж. Руссо «Le Devin du Village»⁷¹...

Послы обыкновенно ездили по вторникам в Версаль, чтоб представляться королевскому семейству и совещаться с министром иностранных дел, у которого они обедали. Наш посол намеревался свезти меня туда, чтоб представить меня аббату Берни и переговорить с ним касательно моего поступления в школу *chevaux légers*; но в первые два вторника моего пребывания в Париже король ездил на охоту, и потому прием послов был отложен до другого времени. Тем временем я старался познакомиться с Парижем,

много ходил пешком, посещал лавки и книжные магазины. Огромное число этих последних поразило меня. Кроме улицы Сен-Жак, которая вся наполнена книжными магазинами, нет почти ни одной большой улицы, где бы их не было...

Меня натурально очень поразила и громадность Парижа, и многочисленность его населения, и предприимчивая деятельность жителей. В нем есть очень красивые кварталы или по меньшей мере целые улицы, где нет других зданий, кроме больших отелей. В Сен-Жерменском предместье большая часть домов имеет с одной стороны двор, а с другой сад. В старом городе улицы узки, однако есть также большие и красивые, как, например, улицы Сент-Оноре, Сент-Антуан и некоторые другие. Городские площади и сады, как, например, Тюльерийский, Пале-Рояля, Люксембургский и при Арсенале, чрезвычайно хороши. Сад князя Субиза, примыкающий к его отелю, также открыт для публики. Некоторые набережные вдоль Сены красивы; там много больших отелей, точно так же и на бульварах, где к отелям примыкают сады; таков, например, отель маршала Ришелье...

Так как король находился в Версале, то члены дипломатического корпуса ездили туда. Наш посол взял меня с собою для того, чтоб представить меня двору и министру иностранных дел. Мы выехали из Парижа по великолепной аллее, которая носит название Cours de la Reine; затем мы проехали две мили по великолепной набережной, идущей вдоль Сены; вся эта дорога до самого Севра окружена непрерывным рядом

хорошеньких деревенских домиков и других жилищ. Затем становятся издали видны дворец и часть садов Сен-Клу. От Севра остается еще две мили до Версаля по очень хорошему шоссе, но эта дорога печальна и монотонна. Приехавши в Версаль, мы остановились у министра иностранных дел. Посол представил меня аббату Берни, который тотчас послал записку к первому камер-юнкеру касательно моего представления королю. Члены дипломатического корпуса отправились во дворец в комнату, которую называют залой послов и в которой они обыкновенно отдыхают в ожидании приема у короля... Очень скоро вслед затем отворилась настежь дверь, и дипломатический корпус вошел в спальню короля, где также находилось множество французских вельмож. Лица, ожидавшие чести быть представленными, стали у дверей. Это та самая спальня, которую занимал Людовик XIV; в ней оставалась вся его мебель, равно как и в больших дворцовых апартаментах. Но король Франции обыкновенно жил в маленьких апартаментах, которые были меблированы со вкусом и изяществом.

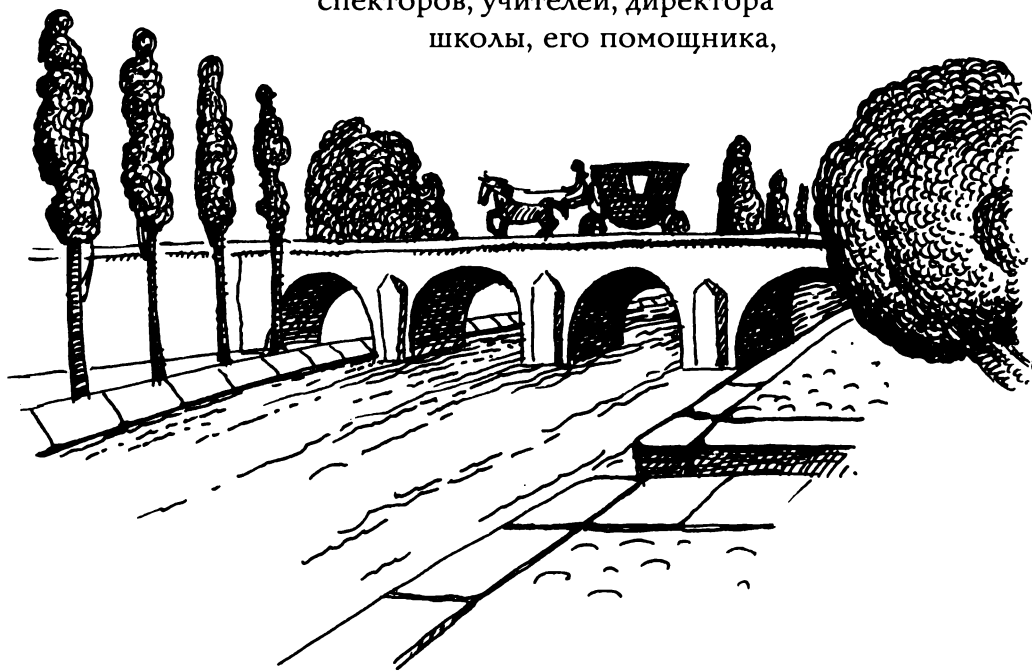
Члены дипломатического корпуса, войдя в спальню, составили кружок вокруг короля...

После обеда мы возвратились в Париж. В карете Бестужев сказал мне, что он говорил г-ну Берни о том, что я послан во Францию для поступления в школу *chevaux légers*. Берни отвечал, что король был в свое время уведомлен об этом своим послом в России, что он испросит приказаний у его величества и уведомит о том. Когда я заговорил о всей этой версаль-

ской сцене и о всех разъездах, Бестужев признался мне, что все это надоело ему и даже было утомительно для его лет и что он очень желал бы окончить свои дни на каком-нибудь более спокойном посольском месте.

Через две недели после поездки Бестужева в Версаль он получил от аббата Берни письменное уведомление, что г-жа Помпадур писала по приказанию короля директору школы *chevaux légers* герцогу Шольнесу, что все готово для моего поступления туда и что я могу поступить, когда захочу. Сделав все нужные приготовления, я дней через 8 или 9 отправился в один из вторников в Версаль вместе с графом Бестужевым; мы обедали у аббата Берни, которому посол сказал, что сам отвезет меня в этот день в школу. Этот аббат был чрезвычайно любезен со мной и сказал мне, что мы оба будем теперь жителями Версаля и потому он просит меня считать его дом за мой собственный и приходить к нему обедать всегда, когда захочу. По выходе от министра иностранных дел наш посол сам свез меня в школу, отрекомендовал меня и сдал на руки полковнику Лаберзаку, который был инспектором школы под начальством герцога Шольнеса; затем Бестужев пошел осмотреть назначенное мне помещение. Он нашел его удобным, так как оно состояло из двух комнат, небольшой прихожей и антресолей для прислуги; все это было очень чисто. Посол пробыл несколько минут в этом помещении, сказал мне, что по праздникам и во время ваканций я могу иногда приезжать к нему в Париж, и затем простился со мной очень ласково.

Нетрудно себе представить, как мне было неловко, когда я очутился в среде почти 20 молодых людей и многих офицеров генерального штаба и инспекторов, совершенно мне незнакомых. Но я должен отдать справедливость любезности всей этой французской знатной молодежи, которая была так предупредительна со мной, что через два дня я уже был там как дома, точно будто я прожил там несколько месяцев. Помещение, занимаемое школой *chevaux légers*, было обширно; оно находилось в одной из версальских улиц, неподалеку от дворца. Король велел скупить для оного много домов и павильонов, которые и были обнесены одной оградой. Действительно, нужно было много места, чтоб поместить 120 воспитанников, офицеров, инспекторов, учителей, директора школы, его помощника,

одного майора и около 50 легких кавалеристов, принадлежавших к полку, но не входивших в состав школы; сверх того, там были очень большие комнаты для классов, столовые, больница, манеж и большой пруд, в котором учились плавать. Школа была наполнена молодежью, принадлежавшей к высшему французскому дворянству; не было во Франции ни одной провинции, которая не прислала бы туда воспитанников, так что, живя там, можно было составить себе понятие о духе различных провинций. Некоторые из воспитанников сохраняли свой провинциальный характер и в школе, как, например, бретонцы, которые были большею частью горячие головы. Годовая плата была в 4000 ливров; за эти деньги мы имели помещение, освещение, учителей, ежегодно новый мундир, сюртук и мытье белья. Стол был приличный, чистый и хороший; по пятницам и субботам ели постное...

На другой день я отправился в классы. Барабанный бой извещал воспитанников, что настал час занятий. Классы начинались в 7 часов утра; в 10 часов был небольшой перерыв для завтрака, после которого занятия продолжались до половины 1-го; это был час обеда, после которого возобновлялись занятия в классах и продолжались до 7 часов вечера; в 8 часов ужинали. Каждый стол накрывался как для обеда, так и для ужина, на двенадцать приборов, и сверх того ставили тринадцатый прибор для офицера или инспектора, наблюдавшего за тем, чтоб все было прилично и в порядке. В праздничные и воскресные дни, а также по субботам после обеда занятий в классах

не было. Тогда можно было, с разрешения дежурного офицера, отправляться гулять по парку и по окрестностям Версаля или посещать живущих в городе знакомых. Но тот, кто желал отправиться в праздничный день в Париж, должен был просить на это разрешения у директора школы г-на Лаберзака.

По прошествии одной недели моего пребывания в этой школе я уже понял, что она хороша и может быть полезна для меня, а потому стал заниматься очень усердно. Я сошелся с некоторыми из моих товарищей, общество которых мне всего более нравилось, и нисколько не тяготился моим пребыванием в школе. Я пригласил г-на Арну посещать меня в промежутках между классами и давать мне уроки словесности и литературы, за что, конечно, я платил ему особо... По субботам после обеда, а также в праздничные дни я иногда ходил слушать французские комедии, дававшиеся на городском театре, которые были не совсем плохи; а когда погода была хороша, я отправлялся гулять в парк с теми из моих товарищей, с которыми я всего более был дружен; там мы заказывали у швейцара оранжереи ужин. Иногда мы отправлялись в Трианон и обедали там у швейцара и чисто, и дешево... Воспитанники исполняли за отсутствующих служебные обязанности, заключавшиеся в том, что один из этих легких кавалеристов должен был являться во дворец прежде, нежели король отправится к обеду. Там должны были находиться один жандарм, один легкий кавалерист, один мушкетер серый и один черный: это называлось испрашивать приказаний

короля. Эти четыре ординарца выстраивались в ряд при проходе короля. Король говорил им: «нет ничего нового», этим кончалось их дежурство. Я попросил г-на Лаберзака, чтоб и меня назначили в мою очередь на такое дежурство, что чрезвычайно понравилось моим товарищам; мне несколько раз приходилось таким образом дежурить, и король был так добр, что всякий раз говорил мне несколько слов.

А. Р. Воронцов
«Записки»

Самообразование русского офицера за границей

НА САМОЙ той улице, где я стоял, и неподалеку от нас, случилось жить одному ученому и такому человеку, который упражнялся в шлифовании стекол и в делании всякого рода оптических машин и других физических инструментов. К сему человеку завел меня один из моих знакомцев, и я не знаю, на земле ли я или инде был в те минуты, в которые показывал он мне разные свои и мною еще никогда не виданные вещи и инструменты. Прекрасные его и разные микроскопы, о которых я до того времени и понятия не имел, приводили меня в восхищение. Я не мог устать целый час смотреть в них на все маленькие показываемые им мне вещицы, а особливо на чрезвычайно малых животных, которых я видел тут в одной капельке воды, бегающих и ворочающихся тут в бесчисленном множестве и гоняющихся друг за другом. А не успел я сим насытить свое любопытное зрение, как хрустальные призмы и другие оптические инструменты и делаемые ими эксперименты приводили меня в новые восторги

и в удивление; но восхищение, в какое приведен я был его каморою-обскурою, не в состоянии я уже никак описать. Я истинно вне себя был от радости и удовольствия, когда увидел, как хорошо и каким неподражаемым искусством умеет сама натура рисовать на бумаге наипрекраснейшие картины, и, что всего удивительнее для меня было, наживейшими красками. Я долго не понимал, откуда брались сии разные колера, покуда не растолковал мне отчасти помянутый художник, который, приметив особенное мое и с великим примечанием сопряженное любопытство, не оставил показать мне все, что у него ни было, и многое изъяснить примерами для удобнейшего мне понятия. Словом, я вовек не позабуду тех приятных и восхитительных часов, которые препроводил я тогда у него в доме, и был человеку сему весьма много обязан, ибо он власно как отворил мне чрез то дверь в храм наук и заохотил идти в оный, и находить в науках тысячу удовольствий и увеселений, и которые помогли мне потом иметь толь многие блаженные минуты в течение моей жизни...

Мне пошел тогда двадцать первый год от рождения, и с самого сего времени началось прямо мое чтение книг, которое после обратилось мне в толикую пользу. До сего времени хотя я и читывал книги, но все мое чтение было ущипками и урывками и только по временам; а с сего времени присел я, так сказать, вплотную и принялся читать почти уже непрерывно и не сходя с места. Тогдашнее осеннее скучное время, начавшиеся длинные вечера, сидения всякой день в канцеля-

рии часу до десятого вечера, множество остающегося от дел и переводов праздного времени; обстоятельство, что я, хотя не многие, но платил за книги деньги, нехотение терять их попусту, но напротив того, желание воспользоваться сколько можно более сим вожденным случаем и успеть множайшие прочесть книги, а наконец, и самые любопытные и приятные материи тех книг, которые читал я сначала, были тому причиною, что я не терял почти ни минуты праздного времени, но все оное употреблял на чтение.

Теперь расскажу вам, какого рода книги читал я тогда наиболее. Чрез посредство помянутой купленной мне товарищем моим книжки хотя и узнал я о всех наилучших книгах и сочинениях во всех частях немецкой литературы и хотя, прочитывая свой каталог, к особливому удовольствию своему, находил, что многие из них были и у того кенигсбергского жителя, у которого я на другой же день начал брать книги для чтения, однако при том одном я не остался, но просил того же немца, моего товарища, который мне сей случай доставил и который взял на себя труд проводить туда одного из наших канцелярских солдат, которого я положил посылать всегда за книгами, чтоб и он мне, с своей стороны, присоветовал, какие мне сначала читать лучше, и те бы означил в каталоге. Он охотно сие и учинил, и означив все, которые ему были знакомы и лучше прочих, и пересказав мнение свое о доброте оных, советовал мне начало учинить чтением наилучших немецких романов. Он говорил, что чрез то не только я научусь читать книги

их проворнее и узнаю язык их совершеннее, но и всего способнее заохочусь и к дальнейшему чтению; а сверх того и веселее могу провождать тогдашнее скучное время, а особливо по вечерам, ибо как они любопытны, то могут занимать все мое внимание и не давать чувствовать скуки нежели другого рода книги.

На предложение сие я тем охотнее согласился, что оно сообразно было и с самыми склонностями моими. Клевеланд⁷² мой и некоторые другие, читанные мной до того романы вперили уже давно в меня вкус к оным, и я всегда с особливим удовольствием читывал книги, содержащие в себе что-нибудь историческое.

И как романов было у того пруссака превеликое множество, и в том числе были и все наилучшие и славнейшие, то пустился я в чтение оных и упражнялся в том с такою прилежностью и усердием, что не знал даже усталости. Солдат мой принужден был то и дело ходить за книгами, и скоро дошло до того, что не только немцы, мои товарищи, но и сам хозяин книг не мог довольно надивиться скорому прочитыванию мною оных и так, наконец, в меня вверился, что не опасался присылать ко мне и по целому десятку вдруг, и гораздо более нежели чего весь мой заклад стоил...

В таковом непрерывном чтении одних романов препроводил я не только всю тогдашнюю осень, но и всю зиму и даже большую часть последующего лета, и материя их не только мне не наскучивала, но, делаясь с каждым днем еще приятнейшею, в самом деле заохочивала меня от часу более к чтению. Я прочел

их тогда превеликое множество, и из всех лучших и славнейших тогда романов не осталось почти ни одного, который бы не побывал у меня в руках и мною с начала до конца прочитан не был...

Как бы то ни было, но помянутое чтение романов произвело мне многоразличные пользы. Наиглавнейшею из них можно почестъ ту, что я чрез многое чтение сие сделался в немецком языке несравненно знающее и совершеннее. Не только целые тысячи слов и речений, которых я до того никак не знал, сделались мне тут известными и вразумительными мимоходом и без всякого затверживания их наизусть, но я научился вкусу отчасти и в самом слоге сочинений немецких и узнал приятность и красоту одного, и чрез всего то приготовил себя нечувствительно к удобнейшему разумению и охотнейшему чтению других и полезнейших сочинений. Вторую, и не менее важную пользою, полученною мною от сего чтения, можно почестъ ту, что я, читая описываемые происшествия во всех государствах и во всех краях света, нечувствительно спознакомился гораздо ближе со всеми оными, а особливо с знатнейшими в свете городами. Я узнал и получил довольное понятие о разных нравах и обыкновениях народов и обо всем том, что во всех государствах есть хорошего и худого и как люди в том и другом государстве живут и что у них там водится. Сие заменило мне весьма многое особое чтение географических книг и сделало меня с сей стороны гораздо более знающим. Не меньшее понятие получил я и о роде жизни разного состояния людей, начиная

от владык земных, даже до людей самого низкого состояния. Самая житейская, светская жизнь во всех ее разных видах и состояниях и вообще весь свет сделался мне гораздо знакомее пред прежним, и я о многом таком получил яснейшее понятие, о чем до того имел только слабое и несовершенное. Что касается до моего сердца, то от многого чтения преисполнилось оно столь нежными и особыми чувствованиями, что я приметно ощущал в себе великую перемену и совсем себя власно как переродившимся. Я начал смотреть на все происшествия в свете не какими иными, а благоднейшими глазами, а все сие и вперяло в меня некое отвращение от грубого и гнусного обхождения и сообщества с порочными людьми и отвлекало от часу более от сообщества с ними. Наконец, происходила от того та польза, что как все праздное время по большей части занято у меня было одним чтением, то чрез сие не только не был я никогда в праздности, но и не занимался, кроме дел по должности, никакими другими прочими делами, которые легко могли б меня отвлечь от моих полезных упражнений и завести в какие-нибудь заблуждения. Что ж касается до увеселения, производимого мне сим чтением романов, то я не знаю уже, с чем бы оное сравнить и как бы изобразить вам оное. А довольно, когда скажу, что оное было непрерывное и так велико, что я и поныне еще не могу позабыть тогдашнего времени и того, сколь оно было для меня приятно и увеселительно. Мне и поныне еще памятно, как увеселялся я не только во времени чтения, просиживая

без всякой скуки длинные вечера, но голова моя так наполнена была читанными повестями и приключениями, что и во время самого скучного хождения по ночам из канцелярии на квартиру они не выходили у меня из памяти, и я ими и в сии скучные путешествия не менее занимался мыслями и веселился, как и во время чтения, и чрез то не чувствовал трудов и досады, с шествием по грязной и скользкой мостовой сопряженной...

По наступлении весны и лета время было уже не столь способно к чтению, как скучное зимнее, поелику множайшее количество наружных прельщающих предметов отвлекали к себе внимание и мешали чтению; однако я хотя с не таким усилием, но все продолжал упражняться в оном, но читал уже не столько романы, сколько другого сорта книги. Причиною тому было то, что наилучшие романы были уже мною все прочитаны и остались одни оборуши и такие, которых на чтение не хотелось почти тратить времени, а сверх того попались мне нечаянно обе те книжки господина Зульцера⁷³, которые писал сей славный немецкий автор о красоте натуры. Материя, содержащаяся в них, была для меня совсем новая, но так мне полюбилась, что я совершенно пленился оною. Словом, обе сии маленькие книжки произвели во мне такое действие, которое простерлось на все почти дни живота моего,

и были основанием превеликой перемене, сделавшейся потом во всех моих чувствованиях. Они-то первые начали меня спознакамливать с чудным устроением всего света и со всеми красотами природы, доставлявшими мне потом толико приятных минут в жизни и служившими поводами к тем бесчисленным непорочным увеселениям, которые потом знатную часть моего благополучия составляли.

Не успел я их прочесть, как не только глаза мои власно как растворились и я начал на всю натуру смотреть совсем иными глазами и находить там тысячу приятностей, где до того ни малейших не примечал, но возгорелось во мне пламенное и ненасытное желание читать множайшие книги такого ж сорта и узнавать от часу далее все устроение света. Словом, книжки сии были власно как фитилем, воспалившим гнездившуюся в сердце моем и до того самому мне неизвестную охоту ко всем физическим и другим так называемым естественным наукам. С того момента почти оставлены были мною все романы с покоем, и я стал уже выискивать все такие, которые к сим сколько-нибудь имели соотношение; и поелику у немца, снабжающего меня книгами, было таких мало, то не жалел я нимало денег на покупку совсем новых из лавки и доставал везде такие, где только можно было отыскать. А не успел я к ним несколько попривязаться, как нечувствительно получил вкус и к пиитическим сочинениям, имеющим толь близкое и тесное родство с ними. И как сего рода книг у немца моего было довольно, то пустился я в чтение оных, и сие так

меня заохотило, что я нечувствительно получил и сам некоторую склонность к стихотворству и в праздные иногда часы не только упражнялся в сочинении кой-каких стишков, но взял на себя труд, для удобнейшего приискания рифм, составить некоторый род пиитического словаря, которая книжка и поныне у меня целая и служит памятником тогдашней моей охоты к поэзии. Со всем тем судьбе, как видно, было неужгодно сделать меня стихотворцем. Из всех тогдашних моих трудов не вышло наконец ничего, и я хотя остался любителем стихотворства, но не сделался поэтом и увидел скоро, что натура не одарила меня потребным к тому даром. Словом, трудность составления рифм мне скоро наскучила, а как между тем занялся я другими и важнейшими материями, то и оставил поэзию с покоем.

Ко всему тому очень много помогло мне то, что попались мне в руки хорошие нравоучительные сочинения и, между прочими, нравоучительные рассуждения господина Гольберга. Сему славному датскому барону и сочинителю я очень много в жизнь свою обязан. Он почти первый сочинениями своими впери́л в меня охоту к нравоучению и прилепил меня так сильно к оному, что мне захотелось уже и самому, по примеру его, сделаться нравоучителем. За сие и поныне имею я к сему давно уже умершему мужу особое почтение и с особливыми чувствами смотрю на его портрет, в одной книге у себя найденный.

Немало же обязан я в жизни своей и славному лейпцигскому профессору Готшеду⁷⁴. Сей начальными своими основаниями философии не только спо-

знакомил меня вскользь и со всеми высшими философскими науками, но и вперил первый охоту к сим высоким званиям и проложил помянутыми книгами своими мне путь к дальнейшим упражнениям в сей ученой части. Многие и разные еженедельные сочинения, издаваемые в Германии в разные времена и в городах разных, попавшись мне также в руки, помогли не только усилиться во мне склонности к нравовучению, но познакомили меня и с эстетикою, положили основание хорошему вкусу и образовали во многих пунктах и ум мой и сердце. Я не только все сии журналы с особливым усердием и удовольствием читал, но многие пьесы из них, которые мне наиболее нравились, даже испытывал переводить на наш язык и в труде сем с особливым усердием упражнялся...

Но никому из всех немецких сочинителей не обязан я так много в жизнь мною, как господину Зульцеру; он, так как я и прежде упоминал, обеими маленькими и свету довольно известными книжками о красоте природы спознакомил меня первый с устройением мира, влил в меня охоту к физическим знаниям и научил узнавать, примечать и любоваться красотами и прелестьми природы и чрез самое то доставил мне в последующие потом дни, годы и времена бесчисленное множество веселых и драгоценных минут в жизни, каковыми и поныне, и даже в самой своей старости, пользуюсь.

Со всеми сими и многими другими полезными книгами и лучшими немецкими сочинениями спознакомила меня отчасти помянутая библиотека, достав-

лявшая мне книги для чтения, отчасти товарищи мои, немецкие канцеляристы, а отчасти и книжные аукционы. На сии продолжал я с такою ревностью ходить, что не пропускал из них ни единого и не возвращался никогда на квартиру, не принося с собою несколько книг, купленных на оных. От сего самого начала уже около сего времени формироваться у меня порядочная библиотека, и было у меня книг уже под сотенку и более; но все они стоили мне очень недорого. Однако нельзя сказать, чтоб и не покупал я кое-когда и новых. Всякий раз, когда ни случалось мне узнать какую-нибудь новую и полезную для себя книжку, как бегивал я в книжную лавку и, купив, отсылал к моему переплетчику, и работник его нередко принашивал ко мне целые кипы книг, вновь переплетенных...

Но всего для меня полезнее и достопамятнее было то, что я в течение сего года начал учиться и порядочно штудировать философию. Произошло сие совсем нечаянным и ненарочным почти образом, и так, что я и сей случай отношу к особым действиям и попечениям об истинном благе моем Божеского промысла. И как происшествие сие имело влияние на всю жизнь мою, то и расскажу я о том пространнее...

Из всех читанных мною до того времени философических книг некоторая так мне не нравилась, как Готшедовы начальные основания всей философии. Книга сия содержала в себе краткое изображение или сокращение всей так называемой вольфианской философии, которая была в тогдашнее время во всеобщем везде употреблении и, при всех своих

недостатках, почиталась тогда наилучшею. Почему и в Кенигсберге все профессора и учителя юношества обучали оной, так как, к сожалению, переселясь и к нам, господствует она и у нас еще и поныне.

Но мне всего меньше известно было тогда то, что философия сия имела многие недостатки и несовершенства...

А сколь мало было мне сие известно, столь же мало знал я и о том, что за несколько до того лет проявилась в свете новая и несравненно сей лучшая, основательнейшая и не только ни мало не вредная, но и то особенное пред всеми бывшими до того философиями преимущество имеющая философия, что она всякого прилепившегося к ней человека, хотя бы он и не хотел, но поневоле почти сделает добрым христианином, так как, напротив того, вольфианская и хорошего христианина превращала почти всегда в худого или паче в самого деиста и маловера, и что сия новая и крайне человеческому роду полезная философия, основанная в Лейпциге одним из тамошних ученейших людей, по имени Христианом Августом Крузием⁷⁵, начинала уже греметь в свете, получать многих себе последователей и мало-помалу распространяться в Европе и между прочим в самом том городе, где я тогда находился. Тут преподавал уже ее или учил публично один из университетских магистров, по имени Вейман; но как все прочие профессора были еще вольфианцы и последователями помянутой прежней и несовершенной философии, то и терпел он еще от них за то некоторое себе гонение и недоброхотство,

а особливо потому, что многие из студирующих в Кенигсберге, отставая от прежних учителей, прилеплялись к оному и, научившись лучшим правилам и мыслям, делались им такими противниками, которых они никак преобороть были не в состоянии на обыкновенных своих прениях.

Всего того я еще не знал и не узнал бы, может быть, никогда, если б не случилось присланным быть к нам из Москвы... десяти студентам и мне с двумя из них покороче познакомиться. Оба они были наилучшенькие из всех и самые те, которые назначались для занятия моего места и для исправления моей должности. Один из них прозывался Садовским, а другой Малиновским. Оба они были московские уроженцы, оба тамошних попов дети, но оба весьма хороших характеров, хорошего и смирного поведения; оба охотники до наук и хорошо в университете учившиеся и довольные уже сведения обо всем имевшие, а притом с хорошими чувствами люди. Как обоим им велено до того времени, покуда понавыкнут они более немецкому языку и к переводам сделаются способнейшими, приискать себе учителей из тамошних профессоров и продолжать у них прежние свои науки, то, учась еще в университете философии, избрали они и тут сей самый факультет и, приговорив одного из тамошних профессоров, стали продолжать слушать у них лекции, так как делывали то, будучи еще в московском университете.

Так случилось, что профессор тот был хотя, как и все прочие, вольфианец, но из учеников его, та-

мошних студентов, были некоторые, учившиеся тайно и у помянутого магистра Веймана той новой круизанской философии, о которой упоминал я выше, и что сии, спознакомившись и сдружившись с обоими нашими студентами, насаждали им столь много доброго, как о сей новой философии, так и о Веймане, что возбудили и у них охоту поучиться сей новой и толико лучшей и преимущественной философии. Они при помощи оных и познакомились тотчас с сим магистром, и как сей таковым новым охотникам учиться его философии очень был рад, то и пригласил он их ходить к себе по вечерам, и взялся охотно преподавать им privately лекции, а хотел только, чтоб дело сие было производимо тайно и так, чтоб не узнал того до времени тот профессор, у которого они до того учились, и чтоб он не мог за то претерпеть от него какого-нибудь себе злодействия, на что они и сами охотно согласились.

Но не успели они у него несколько раз побывать и лекций его послушать, как и пленились они столь сильно сею новою философиею, что восхотелось им и мне сообщить свое удовольствие. Со мною имели они уже время не только познакомиться, но даже и сдружиться, ибо как им приказано было от времени до времени приходить к нам и в канцелярию, то, узнав обо мне и об отменной моей охоте до книг и до наук, тотчас со мною познакомились короче и полюбили меня чрезвычайно, а не менее полюбил тотчас и я обоих их, и у нас всегда, как ни прихаживали они к нам, бывали с ними обо всем и обо всем, касаю-

щемся до книг и до наук, непрерывные и для меня отменно приятные разговоры, а сие и подружило нас между собою очень скоро неразрывною почти дружбаю.

Не могу изобразить, как удивился я, услышав от них о помянутой новой и совсем для меня еще неизвестной философии и о преимуществах ее пред прежней и мне знакомой, и как заохотили они самого меня узнать короче об оной и слышать, как преподаются об ней им лекции. Они услышали желание мое и не преминули поговорить о том с своим магистром Вейманом и спросить его, не позволит ли он им привести меня когда-нибудь с собою, дабы мог я хоть один раз присутствовать при преподавании им его лекций; и как неописанно обрадовали они меня, принеся известие ко мне, что он не только им то дозволил, но поставляет себе за особливую честь и будет очень рад, если удостою я его своим посещением.

Мы условились еще в тот же день идти к нему все вместе. Вечер случился тогда, как теперь помню, очень темный, осенний и притом ненастный, и хотя идти нам было очень дурно и проходить многие улицы и тесные переулки по скользким мостовым, но я не шел, а летел, ног под собою не слыша, вслед за моими проводниками. Я не иначе думал, что найду порядочный и хорошо убранный дом; но как удивился я, нашедшую хибарочку, во втором этаже одного посредственного домика, и в ней повсюду единые следы совершенной бедности. Иному не могла бы она ничего иного вперить, кроме одного презрения, но у меня

не то было на уме. Я искал в ней мудрости и был столь счастлив, что и нашел оную.

Господин Вейман принял меня с отменной ласкою и, посадив нас, тотчас начал свое дело. Материя, о которой по порядку им тогда говорить следовало, была наитончайшая и самая важнейшая из всей метафизики; как теперь помню, о времени и месте, и он, несмотря на всю ее тонкость, трактовал ее так хорошо, так внятно и украшал ее толь многими до обеих философий относящимися

побочностями, что я слушал ее с неописанным удовольствием и, пользуясь дозволением его, не уставал его то о том, то о другом, для лучшего понятия себе, расспрашивать...

С самого того времени не пропускал ни одного раза, чтоб вместе с товарищами моими к нему не ходить, и всегда располагал дела свои так, чтоб мне на весь седьмой час после обеда можно было из канцелярии к нему отлучиться. И г. Вейман так меня полюбил, что из всех своих учеников почитал наилучшим и всех скорее и совершеннее все понимающим, и о просвещении разума моего так много старался,

что я могу сказать, что обязан сему человеку очень много в моей жизни.

Сим образом начал я с сего времени порядочно студировать и слушать философические лекции и производил сие так сокровенно, что долгое время никто о том не знал и не ведал. Но как, наконец, частые и всегда в одно время бываемые отлучки мои из канцелярии сделались приметны, и некоторые из наших канцелярских стали подозревать меня и толковать оные в худую сторону, то принужден я был наконец открыться в том г. Чонжину и у него выпросить формальное уже для отлучек сих себе дозволение. И тогда имел я удовольствие видеть, что обратилось мне сие не в предосуждение, но в особливую честь и похвалу. Г. Чонжин не только расславил и рассказал о том всем с превеликою мне похвалою; но сказал даже и самому генералу и таким тоном, что и тот не преминул меня за то публично похвалить и при многих случаях приводить меня в пример и образец молодым людям, особливо распутным офицерам.

А. Болотов
*«Жизнь и приключения Андрея Болотова,
описанные самим им для своих потомков»*

Платон — законоучитель наследника Павла

...В 1763 году в марте месяце по именному императрицы указу определен в лавру ректор Платон наместником...

Воспоследовал того года в мае месяце паки императрицы поход в Ростов для перекладывания мощей Дмитрия Ростовского в новую раку; и далее в Ярославль; почему паки императрица прибыла в лавру. Платон яко наместник встретил императрицу у креста с приветствием и... говорил проповедь «О пользе благочестия», которую государыня столь приняла благоволиительно, что тотчас велела оную напечатать, и удостоила его со архимандритом быть при своем царском столе. Случилось ему за столом сесть с г. генерал-прокурором князем Яковом Петровичем Шаховским⁷⁶, который был тогда в особливой у императрицы милости. Князь за столом с наместником непрестанно говорил о разных материях. Императрица, приметив сие, говорит: «Князь, вы никак полюбили отца наместника, что с ним, не

переставая, говорите». На то князь: «Это, государыня, не человек, а урод». — «Почему так? Какой он урод?» — возразила императрица. На сие князь: «Я, государыня, с ним о разных материях разговаривал: он на все столь основательно решает, что меня удивил. И как я его о многом и до иных стран касающемся вопрошал. Он все так объяснял, как будто в чужих краях учился. Я его спрашивал: не был ли он в чужих краях и где учился. Он говорит, что нигде не был; а учился-то в Москве в Спасской школе. Сие все меня, государыня, удивило, что сей монах в столь молодых летах столь знания имеет; и потому я его называю уродом». И при том прибавил: «Дай Бог, чтоб наши дети, столько учились и столько издерживая, до такого просвещения достигли».

Таковой ответ князя много увеселил императрицу, да и все за столом сидящие взор и внимание на Платона обратили; ибо князь говорил весьма громко. Сие слыша, Платон внутренне Бога благодарил за такое милостивое судеб его действие. И потом императрица приглашала наместника ехать с собой в Ростов. Но он извинился болезнью груди...

По возвращении из Ростова, паки императрица посетила лавру и, увидев Платона, тотчас благосклонно спросила: есть ли ему легче от груди? Потом паки удостоился быть при государском столе и пожалован куском бархата рытого и денежною с прочими дачею немалою; и благополучно сопроводили высокую гостью. Дни через три после сего архимандрит отправился в Москву для принесения благодарения за по-

сещения и с собой крайне не хотевшего и желавшего несколько по трудам успокоиться взял Платона... На дороге получил архимандрит курьера от двора с письмом, чтоб, приехав в Москву, взял с собою Платона наместника и явился с ним ко двору. Приехав в Москву, в тот же день архимандрит с Платоном ко двору явился, где им сказано, что остаться при столе.

За столом императрица с ним благовоительно разговаривала и разные вопросы задавала, а паче граф Панин⁷⁷, яко гофмейстер наследника, разными предложениями его испытывал; особливо, как приметно было, хотел узнать, не суеверен ли Платон? Причем в первый раз за столом и будущего своего воспитанника великого князя видеть Платон имел честь. После стола граф Панин позвал к себе архимандрита и его

и объявил Платону, что ее императорское величество определяет его к государю наследнику Павлу Петровичу в учителя богословия с определенным жалованьем по тысячи рублей; а о прочем-де содержании его положено будет в Петербурге. Ибо тогда двор отправлялся в Петербург...

В Петербург приехали в первых числах августа 1763 года и остановились на Троицком подворье на Фонтанке... Между тем Платону от Двора определено жилище и содержание. Покои нехудые отведены,

в бывшем деревянном зимнем дворце, что на Мойке. Содержание, кроме 1000 р. жалованья, положено на стол 300 р., по штофу водки в неделю; по бутылке рейнвейну на день, меду полпива, кислых щей, дров и свеч неоскудное число, белье столовое и посуда всякая дворцовая; да истопник и работник, а сверх того карета дворцовая с парой лошадей и с конюхом. И так Платон начал жить в новом месте и несколько новым родом жизни. Ибо привыкши жить в монастырском уединении, тут окружен был мирскими, всякого состояния и пола, людьми, в том же дворце живущими, что не очень ему нравилось; но рад был, что тут же была церковь, в которой по воскресным и праздничным дням исправляли службу придворные священники.

Положено великому князю учение преподавать три дни в неделю, в понедельник, среду и пятницу, по часу, назначив к тому двенадцатый час, и по воскресным и праздничным пред обеднею читать Священное Писание с объяснением, сколько время дозволит. И так призвав Бога на помощь, начал учение Платон с великим князем августа 30 дня, сказав речь, в коей объяснив пользу сего учения, увещевал высокого ученика, чтоб прилагал к тому великое внимание и прилежание. Великий князь был горячего нрава, понятен, но развлекателен. Разные придворные обряды и увеселения немалым были препятствием учению. Граф Панин был занят министерскими делами, но и к гуляниям был склонен. Императрица самолично никогда в сие не входила. Однако высокий

воспитанник, по счастью, всегда был к набожности расположен, и рассуждение ли, или разговор относительно Бога и веры были ему всегда приятны. Сие, по примечанию, еще ему внедрено было с млеком, покойною Елисаветою Петровною, которая его горячо любила и воспитывала приставленными от нее весьма набожными женскими способами. Но при том великий князь был особо склонен и к военной науке и часто переходил с одного предмета на другой, не имея терпеливого к одной вещи внимания; и наружностью всякою в глаза бросающеюся, более прельщался, нежели углублялся во внутренность...

Митрополит Платон (Левшин)
«Записки»

Воспитание наследника Павла Петровича

1764 год. 20 сентября. День рождения его императорского высочества: минуло десять лет. Поутру Платон говорил ее величеству в покоях его небольшое поздравление, весьма разумно сложенное. Потом пошли к ее величеству на половину; оттуда за ее величеством к обедне. По окончании божественной службы говорил Платон проповедь на тему из чтения Евангелия: «В терпении стяжите души ваша». Сию проповедью ее величество приведена была в слезы, и многие из слушателей плакали, когда проповедник на конце предлагал о терпении ее величества в принесении трудов для пользы и безопасности отечества, о успехах его высочества в преподаваемых ему науках и о следующей оттуда надежде российской. Из церкви пошли на половину к ее величеству, где, приняв поздравления от чужестранных министров и пробыв несколько времени во внутренних покоях у ее величества, изволил его высочество возвратиться к себе и там еще принимать поздравления от придворных

той половины, от морских флагманов и офицеров и от штаб и обер-офицеров гвардии. Потом позавтракавши несколько, изволил пойти к обеденному столу ее величества. В продолжение стола присылали оттуда за грудным портретом ее величества, который датским живописцем недавно окончен и сегодня принесен. Государыня изволила указать, чтоб тот же живописец написал его высочества портрет во весь рост, потому что тот весьма был схож. После стола тотчас его высочество к себе пройтись изволил. Играли в бильярд, и его высочество с танцовщиком Гранже⁷⁸менуэта три протанцевать изволил. Вечеру, часу в шестом, пошли мы во внутренние покои ее величества. Там побыв несколько времени, изволил его высочество пойтись в залу и открыть бал с штатс-дамой графиней Румянцевой. Потом изволил танцевать с фрейлинами графиней Гендриковой, Хитровой, Паниной и графиней Шереметевой. Изволила прибыть на бал и ее величество; танцевать не изволила и, недолго побыв, ретировалась. По окончании бала был публичный большой стол в галерее. Сидели по билетам...

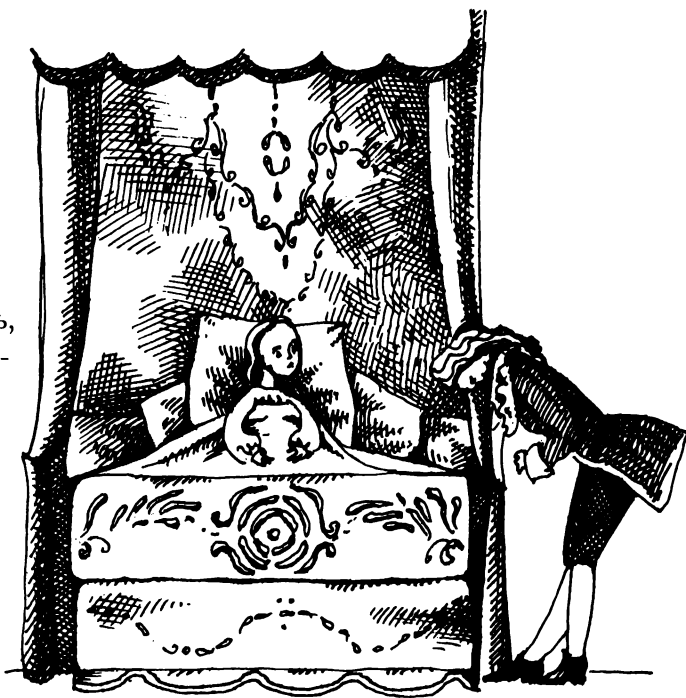
22 сентября. День коронавания ее величества. Его высочество, одевшись по утру, изволил ходить к государыне с поздравлением. Оттуда за ее величеством изволил пойтись в церковь. Не доходя до дверей церковных, в галерее стояли по обеим сторонам тридцать человек кавалергардов в новом их уборе, который надет был сегодня в первый раз. Командовал ими вахмистр их Д. В. Арсеньев. По окончании обедни преосвященный с.-петербургский Гавриил⁷⁹ говорил проповедь,

а на конец преосвященный Дмитрий Сеченов⁸⁰, митрополит новгородский, ее величеству поздравление, по обыкновению своему, в словах кратких, но важных и выразительных. От обедни его высочество, проводив ее императорское величество, изволил пойтить к себе и позавтракать. Того дня в зале был большой фигурный стол. Его высочество с государынею изволил кушать на троне, где во все время стола стоял у него за стулом и раскладывал ему кушанье его превосходительство Никита Иванович. Форшнейдером⁸¹ был и против ее величества стоял гр. А. Строганов⁸². Его высочество сидел у государыни по правую руку. Кушанье ставил во все время гофмаршал князь Н. М. Голицын⁸³: носили до трону кавалергарды. После стола его высочество, проводя государыню до ее покоев, возвратиться изволил к себе и препровождать время разговорами по большей части о завтрашнем маскараде. Потом танцевал с г. Гранже, при чем был и его превосходительство Никита Иванович... В окончании бала, часов в восемь, его высочество упражнен будучи воображением о завтрашнем маскараде и заботясь, чтоб лечь поранее, и проснувшись також поймать опять те же воображения и идеи, начал показывать почти сквозь слезы нетерпеливость, чтоб ретироваться, что его превосходительство Никита Иванович, наблюдая благопристойность, и принужден был сделать; но пришед в опочивальню не преминул, чтоб молодого государя гораздо не пожурить за то, и потом пошед к себе, нам рекомендовал с ним обхождение поступку его соответствующее; сему последуя во время ужина

и до самой той минуты, как его высочество опочивать лег, наблюдали мы особливую скромность и представляли английскую беседу, говоря с великими расстановками и чинами.

23 сентября. Его высочество изволил проснуться часов в шесть. Разговаривал со мною о вчерашнем дне, и я старался показать ему непристойность его поступка, в чем он и признаваться изволил. К сему прицепил я по смыслу и иные для его высочества наставления, которые все с великим вниманием были слушаны. По сем нечувствительно зашел у нас разговор о пословице: «каков поп, таков и приход». При том между прочим внушал я его высочеству, какая разница бывает между министрами и ближними государя доброго и остроумного и государя нерадивого и легкомысленного. Потом принесли государю примеривать сделанное для маскараду султанское платье и туфли. Часу в двенадцатом подал некий магистер Бодинус его высочеству немецкую оду. Потом читал пред его высочеством речь свою, на немецком же языке сложенную. Читаючи стоял на принесенной в покой походной его катедре, о которой весьма усиленно просил, чтоб внести дозволено было. После полудни часа в четыре начали съезжаться назначенные с его высочеством в маскарадную кадрили господа. Одели их. Часу в седьмом пошли к государыне во внутреннее ее величества покои. Оттуда в зал, где маскарад был, шли вышеозначенным строем. Наконец, расстроились и начали танцевать. Его высочество изволил танцевать с фрейлинами и другими масками. С маскараду ходили отдыхать

со всеми сими турецкими вельможами в учительную комнату его высочества. Потом возвратясь в маскарад еще танцевали. Его высочество пойтить к себе изволил в девять часов. Турки все остались, иные танцевать, иных ма-тушки по домам повезли. Пришед послали для ее величества за кушаньем. Прежде нежели кушанье поставили, зашел у нас разговор о воспитании бывших с его высочеством в маскараде детей и потом генерально о воспитании. Его превосходительство Никита Иванович, приемля в сем разговоре участие, весьма обстоятельные делал рассуждения о разности между человеком благовоспитанным и человеком без воспитания; как многие естественные слабости воспитанием скрыты, или еще и в добро превращены быть могут, и как напротив того необузданны склонности, безосновательны и нелепы дела человека, воспитанием не просвещенного. При чем изволил его превосходительство сказывать тому несколько примеров из самой новейшей летописи о приключениях, которые несколько дней

тому назад случилось. Его высочество в сем случае более был слушателем. Потом сели за стол. Его высочество изволил говорить, как ему визирь понравился и как он хорошо воспитан. Изволил послать со мной ему поклон и со стола конфетов, также к капитану-баше поклон...

28 сентября. Изволил проснуться его высочество в половине седьмого часа. За чаем зашел у нас разговор о мешании чужестранных слов в язык свой. Тут весьма остроумно сказал государь, что иные русские в разговорах своих мешают столько слов французских, что кажется, будто говорят французы...

Обуваюсь, изволил мне его высочество с крайним сожалением рассказывать о кончине покойной государыни Елисаветы Петровны, в каком он тогда был унынии, и сколько от него опасность живота ее и потом кончину ни таили, какое он, однако ж, имел болезненное предчувствие и не хотел пристать ни к каким забавам и увеселениям. Потом изволил рассказывать, как он при покойном государе Петре Третьем ездил в крепость в соборную церковь и с какою печалью видел гробницу, заключающую в себе тело августейшей и им почти боготворимой бабки своей...

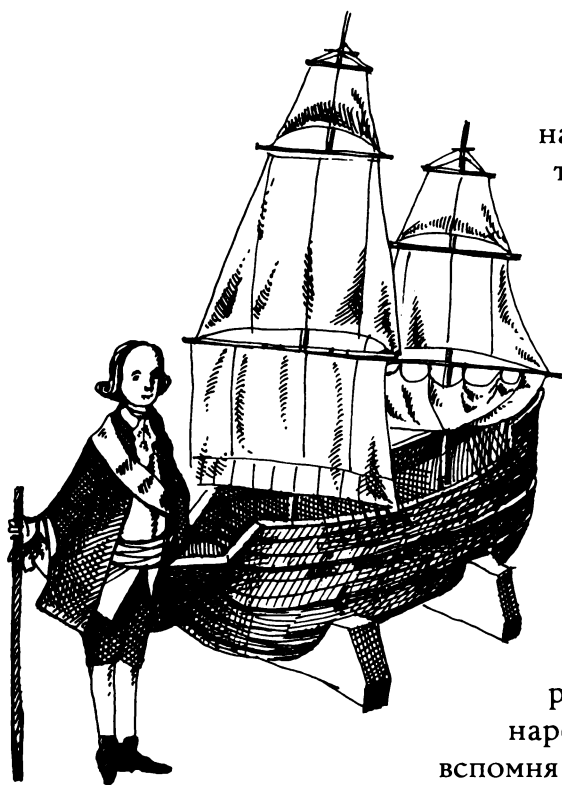
29 сентября. По утру его высочество не учился, потому что все книги были убраны для перевозу в зимний дворец, часу в двенадцатом и сам его высочество туда переехать изволил. Переехавши, тотчас изволил пойтить к государыне. Оттуда возвратившись к себе, рассматривал сделанную в уборной его ком-

нате решетчатую птичню и поставленный в учительной токарный станок, старанием его превосходительства И. И. Бецкого⁸⁴.

Около птични село нас с его высочеством человек пять и, представляя будто бы партер, били в ладоши, как скоро какая птичка особое какое движение сделает, вспорхнет, ошипнется или отряхнется. Сим позабавясь его высочество изволил пойтить за стол. Перед самым тем временем представлял главного магистрата⁸⁵ президент кн. Мещерский⁸⁶ петербургских купцов с хлебом да с солью великому князю на новоселье...

После обеда не учился ж его высочество; книги еще были не разобраны, и в комнатах кое-что прибирали. Токарному станку труда немало было: великий князь точил, мы все точили, и никто ничего не умел. Потом пришел И. И. Бецкий, показывал, как с токарной сбруей обходиться. Его высочество зачал точить получше, и мы как настоящие токари громодню опять подняли. После изволил его высочество играть в карты в три-три: играли его высочество, Т. И. Остервальд⁸⁷, П. И. Пастухов⁸⁸ и я. Окончив игру, изволил великий князь сам распоряжать и уста-

навливать комнатную свою библиотеку в опочивальне. Потом смотрел я с ним план франкфуртской баталии, который прислан тогда вскоре после той баталии к его высочеству от фельдмаршала графа П. С. Салтыкова⁸⁹. Великий князь изволил высматривать очередь баталии и который полк стоял подле которого. Часу в осьмом изволил лечь в учительной комнате на канapé и начал несколько подремывать. И как я севши подле него и пощекотав, сказал: «Дремлешь, батюшка, дремлешь!» — то на сие развеселившись, изволил сказать мне нарочно сонным голосом: *je gène*⁹⁰,

вспомня сие слово из комедии «*Arlequin, empereur de la lune*»⁹¹. В исходе осьмого часа сели ужинать. Тут в разговорах между прочем доносил я его высочеству, какое скaredное и болотистое место там было, где ныне прекрасная улица, что Большой Морскую называется. Потом зашла речь о строениях и дорогах. Я его высочеству рассказывал о крепости старинных зданий, о Аппианской дороге⁹² в Италии, о канале Лангедокском⁹³, о нашем Ладожском⁹⁴, и как у нас при государе Петре Великом, его прадеде, за крепостью в строении и за обжогом и приготовлением кирпича крепко смотрели. Откушавши, попрыгал несколько его высочество и лег опочивать...

2 октября. Его высочество проснулся по утрам в шесть часов. Чай кушал в постели. Потом вставши изволил одеться и сесть за ученье. Перед обеденным кушаньем точил его высочество. Обедали его сиятельство вице-канцлер⁹⁵, граф З. Г.⁹⁶, А. В. Олсуфьев⁹⁷, ген. Веймарн⁹⁸, г. фельдцейхмейстер Вильбоа⁹⁹ и тайный советник граф Миних¹⁰⁰, с которыми у него сегодня была конференция, как сказывают, о делах китайских. У нас за столом сегодня говорили о представленной в Москве кавалерами трагедии и о балете, также рассуждали и вообще о театре. После стола тотчас изволил его высочество пойтить в парадный свой зал, куда принесен был сделанный по размеру и совсем оснащенный корабль, длиною в 15 футов: делан под смотрением корабельного мастера Качалова и подмастерья Никитина. Корабль показывал его высочеству его превосходительство г. адмирал С. И. Мордвинов¹⁰¹. Порезвился несколько его высочество и в половине четвертого часу сел учиться. У меня и сегодня весьма хорошо учился. После учения изволил его высочество пойтить сам-друг со мною в зал к кораблю. Подле него стояла модель крепости ораниенбаумской. Я сказал его высочеству, что вот две крепости, крепость сухопутная и крепость морская. Его высочество, тотчас перехватив у меня, изволил говорить, что я то с языка у него сорвал, что он хотел сказать то же самое. Потом изволил спросить у меня: «А кто выдумал строить сухопутные крепости?» На сие доносил я его высочеству, что строение крепостей тогда началось, как начались между людьми раздоры; раздоры тогда начались,

как в людях завелась ненависть; ненависть завелась тогда, как родились страсти, а страсти родились с человеком. При том напоминал я, чтобы его высочество тогдашних крепостей не изволил представлять себе такими, какову изволит видеть эту ораниенбаумскую; что как укрепления от времени до времени переменились, о том буду иметь честь подробно предложить, когда станем трактовать о фортификации. Тут изволил сказать его высочество: «Так поэтому и морская-то наша крепость сначала не так хороша была?» Я изъяснял его высочеству в генеральных словах о начале и производстве корабельного дела. Упоминал при том, дабы больше вложить в него поощрение к учению математическому, что все в огромном сем здании расположено по правилам математическим и что тот прямо красоты его еще не видит, кто не знает математики. Его высочество изволил рассказывать мне о употреблении сигнальных флагов во время боя, чему он от морских наслышался; сему кораблю изволил тут его высочество дать имя «Анна» на память покойной сестры своей великой княжны Анны Петровны¹⁰². Потом пошли мы во внутренние покои и сели в маленьком будуаре играть в карты в три-три; играли его высочество, Остервальд, Перфильев¹⁰³ и я. Кончивши игру часу в осьмом в исходе сели ужинать.

5 октября. Сего утра назначено турецкому посланнику быть у его превосходительства Никиты Ивановича на аудиенции и подать лист от визиря своего. Его высочество вчерась еще выпросил у Никиты Ивановича позволение, чтоб смотреть аудиенции

инкогнито. Она была сегодня по утра в исходе двенадцатого часу в парадных покоях великого князя. Как ввели посланника в комнату аудиенции, то П. В. Бакунин¹⁰⁴ вошел в парадную его высочества залу, которая на сей раз кабинет представляла, доложить его превосходительству о прибытии посланника. Его превосходительство тотчас вышел и, выслушав речь от посланника, по подаче визирского к нему листа, говорил ему ответ. По окончании ответа изволил его превосходительство сесть за стол в креслы, посланника посадить по правой стороне;

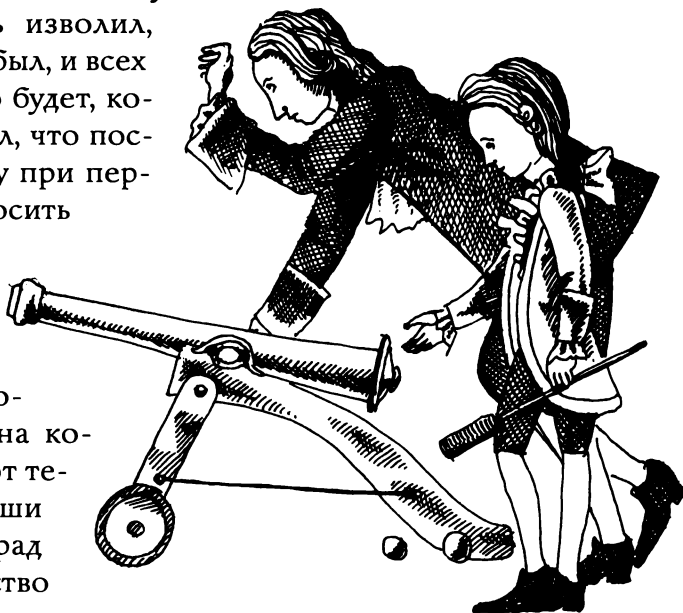

а на левой стороне сидел для ассистенции его превосходительству Иностранной коллегии член граф А. С. Строганов. Около множество кавалеров стояло. Его высочество изволил смотреть из залы в двери. Перед ним стояли фрейлины А. Р. Веденеева и графиня А. П. Шереметева и составляли для него из робронов¹⁰⁵ своих ширму. Его высочество был без кавалерии. Видя турков, не хотел близко подойти к дверям, но все отсторонивался, зная, от непривычки к чалмам и усам их. По окончании аудиенции сели за стол. Его превосходительство Никита Иванович рассказывать изволил, что посланник между прочим говорил ему, что его превосходительство дарованиями своими пленил его душу, что честность и добродетель

изображены на лице его. Турок сими последними словами крайне мне полюбился. Нельзя ничего было сказать сего справедливее. Впрочем, говорили за столом сегодня по большей части о обрядах в приеме послов и посланников. Встав из-за стола, поточил несколько его высочество, потом попрыгал. В седьмом часу изволил пойтить к государыне... Пришед к себе, жаловался его высочество, что не очень здоров. Сели ужинать. Покушал слегка. За столом говорили мы о турках...

7 октября. Окончив урок исторический, переводил «Русские ведомости» на французский язык. Читаючи сии ведомости прежде вслух, изволил два раза чихнуть и сказать после: два раза я чихнул и все в запятых, что-то будет, как дойду до точки. Отучившись, изволил государь великий князь играть в воланы. Потом пошел со мною в опочивальню и пожаловал мне бывшего при нем статского советника покойного Ф. Д. Бехтеева¹⁰⁶ записки о прежних его высочества учениях, сколько сих записок отыскалось; их очень не много, да которые и есть, те весьма необходимы и кратки: строки по четыре. Я не премину, однако ж, употребить их в сочинении своем о бывших до меня в комнате любезнейшего моего государя цесаревича происшествиях. Из опочивальни изволил его высочество пойтить со мною в зал к кораблю. Там изволил приказать двум гайдукам и трем лакеям все принесенные ему флаги на корабль по разным веревкам привязывать. Для каждого флагу сам изволил показывать место и весьма тем упражнен был. Во время сего упражнения изволил разговаривать со мною о завтраш-

нем маскараде, в который в том же султанском платье пойтить изволил, в котором последний раз был, и всех тех турков иметь с собою будет, которые тогда были. Говорил, что после завтрашнего маскараду при первом случае намерен выпросить для себя и для всей кадрильи матросские платья. Тут шутя докладывал его высочеству, что ему со всеми этими матросами можно б усесться на корабль, который развенчают теперь флагами, и подделавши под него колеса в маскарад на нем ехать. Его высочество изволил тем веселиться и попрыгивать. Незадолго перед обедом поднес его высочеству артиллерийский один офицер, родом грузинец князь Чухлыманов, князь Челакоев (или, может быть, и иначе, не знаю хорошенько) две духовые гаубицы и две пушки. В зале делали им пробу. Стреляли приготовленными для них нарочно деревянными ядрами. Сели за стол... Разговаривал я за столом с его превосходительством С. И. Мордвиновым о морском и сухопутном бою, утверждая, что их морские битвы ужаснее и жесточе, нежели сухопутные; что на сухом пути командующему по протяжению подчиненного ему фронту безопаснейшее для себя

место избрать можно; что по разбитии, ретировавшись с остальными людьми, может собрать их и опять наступать на неприятеля; что на море, кроме корабля, на несколько сажен простирающегося, деваться некуда; что на разбитом корабле принуждено ретироваться на дно и проч. Его высочество изволил также в сию речь вмешиваться и наконец между прочим сказал: «Что ж беды, хоть и на дно ретироваться. Вить в смерти-то больше страху, нежели вреда, особливо для человека добродетельного, которому на том свете лучше будет, нежели здесь». Потом, глядя на поставленную на стол пирамиду, изволил сказать мне его высочество: «Я так в свой корабль взгляделся, что и эта пирамида кораблем мне кажется, когда немножко позадумаюсь». После стола пришел к его высочеству его сиятельство граф Орлов¹⁰⁷. Великий князь приказал принести из залы упомянутые духовые орудия, два пожаловал графу Григорию Григорьевичу и два себе взял. Назначили в комнате болота и пригорки, представили две армии, и началась с обеих сторон пальба. Граф Г. Г. с похвалою при сем случае рассказывал о графе П. А. Румянцеве¹⁰⁸, как он предводительствовал своим корпусом и делал распоряжения в последнюю войну. После как ушел граф Г. Г., отведши меня к стороне говорил мне его высочество: «Не прогневайся, братец, что я тебе сегодня за столом устриц больше одново блюда есть не дал. Я боялся, чтобы ты не занемог». За сие благодарил я великого князя. В половине четвертого часу изволил он сесть учиться. У меня весьма хорошо учился. После ученья из-

волил послать с повесткою о завтрашнем маскараде к господам своей кадрили. Приказал им съехаться к себе завтра в четыре часа пополудни. Послав, изволил считать, что до того времени остается без малого двадцать четыре часа. Его высочество до сего вожделенного времени по часам тогда еще счет начал вести, как до него девяносто два часа было. Потом началась из духовой гаубицы ужасная пальба и долго продолжалась. В шесть часов изволил его высочество пойтить на комедию. Комедия была французская: «L' école des femmes»¹⁰⁹; балет «Les chasseurs»¹¹⁰; маленькая пьеса «La fête de l'amour»¹¹¹. Ее величество присутствовать не изволила на комедии. В маленькой пьесе и в балете танцовщику Тимофею¹¹², Парадису и Мекурше партнер два раза без него захопал, что ему весьма было неприятно. Пришедши к себе, долго роптал об том. Граф А. С. Строганов пришед, говорил его высочеству, что в последний раз комедии и государыня дозволила при себе аплодировать, хотя она и не изволила зачать. Великий князь на сие изволил отвечать ему: да об этом я не слыхал, чтоб государыня приказывать изволила, чтобы при мне аплодировали, когда я не зачну. Вперед я выпрошу, чтоб тех можно было выслать вон, которые начнут при мне хлопать, когда я не хлопаю. Это против благопристойности. За ужином и после все время его высочество посерживался. За столом показывал граф Александр Сергеевич новонапечатанные в стихах на французском письмо Барневельта к другу своему Трюману. Этот Барневельт любовницею своей приведен был на то, чтоб убить своего благодетеля.

За то приговорен к смерти и письмо сие перед смертию пишет. Гр. А. С. рассказывал, что трагедию сей случай именуемую «Барневельт» перевел на русский язык Андрей Андреевич Нартов. Его высочество, вошедши сего вечера в нрав брюзгливый, изволил говорить: я знаю, что перевел, и очень дурно. И граф А. С. спросил, почему он то знать изволит, то отвечал ему: я видел ее и строки две прочел. Тут говорил я его величеству, что никогда так скоро нельзя судить; что авторы и переводчики трудятся из чести, кладут на упражнения свои для того много времени и что худое для них утешение будет, если после за все старания их и за пролитой пот, прочетши строки две, скажут: дурно, дурно, дурно. Сие напоминание изволил принять его высочество...

16 октября. Его высочество изволил проснуться в семь часов и весьма не весел был, что так поздно. Потом неудовольствие гораздо уменьшилось, и до слез почти дошло, что госп. Остервальд, пробывши вчерась долго на маскараде, не приходил часу до одиннадцатого. Великому князю одевшись хотелось сесть за ученье, а госп. Остервальда по утру часы для истории. После ученья раскаивался в своем нетерпении. Перед обедом забавлялся его высочество около маленькой электрической машины; гайдуков и других при нем электровали. Часу до третьего ждали мы Никиты Ивановича. И его высочество ожидал весьма терпеливо, хотя и говорил, что кушать очень хочется... Вставши из-за стола, веселился государь электризацею. В четвертом часу изволил сесть за ученье;

у меня очень хорошо учился. Часу в шестом сели мы играть в три-три... Потом порезвился его высочество. Сели ужинать. За ужином разговаривали о маскараде, где было мещанство. Потом разговорились о бывших в Москве маскарадах; какая ужасная теснота там была; что все дворянство по большей части там и проч. Его высочество с восхищением вспоминал о житье московском. И кроме сего, когда ни придет к речи, всегда изволит показывать охоту пожить в Москве. Ужинал у нас господин Фузадьё¹¹³. Я между прочим сказывал великому князю о маленьком его сыне, как он прилежен и что я один раз застал его, что сидит и пересматривает чертежи в универсальной истории о путешествиях. Вставши из-за стола, разулся его высочество, и господин Фузадьё обрезывал у него ногти.

29 октября. Сего утра госп. Клерет¹¹⁴ вырвал у него зуб, который уже гнить было начал. Великий князь долго не изволил допускать его, но потом скрепился и дозволил зуб вырвать. Одевшись, изволил его высочество сесть учиться... Но мне от его высочества, как я приехал, прием не столько был ласков, чтоб я имел причину быть им доволен. В изыскании тому причины особливо здесь я входить не хочу. Но примечу только, что часто на его высочество имеют великое действие разговоры, касающиеся до кого-нибудь отсутствующего, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдал я, что когда при нем говорят что в пользу или в похвалу какого-нибудь человека, такого человека после видя его высочество склонен к нему является; когда ж, напротив того, говорят

о нем не выгодно и хулительно, а особливо не прямо к его высочеству с речью адресуясь, но будто в разговоре мимоходом, то такого государь великий князь после увидя, холоден к нему кажется. Сели за стол... разговорились мы о государе Петре Великом; некто прешед молчанием все великие качества сего монарха, о том только твердить рассудил за благо, что государь часто напивался до пьяна и бил министров своих палкою; другой некто, из неосмотрительно-го подражания такому отнюдь не позволительному разговору в присутствии его высочества, прибавил к тому, что как государь бил палкою в одно время некоего генерала, немца... Прежний некто продолжал, что только-де и известно государей-драчунов по истории, что Петр Первый да покойный король прусской, отец нынешнего короля. Потом как зачал он выхвалять Карла XII, короля шведского, и я сказал ему, что Вольтер пишет, что Карл XII достоин был в армии государя Петра Великого первым солдатом, то спросил у него его высочества, неужели это так? На сие говорил он его высочеству, что, может быть, и написано, однако то крайнее ласкательство; наконец как я говорил о письмах государевых, которые он из чужих краев писал сюда к своим министрам, и упоминал, что для лучшего объяснения его истории надобно непременно иметь и те письма; что я многие у себя имею и проч.; то первый некто никакого более на то примечания не изволил сделать, как только как смешны эти письма тем, что государь в них писывал иногда: «мингер адмирал» и подписывал: «Питер». Признаюсь,

что такие речи жестоко меня тронули, и много труда мне стоило скрыть свое неудовольствие и удержать запальчивость. Я всему разумному и беспристрастному свету отдаю на рассуждение, пристойно ли, чтобы его императорское высочество, престола российского наследник и государя Петра Великого родной правнук, таким недоброхотным разговорам был свидетель?..

Посем разговорились о канцлеровом путешествии и после о переводчиках академических: Теплове¹¹⁵, Голубцове¹¹⁶ и Лебедеве¹¹⁷. Я говорил, что они очень хорошо по-русски знали и хорошо переводили. Первый тот некто сказал на то: «однако ж они все одной вить смертью умерли, то есть спились». Тут, тотчас оборотясь ко мне, изволил говорить великий князь: вот слышишь ли, вить это не ложь, я думаю? Я отвечал, что коротко их не знал, и о кончине их не известен, и что и того не знаю, почему и тот господин такие подробности мог ведать. После стола порезвясь его высочество изволил сесть учиться. Потом пошли на маскарад со всем маленьким нашим прибором... С маскараду пришли мы в девятом часу в начале. Его высочество очень гневным изволил себя против меня оказывать. А проступки своей истинно никакой не знаю.

2 ноября. Прежде нежели успеть еще я войтить к его высочеству, изволил он прибежать ко мне и, бросясь на шею и целуя меня, говорил: прости меня, голубчик, я перед тобой виноват; вперед никогда уже ссориться не буду, вот тебе рука моя. Я расцеловал ручку его высочества и по некоторым изъяснениям

поставивши твердый мир, пошел за ним чай пить. За чаем разговаривали мы между прочим о Рестовой французской грамматике¹¹⁸, также о Ломоносовой русской. Тут рассказывал я его высочеству о падежах, как все они по-русски называются и что который падеж значит. За обуванием прочел я его высочеству из вольтеровой истории о государе Петре Великом два места. Первое, где Вольтер говорил, что Карл XII достоин был в армии Петра Великого первым солдатом; другое место, где Вольтер рассуждает, что надобно, чтобы Россия еще имела Петров Великих, дабы все в ней заведения приведены были к совершенству и она порядочно выстроенными городами и людством жителей так бы изобиловала, как прочие европейские государства. Как первое место прочел я, то сказать изволил его высочество: «Вить этта-то льстит он». На сие отвечал я, что Вольтер то же почти самое и в истории своей о Карле XII упоминает, где бы, конечно, государю Петру Великому не стал ласкательствовать. В другом месте прочитав рассуждение Вольтерово, говорил я, что это и до его высочества касается, что для чего ему не быть в числе великих государей, что способы все к тому имеет и прочее. Потом подробно рассуждал я, как его высочеству поступать надобно, чтобы заслужить истинную славу и будущих родов благодарностью и почтение. Я весьма доволен был вниманием, с каким его высочество слушать меня изволил. Потом о многом шутить со мною изволил и все утро чрезвычайно был ласков. Изволил читать вчерашнюю комическую оперу. Потом сел учиться. После учения точил

его высочество. Никита Иванович приказал сегодня конфисковать часы у государя великого князя для того, что часто изволил смотреть на них и время очень аккуратно меряет. Еще его превосходительство приказал, чтоб его высочество из славных французских трагических авторов некоторые места наизусть выучивал, где заключаются хорошие сентенции. Сие сегодня ж и зачато после послеобеденного учения...

Un roi sage, ainsi Dieu l'a prononcé lui-même,
Sur la richesse et l'or ne met point son appui...¹¹⁹

За ужином изволил его высочество с приятностию вспоминать и разговаривать о житье московском.

6 ноября. Его высочество изволил встать в семь часов. Одевшись сел за свои учения, по окончании которых принес его превосходительство Никита Иванович поднесенную итальянцем Маджи шляпу, выложенную вместо позумента новоманерным из стеклянных ниток сплетенным кружевом. Велели вынести ее в казенную. Я все руки переколол себе стеклами... После позабавясь Е. В-во изволил сесть учиться. У меня очень хорошо учился. В физике сегодня гораздо нехорошо вышло. После разговаривая со мною изволил его высочество поглядеть в окошко, и как на дворе подмерзло и дороги были весьма шероховаты и несколько прикрыты снегом, то изволил сказать мне: «Пожалуй, посмотри, дорога-та теперь совсем а ла грек (узор в шитье, выдуманный недавно в Париже и употребляемый и северными нашими

петиметрами)». В это ж время между разговоров был мне случай донести его высочеству, что в кунсткамере хранится по указу государя Петра Великого деревянный глобус, сделанный в тогдашнее время русским мастером; и что хотя по тогдашнему ученичеству и не весьма чисто выработан, однако блаженные памяти государь говоря, что ему-то мило, что свой делал, приказал поставить глобус в кунсткамеру, расцеловал мастера и пожаловал ему на век пропитание. Так великий государь ободрял своих подданных! Потом точил его высочество и со мною кое о чем шутить изволил. Часу в седьмом изволил пойтить к государыне. Ее величество изволила быть в самых внутренних своих покоях и в билиардную выходить не изволила. Чрез полчаса времени возвратился государь к себе. Изволил сесть со мною и сказать: «Пишем, братец, что-нибудь покамест до ужина». Я велел подать чернильницу и бумаги, и вот что мы писали:

Я смысл и остроту всему предпочитаю,
На свете прелестей нет больше для меня.
Тебя, любезная! За то я обожаю,
Что блещешь, остроту с красой соединя.

Захотелось его высочеству написать и шуточную речь, которую б мог он турецкому посланни-

ку ответственность вместо настоящей, если б имел он у него аудиенцию (хотя посланник ничего по-русски не умеет), и сочинили мы следующую:

«Господин Посланник!

Понеже вы видом козлу, нравом медведю, а умом барану уподобляетесь, ради того повелел я всем оным животным, собрався в конференцию, дать вам аудиенцию. После того получите вы визы от всех лошадей и быков здешнего столичного города. Теперь милости просим вон».

Севши за стол, разговаривали мы между прочим, как дурна красота без разума и как напротив того она усугубляется и отчасу более к себе привлекает, ежели при ней есть разум. Упоминали при том о некоторых и имя...

7 ноября. Между прочим доносил я государю о самом последнем путешествии блаженной памяти его прадедушки. 1724 года в октябре месяце поехал покойный монарх из Петербурга водою в Старую Русу для осмотра и расположения там вновь бассейнов с соленой водой, в коей бы хранить пригоняемый из Казани дубовый лес для строения корабельного; возвратился... в конце ноября месяца того ж года, следовательно, месяца за два до своей кончины. «Так, — продолжал я, — бесценная жизнь вечной славы достойного государя составлена была из непрерывных трудов и подвигов к пользе и прославлению любезного отечества!» Великий князь, с примечанием слушая, изволил тут сказать: «И подлинно, братец, ведь это правда».

11 ноября. Государь изволил проснуться в семь часов. Одевшись, сел за свои ученья. По окончании ученья изволил читать древнюю Ролленову¹²⁰ историю в подлиннике. Как, читая ее, ненарочно два слипшиеся листа вдруг перекинул, то изволил сказать: «Сказывают, что так-то некогда дьякон, читая Св. Писание, два листа вдруг перекинул и, не приметя того, сряду читал: сотвори же Господь Еву из ребра Адамова и... помази ее смолою». Английский пастор г. Демареск в это время был у нас и обещался заказать для его высочества вырезать при академии на досочках ландкарты, так как те вырезаны, которые он поднес государю прошлого году. Великий князь весьма много забавляться изволил простым обхождением и ухватками г. Демареска. Потом изволил пойтить со мною в опочивальню. Сел я в креслы, и его высочество, севши подле меня, до самого обеда изволил разговаривать со мною кое о каких анекдотах. Сели за стол... Его превосходительство Никита Иванович... рассказывал... как блаженные памяти государь Петр Великий калмыцкому хану Аюке¹²¹ подарил карету, то хан принимал у себя в карете сидя послов других окрестных владельцев. Наконец изломалось что-то у кареты, и Аюка-хан отправил ее и при ней посольство к государю, чтобы приказал починить ее. Разговаривая вообще о каретах, упоминали, что во Франции при Генрихе IV их совсем почти не было. Никита Иванович изволил говорить, что при государыне Анне Иоанновне весьма редкие и самые только знатнейшие ездили в каретах, прочие

в английских половинчатых колясках, и молодые люди по большей части верхом; что государь Петр Великий весьма часто сам в одноколке езжать изволил. Его высочество очень был весел и замысловато шутить изволил. Разговорились о вотчинах графа А. С. Строганова и о принадлежащих ему городах на Чусовой. Никита Иванович изволил говорить, что деды Александра Сергеевича и он сам, может быть, лучше бы сделали и больше прибыли имели, если бы, подражая примеру Демидовых, за титулами и за придворными честями не столько гонялись. Я не знаю, приятно ли было такое раздробление обстоятельств графу А. С. Спорил он против мнения его превосходительства Никиты Ивановича не мало... Вечеру изволил государь быть в комедии. Комедия была французская: «*Le Philosophe marié*»¹²²; балет г. Нейвиля «*La jalousie villageoise*»¹²³; вместо маленькой пьесы комическая опера: «Молошница»¹²⁴. Великому князю все зрелище весьма понравилось. В большой пьесе не понравилась только комедиянка Вальвильша¹²⁵. Когда она ни выйдет, изволил морщиться и, презрительный вид делая, говорил: «Какая это несносная харя; она ходить совсем не умеет. Очень похожа на верблюда: не фыркнула бы оборотясь сюда на нас...» Балет его высочеству чрезвычайно был угоден. Изволил говорить, что у него руки свербят, хлопать хочется, и что ежели б государыни не было, от бы он во все время прохлопал. Балет был совсем нового вкуса и гораздо не дурен. Возвратясь к себе, изволил его высочество кушать в опочивальне за маленьким столиком.

Я тут же ужинал. Разговорились между прочим о комических операх, потом о разборе и о вкусе...

26 ноября. После ученья главного магистрата президент кн. Мещерский представлял его высочеству санкт-петербургских купцов с хлебом да с солью для поздравления с прошедшим днем тезоименитства ее величества. Из поднесенных ранетов, груш и лимонов изволил государь, десятка два выбрав, сам накласть на блюдо и послать к его преподобию о. Платону... В четвертом часу изволил государь сесть учиться. Ввечеру приехала его повивальная бабушка голанка¹²⁶. Разговаривал я с нею при его высочестве о рождении и младенчестве. Бабушка сказывала, что ходить государь зачал году и одного месяца. Сказывал я, и бабушка тоже подтверждала, какая при рождении его высочества по двору и во всем народе была радость. При том говорил я его высочеству, что надобно сей радости соответствовать и стараться, чтоб она при совершенном его возрасте еще более умножилась; что до сего не чем иным дойтить, как прилежным упражнением в учении и беспрестанным исполнением в самом деле предлагаемых его высочеству для поведения его правил. Припомнил я государю и о ужине в день тезоименитства ее величества, толкуя, что всегда, будучи в публике, надобно ему памятовать, что всех глаза на него смотрят; что все по движениям его, по разговорам, по взглядам, по ухваткам, по поступкам заключают о его нраве и меряют по тому будущую свою надежду. Часу в седьмом точил его высочество. Вставши из-за станка, изволил разговаривать со мною,

как бы он охотно в Москву поехал, если б можно было, как бы там жить стал. После на токодильном столе расставлял государь шашки; а я между тем подле сидя с г. Остервальдом разговаривал о происхождении коммерции и монеты, об американском богатстве, о завоевании Америки и тому подобном...

17 декабря. Изволил вбежать ко мне и, легши у меня на постели, приказал мне сесть подле. Тут великое пошло лобызание и наиповереннейшие были откровения...

Читал ему свои записки прошлой недели. Изволил слушать с великим вниманием и наконец сказал: «Все точнешенько так; только иные места желал бы я, чтоб выскребены были...»

Сели за стол. Из сторонних был у нас только дежурный гвардии майор Любим Артемьевич Челищев¹²⁷... Разговаривали за столом о завоевании Америки... о тиранстве испанцев, показанном против тамошних диких народов... После стола расспрашивал его высочество Любима Артемьевича обстоятельнее о турецких походах... Он ему подробно рассказывал о взятии Хотина, о захвачении в полон Калчака-паши¹²⁸ и о генеральной Стулчанской баталии¹²⁹. Потом изволил пойтить государь в учительную комнату. Там читал я ему Михайлы Васильевича Ломоносова оду на взятие Хотина и на оную над турками победу. Сия ода лучшая почти изо всех его лирических сочинений. Говорил я его высочеству, что это стихотворец века блаженной памя-

ти бабки его высочества Елизаветы Петровны... «Дай Боже, — продолжал я, — чтобы в век вашего высочества такие ж были». Сел государь учиться. После учения балет танцевать изволил. За ужином о Москве разговаривал, превознося ее и прельщаясь ею...

18 декабря. После ученья перед обедом вышел в желтую комнату с Любимом Артемьичем, разговаривать изволил о караулах в войске во время походу; как расстанавливаются, как рундом¹³⁰ ходят и как отдают и сохраняют пароли и лозунги. Пошли за стол. Гость только один был у нас Любим Артемьич. Сначала разговорились о Хвосте и о Позднееве, которые казенную покрали. Любим Артемьич сказывал, что судить их определен гвардии майор А. Л. Щербачев¹³¹... Разговорились о точности военной службы и о строгости судов военных. Любим Артемьич сказывал, что при государе Петре Великом целый суд за то сослан на каторгу, что осудил одного офицера не по законам, а по собственному своему благоизобретению. Говорил я, что и я об этом суде слышал... «Однако, — продолжал я, — вить этих судей после простил государь и приказал очень скоро возвратить их;

хотел только дать острастку». Великий князь изволил сказать к тому: «Хороша острастка, отобрать чины да послать на каторгу». Челищев говорил тут, что государь Петр Великий обыкновенно прощал тех, кто сам принесет

повинную; если же кто покажет себя упорным или злоумышленным, для тех редко умягчал строгость законов. «Да не при одном государе, — продолжал он, — эта строгость соблюдалась. Во время турецких походов расстреляли Тютчева¹³² и разжаловали в солдаты генерал-поручика Загрязского¹³³, ни за что почти. Это и слишком было, а государь давно уже преставился». Его высочество изволил спросить: «Как это происходило и за что расстреляли Тютчева?» Рассказывал тут Любим Артемьич об этом деле. И подлинно причина была не великая... Разговорились о А. И. Румянцеве¹³⁴ и о ссорах его с Минихом¹³⁵; тут также было и *pour* и *contre*¹³⁶. После стола изволил, отведши меня, говорить его высочество, что ему хочется, чтобы старичок Любим Артемьич еще что-нибудь рассказывал. Подошел я к нему и зачал с ним разговаривать. Его высочество, ставши подле, изволил слушать. Говорили мы о взятии Очакова, потом зашла речь о житье его и как государь его жаловал. Упоминал також и о письмах государевых к нему, к Ф. М. Апраксину и к Б. П. Шереметеву¹³⁷. Просил я его об этих письмах, чтобы ко мне сообщил их, потому что многие есть у него. «Прочитавши их, — говорил я, — покажу и его высочеству те, которые достойны примечания сыщутся». Великий князь також изволил просить его, чтобы прислать ко мне сии письма. Откланялся Любим Артемьич и пошел в свою дежурную. Его высочество изволил биться со мною на рапирах. Потом пошли мы в учительную. Пришло мне не знаю как-то в голову из Ломоносова похваля-

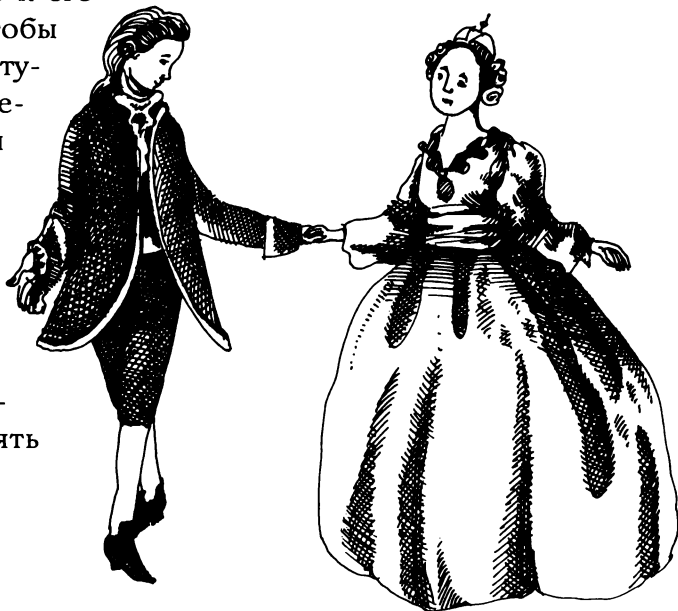
ного слова государыне Елизавете Петровне то место, где написано: «Ты едина истинная наследница, Ты Дщерь моего Просветителя» (слова сии прибегнувшая Россия говорит государыне). И как я это выговорил, то его высочество смеючись изволил сказать: «Это, конечно, из сочинениев дурака Ломоносова». Хотя он сие и шутя сказать изволил, однако же говорил я ему на то: «Желательно, милостивый государь, чтобы много таких дураков у нас было. А вам, мне кажется, не прилично таким образом о таком россиянине отзываться, который не только здесь, но и во всей Европе учением своим славен и во многие академии принят членом. Вы великий князь российский. Надобно вам быть и покровителем муз российских. Какое для молодых учащихся россиян будет одобрение, когда они приметят или услышат, что уже человек таких великих дарований, как Ломоносов, пренебрегается? Чего им тогда ожидать останется, из которых природа, конечно, немногих Ломоносовых сделала. Правда, что Ломоносов имеет многих завистников. Но сие самое доказывает его достоинство. Великие дарования всегда возбуждают зависть. До того испорчено человеческое сердце, что по большей части хулят таких, которые хвалы достойны, а хвалят таких, которые хулу заслуживают. Немного таких людей, чтобы всем отдавали справедливость». Его величество выслушавши изволил говорить, что это, конечно, справедливо и что он пошутил только...

24 декабря. Зашла речь о саранче. Его высочество изволил говорить: «Как летит она таким облаком, так

можно бы картечами по ней выстрелить, авось-либо тем и отогнать бы ее можно».

25 декабря. Рождество Христово. Его высочество изволил встать в седьмом часу. Одевшись в комнатах своих, изволил пойтить к обедне; из церкви за ее величеством во внутренние покои. Там фельдмаршал Миних подносил государыне три прописки на русском, немецком и французском языках, которые писал ученик, находящийся при лютеранской церкви под покровительством его школы. Видно, что старичку за восемьдесят лет уже и что возвращается к нему золотой век младенческий. Возвратясь к себе, изволил его высочество сесть кушать. За столом его превосходительство Никита Иванович между прочим рассказывать изволил, что он вчерась читал описание реки Терки и мест около лежащих. Хвалил весьма тамошний климат и во всем изобилие... Ее вели-

чество изволила прислать к его высочеству гофмаршала, чтобы часу в пятом пожаловать туда на половину, святки встретить... В пятом часу пошли мы на половину к ее величеству. Игры происходили перед бильярдной в аудиенц-комнате. Началось танцеванием. Ее величество с князем первый менует танцевать изволила. Потом изволила поднять

графа П. Б. Шереметева¹³⁸. Его высочество поднял фрейлину А. А. Хитрову. Во всех углах танцевали, как на маскараде. Потом начались контратанцы. Его высочество их не танцует. Никита Иванович сказал ему тут, что теперь воля, чтоб делать что изволит. Обрадовались сему разрешению, его высочество весьма был весел, делал антраша á sa façon¹³⁹, попрыгивал и из угла в угол перескакивал. Все на него любовались; фрейлины, не зная, что сказать от радости, называли его *любезным Пунюшкою* (не в глаза то есть). Как začали танцевать контратанцы, ее величество изволила в той же комнате сестъ играть в ломберт с графом К. Г. Разумовским и с графом Захаром Григорьевичем. Его высочество изволил у другого стола играть в бирюльки. Играли с ним господа той половины придворные и я. После контратанцев и польских (в которых весьма много резвились, завиваючись и развиваючись, вместе взявшись рука за руку) связали длинную ленту и стали в круг. Ее величество и его высочество тут же стать изволили. Началась игра рукобивка. Потом оставя ленту, в круге в три человека стали: гоняли четвертого. Игра продолжалась с час или часа с полтора. По окончании игры ее величество изволила опять сестъ играть в карты, а мы к себе убрались...

1765 год. 1 января. Зашло у нас рассуждение о новом годе и вообще о времени. Говорили мы о его неизмеримости и какое это обширное позорище, когда себе представишь все прошедшие веки, наполненные бесчисленными приключениями и делами, и все следующие, кои теперь еще пусты и будут також напол-

нены. Государь изволил сказывать мне, что он прежде плакивал, воображая себе такое времени пространство и что наконец умереть должно...

12 января. Спросил Никита Иванович у его высочества: «Как вы думаете, повелевать ли лучше или повиноваться?» На сие изволил сказать государь: все свое время имеет; в иное время лучше повелевать, в иное лучше повиноваться...

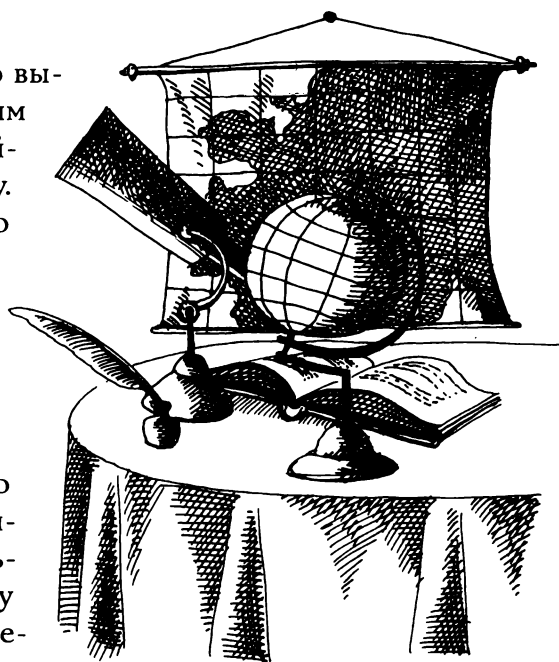
15 января. Государь встать изволил в осьмом часу в начале. Одевшись, учился, как обыкновенно. Отучась, изволил играть в воланы. Перед обедом поставил его Никита Иванович в желтой комнате ходить взад да вперед, чтоб шел прямо, вольно и осанисто... Приходил камер-юнкер Александр Федорович Талызин¹⁴⁰. Сказывал о смерти покойного князя Бориса Александровича Куракина¹⁴¹. Его высочество между прочим сказать изволил: от его смерти и государству потеря; человек он был достойный и за дело принялся было очень прилежно...

16 января. После обеда также все время его высочество очень был весел. Изволил поскакивать и кое чем забавляться. Вечер дню не соответствовал; пошли мы на куртаг. Ее величество изволила там присутствовать и играть в пикет с чужестранными министрами и с некоторыми из здешних знатных. Его высочество изволил стоять тут же в кругу. Сперва весел был: разговаривал с министрами. Из наших с князем П. И. Репниным¹⁴², с вице-канцлером, с графами П. и И. Г. Чернышевыми¹⁴³. Наконец скучилось ему. Зачал подзывать Никиту Ивановича домой. Его пре-

восходительству хотелось дожидаться того, как государыня изволит ретироваться, и для того отказывал ему. Зачал великий князь с ножки на ножку переступать, помигивать и смотреть на плафон, чтоб скрыть свое нетерпение. Между тем очень видно было, и сбирающиеся на глазах тучки еще более то показывали. Никита Иванович принужден был пойтить с его высочеством. Как скоро добрались мы до своих пределов и вошли в желтую комнату, остановились все. Никита Иванович приказал великого князя снять тут шпагу и чтоб он далее никуда не ходил. Дав ему наижесточайший выговор, оборотился к нам и сказал, чтоб мы на сей вечер великого князя все оставили и никто не говорил бы с ним ни слова. Сказав сие, пошел его превосходительство к себе, оставив у нас по себе тишину неописанную. Великий князь выговором весьма огорчен был и, стоя у печи, разными знаками показывал свое неудовольствие. По предписанию, никто не говорил ему ничего. Разговаривали мы между собой, показывая, будто совсем на него не замечаем... Рассуждения сии пусть при мне и останутся. По приказанию его превосходительства Никиты Ивановича ужинать сел его высочество уже в десятом часу, опочивать лег в одиннадцатом, что для него было школою терпения. Весь вечер происходил в тишости. Вот так-то и во всех делах бывает: на сусле пива не узнаешь. День начался так хорошо и весело, а кончился наискуднейшим образом.

2 марта. Во время убиранья волосов читал я государю Боалову героикомическую поэму, называе-

мую: Zutrin, т.е. «Налой»¹⁴⁴. Его высочество весьма забавлялся сим чтением. Убравшись, изволил выйти со мною в желтую комнату. Попрыгаючи, изволил там много разговаривать со мною и поверять все свои тайны. В десять часов изволил сесть за свои учения. После ученья точил и устанавливал в строй шахматы. После обеда учился государь как обыкновенно. У меня весьма хорошо дело свое сделал. Часу в пятом приходил к нам его превосходительство Никита Иванович. Тут между прочим опять возобновилась материя о геометрии. Г. Остервальд говорил, что Эпинус¹⁴⁵ намерен с его высочеством начать сию науку. У меня уже написана она, и я представлял о том Никите Ивановичу. Приказал его превосходительство, чтоб я к г. Эпинусу съездил, сказал ему о том его именем и навсегда бы с ним постановил, каким порядком впредь у нас пойдет его высочества математическое учение. Ездил я к г. Эпинусу, был у него часа с два и постановил следующий порядок. По окончании арифметики буду я предлагать государю великому князю геометрию теоретическую и практическую, потом фортификацию и артиллерию, начальные основания механики и идростатики, наконец, генеральные правила о тактике. Господин

Эпинус ныне проходить будет с великим князем физику, независимо от математики; как же скоро от меня сведает, что его высочество довольно уже тверд в геометрии, то начинает с ним математическую часть физики, пространную механику, правила оптики и астрономии, основываясь на моей геометрии. При том г. Эпинус покажет его высочеству и алгебру. Сие пересказал я его превосходительству Никите Ивановичу, и он, весьма похвала, апробовать изволил все сие распоряжение...

28 июля. За чаем разговаривал я с его высочеством о числе здешнего войска и сказал ему, как оно содержится, сколько на него исходит и сколько каких полков по штату. Во время обуванья изволил государь цесаревич твердить урок свой из богословия по моему побуждению, для того что я был порукою, что он его изволит выучить. За убираньем волосов изволил посмотреть присланную книжку. Приказывая камердинеру подать ее себе, изволил сказать: «Поддай-ка мне вон этот курс философии». Одевшись, изволил его высочество сесть учиться. После ученья в биллиард играть изволил. Сели мы за стол. Из посторонних обедал у нас только камер-юнкер Талызин... После обеда часу в шестом приехал Никита Иванович, и поехали мы в барже на Каменный остров... Сперва объехали мы весь остров кругом. Объезжая, встретили против Каменного Носу ее величество. Она изволила ехать к А. П. Мельгунову¹⁴⁶ на Мишин остров. Там приготовлена была псовая охота. Пристав к Каменному острову, изволил его высочество вой-

тить в покои. Тут побыв не долго, пошли в сад и бегали в запуски. Государь великий князь также бегать изволил... Ходя по болотистым и морским местам, его высочество и мы все очень выгрядились и вымочились. Не противно то было великому князю. С полчаса план Каменного острова Никита Иванович рассматривал. Потом, севши в баржу, переехали мы поперек на Петербургскую сторону, где дожидали кареты...

30 августа. Ввечеру был бал. Часов в семь изволил его высочество пойтить в залу и открыть бал с графиней Анной Карловной Воронцовой. После изволил танцевать менуэт с фрейлиной графиней Анной Петровной Шереметевой... с фрейлиной Верой Николаевной Чоглоковой¹⁴⁷... с фрейлиной Анной Алексеевной Хитровой и Елисаветой Николаевной Чоглоковой... Его высочество очень был весел и танцевал весьма охотно, хотя, впрочем, и не безызвестно, что слишком не страстен он к танцеванью.

1 сентября. После стола, как Никита Иванович изволил уйтить к себе, государь цесаревич, стоя у окна, дыхнул на стекло и выписал пальцем имя той фрейлины, которая больше всех ему нравится. Как подошли к окошку, то он тотчас стереть изволил. Потом, забавляясь, бегал его высочество по комнатам до самого залу. Наконец и кафтан скинувши, в одном камзоле, из бильярдной растворяя двери, в зал глядеть изволил. Кафтан, как изволил говорить, для того он скинул, чтобы его не узнали, ежели кто в то время пройдет по залу. Потом изволил его высочество учиться,

как обыкновенно. После ужина изволил танцевать без музыки из своей охоты...

8 сентября. Его высочество встать изволил в исходе седьмого часу. Одевшись, изволил готовиться к экзамену. Вскоре пришел и его превосходительство Никита Иванович. За ним были брат его Петр Иванович¹⁴⁸, И. П. Елагин¹⁴⁹ и граф А. С. Строганов. Его преподобие о. Платон спрашивал тут его высочество в присутствии сих особ из первой части проходимой ему теологии. Государь цесаревич отвечал очень хорошо и получил общую похвалу. Все гости у нас обедали, и еще г. Салдерн¹⁵⁰. За столом его превосходительство Никита Иванович и его превосходительство Петр Иванович разговаривали по большей части с его преподобием о. Платоном о церковных обрядах. Наконец, его превосходительство Никита Иванович говорил о. Платону, чтобы приехал ввечеру на кукольную комедию, которую государь цесаревич смотреть изволил. Спрашивал у меня его преподобие совету, ехать ли ему туда. Я ему говорил, что ежели его превосходительству угодно, то для чего не ехать, тем наипаче, что сегодня будет только генеральная проба, и из посторонних будут весьма не многие. После обеда его высочество учиться не изволил для того, что сегодня праздник Рождества Богородицы. Ввечеру поехали мы в каменный зимний дворец, на кукольную комедию, которая нарочно для его высочества, по приказанию Никиты Ивановича, сделана театральным машинистом Дюкло¹⁵¹. После кукольной комедии было оптическое представление бури и мор-

ской баталии, которое одно и достойно было смотра. Его преподобие о. Платон был на сем позорище. Возвратясь оттуда, разговаривал Никита Иванович с графом Строгановым сперва о доме Воронцовых, потом о министерстве шведском. Его превосходительство сказывал государю великому князю, какой великий охотник нынешний король шведский до кукольных комедий и как он сам, стоя за декорациями, говорил вместо Полишинеля. В товарищи на такое представление берет к себе обыкновенно его величество Арлекина с французского театра, и этот Арлекин великой друг ему. Его превосходительство рассказывал о сем с насмешкою его высочеству. Сели потом за стол. Из посторонних ужинал у нас граф Строганов. Никита Иванович сегодня тут же за столом сидеть изволил. Разговаривал о сегодняшнем экзамене и притом говорил, что после нынешней зимы надобно и во всех учениях его высочеству сделать экзамен. Тут зашла речь о методах в науках, и его превосходительство изволил делать мне честь, что адресовал ко мне свои рассуждения и моих мнений притом требовал.

9 сентября. Часу в шестом в начале приехали сказать, что ее величество из Царского села прибыть изволила прямо в зимний дворец на комедию. Поехали мы туда, и его высочество во все время зрелища изволил пробыть в ложе у государыни-родительницы... Государыня спросить изволила, из фрейлин кто ему лучше всех нравится? На сие государь цесаревич ответствовал, что ему все равны, ее величество смеючись говорить изволила, чтоб он хоть на ухо о том

сказал; но его высочество тож ответственность изволил, что и прежде, а между тем поглядывал на меня; однако ее величество сего приметить не изволила. После комедии возвратился его высочество к себе. Государыня указала ему, Никите Ивановичу и графине М. А. Румянцевой сесть с собою. Проводя ее величество до внутренних покоев, изволил его высочество пойтить к себе и скоро сесть кушать.

21 сентября. Учения сегодня не было. Государь великий князь был в малиновом платье, вышитом золотом, как положено Академии художеств почетным любителям. Сегодня пополудни зван его высочество в Академию художеств... За столом особое случилось приключение: его высочество попросил с одного блюда себе кушать; Никита Иванович отказал ему. Досадно то показалось великому князю: рассердился он и, положив ложку, отворотился от Никиты Ивановича. Его превосходительство в наказание за сию неучтивость и за сие упрямство вывел великого князя из-за стола во внутренние его покои и приказал, чтоб он остался там с дежурными своими кавалерами. Пожуря за то его высочество, пошел Никита Иванович опять за стол, и там несколько времени сидел. Государь цесаревич между тем плакал и негодовал. Пришед из-за стола, его превосходительство Никита Иванович взял с собою великого князя одного в учительную комнату и там говорил ему с четверть часа о непристойности его поступка, которую, конечно, никто не похвалит... Переплакался, наконец, его высочество. Поехали в Академию ху-

дожеств. Встретил там государя цесаревича Ив. Ив. Бецкий со всем своим собранием. Все весьма было чинно и церемониально. Известно, что Ив. Ив. располагать церемонии и глазам делать увеселение весьма искусен. Пришед в покой, сели там за богато убранный стол. Конференц-секретарь Салтыков читал вслух письма от вице-канцлера кн. А. М. Голицына, от графа И. Г. Чернышова и от А. В. Олсуфьева, которые объявляли желание свое быть принятыми в число почетных любителей.

Еще читано письмо от Г. Н. Теплова, который желал быть принят в почетные члены. По прочтении каждого письма И. И. качал головою по два раза, сперва на правую, потом на левую сторону. После сего все члены Академии привставанием своим, как видно, знак согласия своего показывали. Тогда приказал И. И. конференц-секретарю объявить о том, кто принят. Все приняты, которых письма читали. Еще принят профессор анатомии, кадетского корпуса доктор Пекен¹⁵². После сего началось баллотирование. Под И. И. Бецким в Академии ныне директор А. Ф. Какорин¹⁵³. По штату положено, чтобы всякие четыре месяца из профессоров выбирать в директоры по баллотированию. Баллотировали Александра Филиповича, профессоров: Жилета¹⁵⁴ (скульптуры),

Ламота¹⁵⁵ (архитектуры) и Торелли¹⁵⁶ (живописи). Досталось по балам остаться по-прежнему Александру Филипповичу. Сим заседание кончилось. Пошли смотреть картины, писанные с натуры, которые все весьма порядочно были расположены. На шесть из них, которые, как сказывают, прежде еще признаны за лучшие, конференц-секретарь приложил печать, для раздачи после прений. Потом смотрели чертежи нововыезжего из чужих краев нашего архитектора г. Баженова¹⁵⁷, которые подлинно хорошо расположены и вымышлены и от всех присутствовавших во многом числе дам и кавалеров общую похвалу получили. Отсюда пошли опять в конференц-залу, подписывать в книге определения о приеме вышеупомянутых особ в Академию. Его высочество имя свое в пяти местах подписать изволил. Между тем, как другие подписывали, изволил его высочество подойти ко мне; я смотрел статую его в бюст, сделанную господином Жилетом, которая стояла в углу залы. Хвалил я статую. Государь цесаревич, смеючись, изволил мне сказать: «Вот уж есть что хвалить; какой фурсик сделан». Из залы пошли в ту комнату, где были разные эстампы и скульптурные штуки. Оттуда ходили смотреть жилища ученические и лазарет. В лазарете больной был один только Ерменев¹⁵⁸, с которым его высочество долго и очень милостиво изволил разговаривать. Везде было чисто и хорошо прибрано. Пришло между тем время ужина. Накрыли стол, поставили кушанье и в присутствии его высочества ударили в колокол для позыву учеников к ужину. Изволил его

высочество ходить около стола и смотрел, как они ужинали. У многих мальчиков физиономии весьма острые. Сидели они за столом очень хорошо, а которых о чем спрашивали, те отвечали вежливо и свободно. Государь цесаревич столь прилежно на их кушанье смотреть изволил, что самому кушать захотелось. После ужина один из учителей ударил по столу, и все встали. Один ученик прочел вслух молитву, а потом все пели: «Царю небесный! Помилуй нас, Господи, помилуй нас», и еще молитвы две; сим все кончилось. Его высочество изволил возвратиться во дворец. Как скоро приехали, то изволил он пойтить к ее величеству для поздравления с завтрашним праздником. Изволила государыня спрашивать у его высочества, что в Академии происходило. Побыв там несколько времени, возвратился государь цесаревич к себе и сел кушать. Сидели у нас за столом и его превосходительство Никита Иванович, также его превосходение о. Платон. Его превосходительство разговаривал по большей части с о. Платоном... О славном Монтескье¹⁵⁹ говорил его превосходительство, что он великий был законоведец, а сам судья весьма посредственный. После ужина началась всенощная. Его высочество слушать изволил весьма благочестиво...

23 сентября. После учения изволил ходить в парадные свои покои к кораблю и устанавливать по мачтам и по райнам фейерверочные колесца и хлопушки. После обеда его высочество, позабавясь, изволил сесть за свои учения. Приехал потом и его превосходительство Никита Иванович. Пошли в комедию.

На придворном театре была сегодня комедия французская «La métromanie»¹⁶⁰; балет новый госп. Гранжé, называемый «Le Faune jaloux»¹⁶¹; маленькой пьесы за тем не было, что один актер занемог. От того и зрелище кончилось ранее обыкновенного. Ее величество тут изволила присутствовать. После комедии изволил его высочество пойтить в парадные свои покои к кораблю и там жечь при Никите Ивановиче расставленные сего утра фейерверочные машинки. Государь цесаревич несказанно тем был доволен.

24 сентября. Во время учения, как пришла речь о земле Амазонской, то изволил сказать государь цесаревич: «Как же могла б стоять эта земля долго, если б между амазонками мужчин совсем не было?» После учения изволил его высочество точить. Потом размолвился он с кн. Куракиным¹⁶² и довел до того, что Куракин заплакал. Государю великому князю сие пуще смешно еще стало, и хохотал он изо всей мочи. Говорил я его высочеству, чтоб изволил перестать и оставил бы Куракина в покое, чему он и последовал... В начале пятого часу пришел его превосходительство Никита Иванович и поехали в воспитательное училище. Прежде изволил его высочество смотреть, как мальчики танцевали и резвились для рекреации; потом изволил ходить по комнатам, где живут они. Наконец, принесли стол со штуками, которые положены мальчикам в награждение за их ученье... Шесть человек получили премии. Первому штукку из своих рук пожаловал его высочество; другой получил штукку из рук от графини А. А. Чернышовой, а прочие при-

нимали их от бывших тут других дам... Лавров говорил его высочеству маленький комплимент на французском языке. От роду ему лет семь. После раздачи наградений, походя несколько раз по комнатам, изволил его высочество сойтить вниз и смотреть, как мальчики ужинали. Во все время ужина изволил быть тут и мальчиками весьма любовался; со многими изволил разговаривать и щекотал их. Изо всех робят понравился государю цесаревичу Максим Ушаков. Учится, гово-

рят, изрядно; только показалось мне, что он просто-ват. Во время ужина более подле него изволил стоять, с ним более всех ласковее и снисходительнее разговаривать; и мальчик беспрестанно глядел на великого князя. Часов в восемь изволил его высочество возвратиться во дворец. У себя долго об училище и о том мальчике изволил разговаривать. Сели мы ужинать. Все об училище разговаривали. Между тем шел разговор о третьеводнишном пожаре, который случился у меня в соседстве. Сказывал я, что во время пожара четверо каких-то гвардии офицеров напали на одного человека, который шел по улице в малиновом платье с позументом. Он вынул против них шпагу, и офицеры принуждены были его оставить. Его высочество изволил между прочим на то сказать: «Человек-ат

в малиновом кафтане, уж конечно, был немец». Я отвечал, что точно не знаю, а что показалось мне по голосу его, что русский...

25 сентября. Сказывал мне его высочество, что он, читая на сих днях древнюю Ролленову историю, увидел там описание женских свойств, которое ему крайне понравилось. Изволил говорить: не дал-де я тово знать, однако место очень приметил, и прочитал еще после... Об одной фрейлине признавался мне его высочество, что он день ото дня ее более любит. Не опровергал я совсем того, однако говорил государю цесаревичу, что не очень надобно в эти мысли устремляться, дабы оне не беспокоили и нужным его высочества упражнениям не препятствовали...

29 сентября. В исходе одиннадцатого часу поехали мы в Новодевичий монастырь, где малолетние девушки воспитываются. Ее величество изволила пускать кровь и, как сказывают, сожалеет, что день принуждена проводить, в делах не упражняясь. К его высочеству изволила присылать за эстампами. Еще слышал я, что сегодня ж для своего увеселения заставляла С. М. Козмина¹⁶³ переводить при себе на русский язык «Discours aux Welches, dans les contes de Guillaume Vadé»¹⁶⁴. В двенадцатом часу приехали мы в монастырь. Его высочество встречен И. И. Бецким, княжною Долгоруковой и госпожей Лафонтшей. Сперва ходили смотреть мещанских девушек. Танцевали оне в присутствии государя цесаревича, также показывали работы их — шитье и кружева. Лучше всех из них девушка Акулина, дочь какого-то кучера. Сказывали,

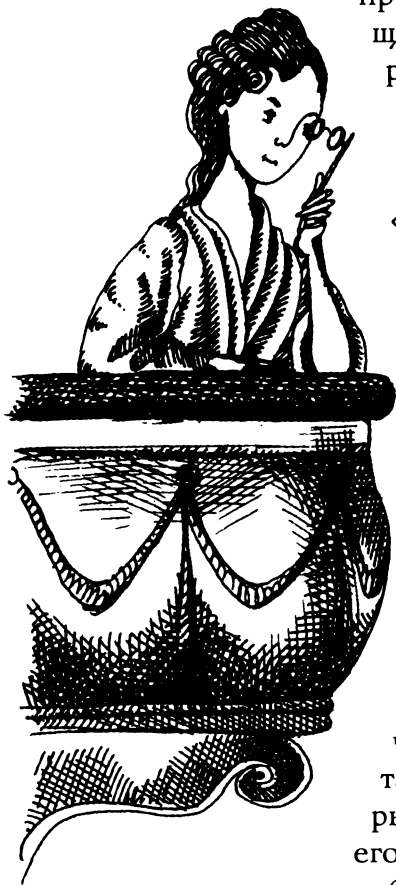
что и государыня ее очень изволит жаловать. Потом ходили смотреть, где живут монахини, которых числом четырнадцать... Оттуда пошли вниз, где девушки обедали. Там побыв несколько времени, изволил его высочество пойтить в залу, где благородные девушки. Тут изволил быть долго и со многими девушками, ходя около стола, разговаривать. Быв в зале у мещанских девушек, изволил государь цесаревич також со многими разговаривать... Во дворец возвратились мы в исходе пятого часу. Государь цесаревич изволил ходить к государыне-родительнице. Ее величество выходить в бильярдную не изволила. Побывши там несколько времени, возвратился его высочество к себе и поехал в немецкую комедию. Комедия была «Bourgeois gentilhomme»¹⁶⁵. Приехавши из комедии, изволил великий князь точить. Между тем поставили кушанье. Сели мы за стол. Его превосходительство Никита Иванович был тут же. Как между прочим разговорились о езде его превосходительства из Швеции сюда и дошла речь до города Торнео, то спросил его высочество: «Каков этот город?» Его превосходительство ответствовал, что дурен. Государь великий князь изволил на то еще спросить: «Хуже нашего Клину или лучше?» Никита Иванович изволил ему на то сказать: «Уж Клину-та нашего, конечно, лучше. Нам, батюшка, нельзя еще о чем бы то ни было рассуждать в сравнении с собою. Можно рассуждать так, что это там дурно, это хорошо, отнюдь к тому не применяя, что у нас есть. В таком сравнении мы верно всегда потеряем...»

9 октября. Пришел к государю цесаревичу граф Григорий Григорьевич Орлов от ее величества звать великого князя на обсерваторию, которая построена вверху над покоем ее величества. Пошел туда его высочество, и государыня быть там изволила. Весь город виден. Сходя оттуда вниз, говорил граф Григорий Григорьевич, не изволит ли его высочество посетить фрейлин. Они живут тут в близости. Государю цесаревичу хотелось туда итти, однако в присутствии ее величества не знал, что ответить. Государыня сомнение решила: изволила сказать, чтобы его высочество шел туда. Никогда повеление с такою охотою исполняемо не было, как сие. За государем были Никита Иванович и граф Григорий Григорьевич. У всех фрейлин по комнатам ходили. Возвратясь к себе, изволил его высочество с особливым восхищением рассказывать о своем походе и, кто ни приходил, изволил спрашивать: «Отгадай, где я был сегодня?» После рассказов вошел в нежные мысли и в томном услаждении на канapé повалился. Подзывая меня, изволил говорить, что он видел свою любезную и что она от часу более его пленяет...

19 октября. После учения изволил смотреть эстампы Vues de Paris¹⁶⁶ и планы города Парижа. Изволил распоряжаться, где бы кому жить, если б Париж был наш. Сам себя располагал полковником кирасирским, который будто с полком своим стоит в Париже. Сели мы за стол... Разговор зашел об оспе. Его превосходительство Никита Иванович изволил сказать, что по городу ныне очень многие лежат в оспе, и говорил, что ежели

на его высочестве быть оспе, то б лучше всего желал его превосходительство, чтоб она была ныне. Много разговаривали мы об оспе. После учения смотрел его высочество те ж эстампы, которые сего утра смотреть изволил. Возлюбленной своей назначивать изволил квартиру в моем доме, а самому себе напротив, через улицу: обещался всякой день ездить в гости. Сегодня его высочество очень был наряден и разубран. Вчерась по кончине цесаря римского траур кончился; и так государь цесаревич весь был в золоте. Четвертый уже день, как приказывает себе на каждой стороне класть по семи буколь, а преж сего обыкновенно только по одной букле или по крайней мере по три на стороне бывало; в большие иногда праздники по пяти класть приказывал, и то почти с принуждением: *L'amour fait de prodiges*¹⁶⁷. Чулки раза два или три ныне в день приказывает перевязывать, чтобы были глаже. Ходя со мной по комнате, изволил сказать его высочество: «Мне кажется, что ты мной недоволен, что я так ряжусь». Ответствовал я, что нарядов не только не отвергаю, но говорю, что молодому человеку, конечно, надобно быть хорошо прибрану и опрятну; но что напротив того и то я говорю, что в наряды одни все свое внимание устремлять отнюдь не годится, особливо для такого человека, который, на сем свете живучи, более что-нибудь сделать хочет, как только по верхам глядеть, во все зеркала смотреться и только то пересговаривать, что говорят другие...

20 октября. Его высочество встать изволил в исходе седьмого часу. Все утро разными аллегориями

проговорил со мною о своей любезной и восхищался, вспоминая о ее прелестях. Как сия материя кончилась, то читал я государю цесаревичу наизусть последние строфы в пятой оде покойного Ломоносова. Очень внимательно изволил его высочество слушать и сказать мне: «Ужась как хорошо! Это наш Вольтер». Потом как оделся, возобновил опять прежнюю материю и спрашивал меня, можно ли ему будет на любезной своей жениться? И говорил, что он чрезвычайно рад был, если б это могло сделаться. Отвечал я его высочеству, что до этого еще далеко и чтоб он тогда меня спросить об этом изволил, то я, конечно, дам ему совет, не лстя его прихотям, а так как человек честный и прямой его друг. Государь цесаревич, не удовольствуясь сим, изволил говорить мне: «Тогда таки я с тобой посоветую; однако теперь, пожалуй, голубчик, скажи мне, что если бы в этом могли случиться препятствия, то чтоб это за препятствия такие были?» Пересчитал я ему некоторые, которые могли бы случиться. В одиннадцатом часу сел его высочество учиться. Потом... играть изволил и наблюдения делать, смотря из окна кверху. Сели за стол. Из посторонних никого у нас не было. Его превосходительство Никита Иванович шутил над великим князем, как он прежде влюблен был в княжну М. В. Хованскую, что за кн. Барятинским¹⁶⁸, а ныне и играть комедию «La fête d'amour» с нею не хочет.

Говорил его превосходительство, que c'est le dépit amoureux¹⁶⁹. После обеда позабавясь, его высочество сел учиться. После ученья граф Шереметев принес государю цесаревичу шляпу, которую он ему достал для маскараду. Танцевали мы все с его высочеством контраданс. Пошли потом в комедию. По просьбе великого князя дозволил Никита Иванович, чтоб и граф Шереметев шел с нами же в ложу. Его высочество во время комедии с ним только и со мною проговорить изволил. Особливо шутили мы, что великого князя любезная очень часто в лорнет на него поглядывала. А мы и без лорнету не спуская глаз туда смотрели, так что и ее величество из своей ложи приметить то изволила. Как пришли к ее величеству в ложу, то изволила она шутя говорить великому князю, что завтра маскараду не будет, ведая уже видно про наши похождения... После ужина зашел у нас как-то нечувствительно разговор о бабке его высочества цесаревне Анне Петровне и о ее достоинствах, а потом и о государыне императрице Елизавете Петровне, чтоб я рассказал ему о вступлении на престол ее величества, в чем мне не трудно было его высочество удовлетворить, потому что с бывшими при том деле очень много говаривал и обо всех подробностях ведаю...

17 ноября. В двенадцатом часу возвратился его превосходительство Никита Иванович от государыни. Приказано уже было, чтоб с конюшни были сани для выхода его высочества. Как скоро пришел Никита Иванович, тотчас государь цесаревич собрался, надел сапоги, шубу и шапку с ушами. Сели в сани

и поехали кататься. Его превосходительство Никита Иванович сидел с его высочеством в санях по левую сторону, прочие нашего штату в других санях ехали. Ехали мы Луговою; потом поворотили по Невской перспективе, мимо Казанской. Подъезжая к слоновому двору, поворотили к Новодевичьему монастырю. Оттуда выехали через Конную Гвардию на Литейную; с Литейной выехали опять на Невскую перспективу и домой. К слоновому двору подъезжая, увидел государь цесаревич на перекрестке, что мужики, стоя подле квасников, с великим аппетитом пьют теплое сусло. Захотелось ему сего питья отведать. Приказал тут его превосходительство Никита Иванович остановиться. Подали стакан сусла, откушал его высочество, и очень ему понравилось: мужику приказал дать пять рублей. Описать нельзя, с какою тут радостью и с каким удовольствием смотрел народ на государя цесаревича. Он на то время очень был весел. Оборачиваясь, изволил со мною разговаривать и хвалил сусло: около стоящей черни все это слышно было. Его высочество сим катаньем несказанно был доволен. На улице из саней ко мне оборачиваясь, хотел меня поцеловать в своей радости. Но я сказал, чтобы изволил сидеть починнее, что мы, уже домой приехавши, поцелуемся. По Литейной, мимо дому фельдмаршала Миниха едучи и видя на нем разные арматуры, в цепях турков, знамена и прочее, сказал его превосходительство Никита Иванович иронически: «*Cet homme là n'est par vain du tout*»¹⁷⁰. Государь великий князь изволил сказать к тому: «Я о заклад ударюсь, что он

и теперь, сидя за столом, какие-нибудь прожекты выдумывает». На сие сказал я, что прожекты выдумывать не токмо не порок, но еще достоинство, и достоинство великое; только чтоб прожекты были полезные. «Фельдмаршал Миних, — продолжал я, — выдумывал в свое время прожекты, которые ему славу делали; теперь также их иногда выдумывает, но не всегда с удачей». Его превосходительство изволил говорить: что он в сем-то последнем разумении и сказал о нем так. Возвратясь восвояси домой, его высочество изволил рассказывать домашним своим, как он катался, что где видел... После стола его высочество, позабываясь и прибрав себе волосы, которые после катанья были попорчены, изволил сесть учиться. У меня хорошо учился. Ввечеру изволил пойтить в комедию. Комедия была русская: «Жорж-Дандин»¹⁷¹... Ее величество в комедии быть не изволила. Сказывают, что изволила принимать лекарство. Его высочество малой пьесы не слушал; изволил пойтить к государыне-родительнице в самые внутренние покои и был там близ часа. Возвратясь к себе, сел кушать. За ужином изволил разговаривать о королях французских: Генрихе IV, Людовике XIV и нынешнем Людовике XV. Изволил о них делать свои рассуждения, из которых многие были остры и основательны. Поговорили мы також и о некоторых анекдотах самых еще нежных младенческих лет его высочества. После ужина товарищи мои рассуждали с его высочеством о всех той половины кавалерах, также и о некоторых боярах наших, каков кто собой, как убирается, как кланяется

и какие имеет ухватки. К сему разговору приступать не рассуждал я за благо; и так был только слушатель, не говорил ни слова...

11 декабря. Воскресенье... Рассказывал мне государь цесаревич, как ему было весело, когда изволил быть на даче у обер-маршала Сиверса¹⁷²; там была любезная его В. Н. Изволил сказать, что много танцевал с нею и разговаривал. «Говорил-де я ей то, что тебе много раз говаривал, то есть что я всегда хотел бы быть вместе с нею». Как она сказала его высочеству, что ей очень хочется поцеловать у него ручку, он ответствовал, что ему еще больше хочется поцеловать у нее ручку. Как назад ехали, то она ехала в салазках перед его высочеством. Тут, оборачиваясь, друг другу поцелуи бросали. Великий князь говорил ей: «Je crois, que nous n'aurons pas de si tôt une journée aussi favorable»; et elle repondait par un «assurément Monseigneur»¹⁷³. Его высочество также говорил ей, что может быть ей милее было б, если бы на его месте сидел Дивиер¹⁷⁴. На то отвечала она, что напрасно его высочество в ней сомневается; что она Дивиера ненавидит и проч. В восемь часов встал его высочество с постели и зачал одеваться. Разговаривали мы о сегодняшнем бале. Ее величество, отъезжая в Царское село, изволила дать дозволение его высочеству сделать у себя бал в ее отсутствии. Сей день для того назначен. Званы все фрейлины и еще некоторые из молодых знатных дам, также и из кавалеров. Сегодня у его высочества первый бал; прежде никогда еще не бывало. Одевшись, читал государь цесаревич с его пре-

подобием о. Платоном Св. Писание; потом изволил пойтить в церковь. Возвратясь из церкви, сел кушать... После обеда, часу в шестом, съехались званные на бал. Открыть бал изволил его высочество с фрейлиной А. А. Хитровой. Танцевали в том покое, где на часах стоят кавалергарды, потому что на половине его высочества нет ни одной для того довольно просторной комнаты. В начале десятого часу бал кончился; все разъехались, и государь цесаревич сел кушать. Весьма был доволен сегодняшним вечером; танцевал и говорил очень много со своей любезной...

25 декабря. Рождество Христово. Его высочество встать изволил в семь часов. Одевшись, читал с его преподобием о. Платоном Св. Писание. Потом, принявши поздравления и рапорты от господ флагманов, изволил пойтить в церковь, а после обедни за ее величеством в билиардную. Государыня изволила говорить, что уже месяц тому назад, как государь цесаревич давал знать ее величеству, что прошлого году о Рождестве в первый день ввечеру были у ее величества святочные игры, с тем намерением, чтобы и ныне тож сделать, и для того изволила усмехаячись говорить великому князю, чтобы он после обеда кафтан изволил надеть получше и был ввечеру к ее величеству на игрище. Притом изволила государыня сказать великому князю: «Конечно, этот день у вас в календаре записан, также и тот, как мы в последний раз у Сиверса были». Ее величество о моих записках знать не изволит. Его высочество возвратился к себе и скоро потом изволил пойтить к государыне. Там кушал.

В то время, как к себе приходил изволил, входил к нему в покои многие для поздравления. Генерал кн. А. М. Голицын приехал ныне из Москвы и также был у его высочества. Его сиятельство ездил в Москву на 28 дней. После кушанья, возвратясь от государыни-родительницы, переоделся его высочество, попрыгал и смотрел Блонделеву¹⁷⁵ архитектуру. Вечеру пришел от ее величества камергер граф Строганов звать туда государя цесаревича. Послали сказать о том Никите Ивановичу. Пришел его превосходительство, и пошли мы к ее величеству в шесть часов. Там были все фрейлины, да из посторонних дам графиня М. А. Румянцева с дочерью П. А. Брюсшей, и множество кавалеров.

В аудиенц-комнате, где трон стоит, началась игра. Сперва взявшись за ленту, все вокруг стали, некоторые ходили в круг и прочих по рукам били. Как эта игра кончилась, стали опять все в круг, без ленты, уже по двое, один за другого: гоняли третьего. После сего золото хоронили; «заплетися плетень» пели; по-русски плясали; польской менуеты и контрадансы танцовали. Ее величество во всех сих играх сама быть и по-русски плясать изволила с Никитою Ивановичем. С его высочества пот почти капал: столь искреннее при-

нимал он в сих забавах участие! По большой части изволил быть подле бочку у своей любезной и очень много и страстно с нею разговаривал. Она, с своей стороны, также не очень суровой себя оказывала. Princes et Rois vont vite en amour, pas comme nous autres particuliers¹⁷⁶. Ее величество изволила шпынять над великим князем, в каком он удовольствии d'être si proche de son objet chéri¹⁷⁷. В то время как все сии увеселения происходили, вышли из внутренних ее величества покоев семь дам, которые всех крайне удивили. Нарядились в женское платье: 1) Г. Г. Орлов; 2) камергер гр. А. С. Строганов; 3) камергер гр. Н. А. Головин¹⁷⁸; 4) камергер П. Б. Пассек¹⁷⁹; 5) шталмейстер Л. А. Нарышкин¹⁸⁰; 6) камер-юнкер М. Е. Баскаков¹⁸¹; 7) камер-юнкер кн. А. М. Белосельский¹⁸². На всех были кофты, юбки и чепчики. У Белосельского только на голове была косынка, и одет он был прочих похуже, так как боярские боярыни одеваются; представлял маму, а прочие представляли боярышень под ее смотрением. Как пришли, то посадили их за круглый стол, поставили закусок и подносили пуншу. Много тут шалили и потом, вставши, плясали...

С. А. Порошин
*«Записки, служащие к истории
его императорского высочества благоверного государя
цесаревича и великого князя Павла Петровича»*

Указатель авторов

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) — писатель, мемуарист, философ-моралист и естествоиспытатель, один из основоположников отечественной агрономической науки. Наиболее известное произведение Болотова — записки «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» (т. 1–4, 1870–73), в котором изображен быт русского общества второй половины XVIII столетия.

Александр Романович Воронцов (1741–1805) — граф, дипломат, при Екатерине II сенатор и член многих комиссий, с 1787 г. — член Государственного Совета, при Александре I в 1802–1805 гг. государственный канцлер.

Михаил (Кузьма) Васильевич Данилов (1722–1790) — русский изобретатель в области артиллерии и пиротехники, майор. Участвовал в устройстве фейерверков и иллюминаций. С 1756 г. занимался конструированием артиллерийских орудий. Автор учебника по артиллерии «Начальное знание теории и практики в артиллерии с приобщением гидростатических правил с задачами» (1762) и руководства по приготовлению фейерверков и иллюминаций, в котором дал краткие сведения по истории пиротехники в России. В «Записках», написанных в 1771 г. и изданных в 1842 г., описал быт русского провинциального общества XVIII в.

Гаврила Романович Державин (1743–1816) — выдающийся русский поэт эпохи Просвещения и государственный деятель — правитель Олонецкого наместничества (1784–1785), тамбовский губернатор (1786–1788), кабинет-секретарь Екатерины II (1791–

1793), президент Коммерц-коллегии (с 1794), министр юстиции (1802–1803).

Кристоф Герман фон Манштейн (Manstein) (1711–1757) — сын генерала русской армии, служил в прусской армии, в 1736 г. возвратился в Россию. В 1740 г. по поручению арестовал Э. И. Бирона. При императрице Елизавете Петровне был в опале. В 1744 г. уехал в Германию. В 1756 г. в Санкт-Петербурге заочно предан военному суду, объявлен дезертиром и приговорен к смертной казни. Автор «Записок о России», в которых дал ценное описание дворцовых интриг и переворотов в 1727–1741 гг., а также Крымских походов 1736–1739 гг. и войны со Швецией в 1741–1743 гг.

Андрей Константинович Нартов (1683–1756) — русский ученый, механик, статский советник, член Академии наук (1723–1756).

Василий Александрович Нащокин (1707–1760 или 1761) — генерал-поручик. Отличился и сделал военную карьеру во время турецких кампаний в 1737–1739 гг. «Записки» Нащокина представляют собой рассказ о придворной жизни и придворном быте, пожалованиях и опалах вельмож, в который включены отдельные пространные некрологи исторических деятелей с осторожной авторской оценкой и сухие свидетельства о рождении и смерти близких.

Иван Иванович Неплюев (1693–1773) — русский государственный деятель. Учился в Петербургской морской академии, затем в Венеции и Испании. В 1720 г. вернулся в Россию, заслужил на экзамене похвальный отзыв Петра I и был назначен главным командиром над строящимися морскими судами в Петербурге. В 1721–1734 гг. — посланник в Константинополе. В 1742–1758 гг. — наместник Оренбургского края. С 1760 г. — сенатор. Автор записок «Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, им самим описанная».

Платон (в миру — Петр Георгиевич Левшин) (1737–1812) — митрополит Московский, автор первого по времени систематического курса русской церковной истории.

Семен Андреевич Порошин (1741–1769) — публицист, мемуарист, издатель, один из просвещеннейших людей своего времени; флигель-адъютант Петра III (1761), воспитатель Павла I (с июля 1762). Дневник Порошина, который охватывает период с 20 сентября 1764 г. по 13 января 1766 г., велся с целью дать наследнику престола возможность взглянуть на себя со стороны и увидеть

пути исправления своих недостатков. Недовольство императрицы тем, как ведется дневник, было одной из причин увольнения Порошина из штата наследника (1766) и назначения его командиром Старо-Оскольского пехотного полка в Малороссию, где он умер во время русско-турецкой войны.

Василий Никитич Татищев (1686–1759) — выдающийся русский историк и государственный деятель, автор первого обобщающего труда по отечественной истории — «Истории Российской с самых древнейших времен».

Йоганн-Готхильф Фоккеродт (*Vockerodt*) (г. рождения неизвестен — умер в 50-х гг. XVIII в.) — секретарь прусского посольства в России в 1717–1733 гг., автор записок о России (1737), написанных по просьбе Вольтера, работавшего над историей царствования Петра. Записки Фоккеродта содержали исторические материалы XVI–XVII вв., его собственные наблюдения, сведения о нравах и обычаях русского народа. Изданы в 1872 г. в Лейпциге на нем. языке, в 1874 г. — на рус. языке.

Денис Иванович Фонвизин (1745–1792) — выдающийся русский литератор екатерининской эпохи, создатель русской бытовой комедии.

Юст Юль (*Juel*) (1664–1715) — датский морской офицер, дипломат. Посланник в России в 1709–1712 гг. Погиб, командуя авангардом датской эскадры, в морском сражении между датчанами и шведами 8 августа 1715 г. «Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом (1709–1711) были опубликованы в 1892 г. на русском языке и лишь затем, в 1893 г., в датском подлиннике.

Примечания

- ¹ Пробст — в некоторых лютеранских церквях старший пастор в регионе.
- ² Эрнст Глюк (Glück) (1654–1705) — немецкий пастор, богослов и педагог, переводчик Библии на латышский и русский языки.
- ³ Курс занятий состоял из трех классов — низшего, среднего и высшего. В программу преподавания входили языки латинский, греческий, еврейский, сирийский, халдейский, немецкий и французский, философия деятельная и картезианская, ифика (учение о высшей, по вере, нравственности), политика, латинская риторика, арифметика, география, танцы, верховая езда и обучение берейторству.
- ⁴ Христиан (Кристиан) Вольф (Wolff) (1679–1754) — немецкий философ, представитель рационализма, популяризатор и систематизатор идей Лейбница, профессор математики и философии в Галле и Марбурге, где в числе его слушателей был М. В. Ломоносов, иностранный почетный член Санкт-Петербургской академии наук (1725).
- ⁵ Яков Герман (Her mann) (1678–1733) — профессор высшей математики и действительный, а потом и почетный член Санкт-Петербургской академии наук (1725). Составил для императора Петра II краткие учебники арифметики, геометрии и архитектуры гражданской и военной.
- ⁶ Жозеф Никола (Осип Николаевич) Делиль (Delisle) (1688–1768) — французский астроном. В 1725–1747 гг. работал в России, первый директор академической астрономической об-

серватории, с 1747 г. иностранный почетный член Петербургской академии наук. Положил начало систематическим астрономическим наблюдениям и точным геодезическим работам в России. Руководил составлением генеральной карты России, для чего разработал специальную картографическую проекцию (проекция Делиля).

- 7 Трудно сказать, кого именно из семьи швейцарских ученых Бернулли (Bernoulli) имеет в виду Х. Фоккеродт. С Россией были связаны:

Иоганн Бернулли (1667–1748) — профессор математики Гронингенского (Голландия) и Базельского университетов, почетный член Санкт-Петербургской академии наук.

Даниил Бернулли (1700–1782) — математик и механик, физиолог. В 1725–1733 гг. он работал в Санкт-Петербургской академии наук сначала на кафедре физиологии, а затем механики. Впоследствии состоял почетным членом Санкт-Петербургской академии наук и опубликовал в ее изданиях 47 работ. В работах, завершенных написанным в Петербурге трудом «Гидродинамика» (1738), Д. Бернулли вывел основное уравнение стационарного движения идеальной жидкости, носящее его имя (уравнение Бернулли).

Николай Бернулли (1695–1726) — профессор математики в Санкт-Петербургской академии наук.

- 8 Лаврентий Лаврентьевич Блуменрост (1692–1755) — лейб-медик Петра I (с 1718), управлял также царской библиотекой и кунсткамерой, первый президент Санкт-Петербургской академии наук (1725).

- 9 Феофилакт (Лопатинский) (1670-е – 1741) — архиепископ православной церкви (1725), богослов, писатель, занимался исправлением перевода Библии на церковнославянский язык. Был сначала префектом, а затем ректором (1706–1722) Славяно-греко-латинской академии.

- 10 Медико-хирургическое училище при госпитале, созданное, как и сам госпиталь, по предложению лейб-медика Петра I Н. Бидлова (Бидлоо). Из высочайшего указа от 25 мая 1706 г.: «построить за Яузою рекою против Немецкой слободы в пристойном месте дом для лечения болящих. А у того лечения быть доктору Николаю Бидлоо... из иноземцев и из рус-

ских всех чинов людей набрать для аптекарской науки 50 человек».

- 11 Николай Ламбертович (Николаас) Бидлов (Бидлоо, Бидлау, Бидло) (1670–1735) — выходец из Голландии (Ю. Юль ошибается, называя его германским уроженцем), профессор и ректор Лейденско-Батавской академии. С 1702 г. в России, лейб-медик Петра I в 1703–1704 гг., создатель в Москве госпиталя и медико-хирургического училища при нем (1707).
- 12 Григорий Петрович Чернышев (1672–1745) — русский военачальник и государственный деятель, граф, один из сподвижников Петра I.
- 13 Иван Михайлович Головин (1672–1737) — русский адмирал. Вместе с Петром I изучал морское дело в Амстердаме, затем был послан в Венецию для обучения строительству галер. В 1714–1715 гг. во время Северной войны (1700–1721) командовал отдельным морским отрядом. В 1722 г. сопровождал царя в Персидском походе. В 1732 г. императрица Анна Иоанновна произвела И. М. Головина в полные адмиралы и назначила начальником галерного флота.
- 14 Федор Юрьевич Ромодановский (ок. 1640–1717) — князь, русский государственный деятель. В 1686–1717 гг. глава Преображенского приказа розыскных дел, кроме того, руководил Сибирским и Аптекарским приказами. Первым в России формально получил высший чин, стоявший вне системы офицерских чинов, — генералиссимус.
- 15 Александр Гаврилович Головкин (1688–1760) — действительный тайный советник (1727), сенатор (1723), в 1711–1722 и в 1723–1727 гг. посланник в Берлине, с 1728 г. возглавил российскую миссию в Париже (посланник в 1729–1731 гг.), в 1731–1760 гг. чрезвычайный и полномочный посол в Гааге.
- 16 Федор Матвеевич Апраксин (1661–1728) — русский государственный деятель и военачальник, сподвижник Петра I, граф, генерал-адмирал (1708). Глава Адмиралтейского приказа (1700), президент Адмиралтейств-коллегии (1718), член Верховного тайного совета (1726). Командующий русским флотом во время Северной войны.
- 17 Стефан Яворский (в миру — Симеон Иванович Яворский) (1658–1722) — церковный деятель и публицист, проповед-

- ник, президент Славяно-греко-латинской академии (1701). С 1700 г. местоблюститель патриаршего престола, с 1721 г. президент Синода. Противник преобразований Петра I Яворский в своих проповедях в иносказательной форме выступал против подчинения церкви светским властям.
- 18 Феофан Прокопович (в миру Елеазар (Елисей)) (1681–1736) — архиепископ Новгородский, церковный и политический деятель, верный сподвижник Петра I в реформах Русской православной церкви, знаменитый проповедник, писатель и ученый. С 25 января 1721 г. — первый вице-президент Синода, с 15 июля 1726 г. — первенствующий член Синода.
- 19 Герман Карл фон Кейзерлинг (Keyserlingk) (1696–1765) — представитель древнего немецкого рода, барон, впоследствии граф. С 1730 г. на русской государственной службе в качестве вице-президента юстиц-коллегии по эстляндским и лифляндским делам, в 1733–1734 гг. президент Санкт-Петербургской академии наук, затем представитель России при разных европейских дворах.
- 20 Иоганн Альбрехт фон Корф (1697–1766) — барон, действительный тайный советник. В 1734–1740 гг. президент Санкт-Петербургской академии наук. В 1740–1766 гг. посланник в Дании и Швеции.
- 21 Карл (Карл Германович) фон Бреверн (von Brevern) (1704–1744) — тайный советник, в 1740–1741 гг. президент Санкт-Петербургской академии наук, конференц-министр императрицы Елизаветы Петровны. С 1742 г. вместе с канцлером графом А. П. Бестужевым-Рюминым руководил Коллегией иностранных дел.
- 22 Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803) — российский государственный деятель, граф, президент Санкт-Петербургской академии наук (1746–1798), последний гетман Украины (1750–1764), генерал-фельдмаршал (1764). Младший брат А. Г. Разумовского — фаворита русской императрицы Елизаветы Петровны. Участник дворцового переворота 1762 г., возведшего на престол Екатерину II.
- 23 Имеется в виду Алексей Григорьевич Разумовский (1709–1771) — граф, генерал-фельдмаршал (1756). Происходил из простого украинского казацкого рода, в детстве пел в церк-

- ви, откуда в 1731 г. попал придворный хор. Вскоре стал фаворитом цесаревны Елизаветы Петровны, а после переворота, возведшего Елизавету Петровну на престол, предположительно с 1742 г. — ее морганатическим супругом.
- ²⁴ Людвиг Иоганн Вильгельм Груно, принц Гессен-Гомбургский (von Hessen-Homburg) (1705–1745) — русский генерал-фельдмаршал (1742), генерал-фельдцейхмейстер (1735). На русскую службу поступил в 1723 г., будучи определен полковником в Нарвский полк. В 1732 г. командир отряда в прикаспийских владениях России, в 1733 г. главнокомандующий русскими войсками на Кавказе. Участвовал в боевых действиях русской армии в Польше в 1735 г., в Крымском (1736) и Очаковском (1737) походах.
- ²⁵ Иван Иванович Шувалов (1727–1797) — государственный деятель, фаворит Елизаветы Петровны, генерал-адъютант (1760). Покровительствовал просвещению. Основатель и первый куратор Московского университета (1755), основатель и президент Академии художеств (1757–1763). Находясь в 1763–1777 гг. за границей, выполнял дипломатические и другие поручения русского правительства. Член Российской академии (1783). Собираатель произведений искусства, передал свою коллекцию Академии художеств и Эрмитажу.
- ²⁶ Власно — точно, ровно, будто (сл. Даля).
- ²⁷ Форштадт (*нем.* vor — прежде, впереди, и Stadt — город) — поселение, находящееся вне города или крепости; предместье; местность за городской чертой.
- ²⁸ «Сокращенная универсальная история, содержащая все достопамятные в свете случаи от сотворения мира по нынешнее время со многим пополнением, вновь переведенная и с приобщением краткой российской истории вопросами и ответами в пользу учащегося юношества» Гилмара Кураса (? – 1747), изданная в 1762 г. в Санкт-Петербурге Академией наук.
- ²⁹ Евгений Савойский (von Savoyen) (1663–1736) — принц, выдающийся австрийский полководец и государственный деятель, фельдмаршал (1693), генералиссимус (1697).
- ³⁰ См. Указатель авторов.
- ³¹ Михаил Иванович Веревкин (1732–1795) — драматург, переводчик. С 1743 г. служил во флоте. В 1756 г. назначен ассессо-

- ром при Московском университете. В 1759–1761 гг. — директор гимназии в Казани. Во время крестьянского восстания под предводительством Емельяна Пугачева был директором походной канцелярии графа П. Панина. Член-корреспондент Императорской Академии наук (1782), член Российской академии (1785).
- 32 Данило Васильевич Савич (1720-е гг. – 1763) — магистр философии и свободных наук Московского университета, в котором преподавал в 1757–1761 гг. географию, оптику, физику и статистику. С октября 1761 г. — экстраординарный профессор в Казанской гимназии. Составил первую опись книг библиотеки Московского университета.
- 33 Собственно университетскую гимназию в 1755 г. (Прим. сост. сб. «Русский быт». М., Задруга, 1914.)
- 34 Людвиг Гольберг (Holberg) (1684–1754) — норвежско-датский писатель, создатель датской драмы. Его комедии до сих пор ставятся в Дании.
- 35 Филипп Якимович Яремский (ок. 1729 – ?) — магистр философии. Учился у М. В. Ломоносова в Санкт-Петербургской академии наук. С 1755 г. преподавал в Московском университете риторику, грамматику и латынь. С 1759 г. корректор университетской типографии. Перевел на латынь «Слово о пользе химии» М. В. Ломоносова.
- 36 Иван Иванович Мелиссино (1718 – 1795) — русский государственный деятель, директор Московского университета (1757–1763), обер-прокурор Святейшего Синода (1763–1768). С 1771 г. до конца жизни куратор Московского университета. Член Российской академии (1783).
- 37 И. И. Шувалову. См. прим. 25.
- 38 Комедия Л. Гольберга (см. прим. 34), перевод А. К. Нартова (см. Указатель авторов).
- 39 Яков Данилович Шумский (1732–1812) — один из первых русских профессиональных артистов, комический актер, оперный певец. Особенно Шумскому удавались роли слуг.
- 40 Федор Григорьевич Волков (1729–1763) — русский актер, режиссер и театральный деятель, создатель первого постоянного русского театра. Организовал в Ярославле, где жил с 1735 г., домашний, а с 1750 г. — публичный театр, в котором начали иг-

- рать знаменитые впоследствии русские актеры — И. А. Дмитревский, Я. Д. Шумский и др. В 1752 г. переехал с труппой в Петербург.
- 41 Иван Афанасьевич Дмитревский (1734–1821) — русский актер, режиссер, театральный деятель. Действительный член Российской академии (1802).
- 42 Иоганн Маттиас Шаден (Schaden) (1731–1797) — доктор философии Московского университета и ректор гимназии при нем, педагог. Лекции читал на латинском языке. Одним из главных воспитательных средств считал систематическое чтение. В историю русской культуры вошел как наставник Д. И. Фонвизина и Н. М. Карамзина.
- 43 Авантюрно-дидактический роман аббата Жана Террасона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая». Составители сб. «Русский быт» отмечают, что Фонвизин, вероятно, имеет в виду «1-ю часть, ибо она вышла в 1762 г.; но оканчивал перевод Фонвизин в Петербурге, и 2-я ч. явилась только в 1763 г., а 4-я уже в 1768 г.».
- 44 Митрополит Платон пишет о себе в третьем лице.
- 45 Иоанн Козлович (ум. 1757) — епископ Русской православной церкви. Получил образование в Киевской духовной академии, где по окончании курса остался учителем риторики. В 1742 г. определен префектом и преподавателем философии в московскую Славяно-греко-латинскую академию. В 1748 г. назначен архимандритом московского Донского монастыря, ректором Славяно-греко-латинской академии и настоятелем училищного Заиконоспасского монастыря. С 1753 г. епископ Переяславский и Бориспольский.
- 46 Партесное пение (от *лат.* *partes* — голоса) — тип церковного пения, в основе которого положено многоголосное хоровое исполнение композиции. Количество голосов может быть от 3 до 12, но может достигать 48. Родина партесного пения — Юго-Западная Русь; в России начало распространяться во времена императрицы Елизаветы Петровны.
- 47 «Прологи» — церковная книга, содержащая краткие слова на годовичные праздники, жития святых и отрывки из писаний св. отцов, для чтения при богослужении.

- ⁴⁸ «Камень веры» — сочинение Стефана Яворского (см. прим. 17) — полемическое произведение, направленное против протестантской проповеди в России. Напечатано в Москве в 1749 г.
- ⁴⁹ «Маргарит» — византийский и древнерусский сборник Слов Иоанна Златоуста. Разные списки включают различные беседы Иоанна Златоуста. В наиболее обширных греческих списках число Слов достигает восьмидесяти, в славянских списках их обыкновенно помещается около двадцати.
- ⁵⁰ «Обед духовный, или Поучения на все воскресные дни целого года» — сборник проповедей Симеона Полоцкого (в миру — Самуила Емельяновича (по некоторым данным — Гавриловича) Петровского-Ситниановича) (1629–1680), общественного и церковного деятеля, писателя, с 1667 г. учителя царевича Алексея, а после его смерти — царевича Федора и царевны Софьи. Сборник был напечатан при жизни Симеона Полоцкого в 1676 г., но вышел в свет уже после его смерти в 1681 г.
- ⁵¹ «Вечеря Духовная, или Поучение на все господские и богородичные и некоторых святых праздники целого года» (1683) — сборник проповедей Симеона Полоцкого.
- ⁵² Цезарь Бароний (Baronius, Baronio) (1538–1607) — католический церковный историк, кардинал (1595), глава Ватиканской библиотеки (1597). Значительная фигура Римской курии: был духовником папы Климента VIII и претендентом на папский престол в 1605 г. Автор «Церковных анналов» (т. 1–12, 1588–1607) — монументальной истории христианской церкви.
- ⁵³ Квинт Курций Руф (предположительно I в. н.э.) — римский историк, автор «Истории Александра Великого Македонского» — одного из самых полных жизнеописаний полководца, дошедших до наших дней.
- ⁵⁴ Гавриил (в миру Петр Петрович Петров-Шапошников) (1730–1801) — митрополит. По окончании (1753) Славяно-греко-латинской академии получил назначение справщиком (корректором) в Московскую синодальную типографию. Учитель Славяно-греко-латинской академии (1757), преподаватель риторики лаврской Свято-Троицкой духовной семинарии (1758), архимандрит и ректор Свято-Троицкой ду-

- ховной семинарии с исполнением должности наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (1758), ректор Московской Славяно-греко-латинской духовной академии и настоятель Заиконоспасского мужского монастыря (1761), архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский (1770), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1775) действительный член Императорской Российской академии наук (1783).
- 55 Поль-Галлюцио Лопиталь де Шатонеф (1697–1776) — маркиз, генерал от кавалерии, французский посол при короле обеих Сицилий (1739), затем посол в Неаполе (1740–1751), посол в России (1756–1761).
- 56 *Ecole des chevaux légers* («Школа легкой кавалерии») — привилегированное военное учебное заведение в Версале для юношей из знатных семейств, находившееся под личным покровительством Людовика XV. Была организована в 1680 г. и просуществовала до 1830 г.
- 57 Франсуа Жоакен де Пьерр де Берни (де Bernis) (1715–1794) — кардинал (1758), министр иностранных дел Франции (1755–1758), член Французской академии (1744). Содействовал союзу с Австрией, вовлекшему Францию в Семилетнюю войну (1756–1763).
- 58 Михаил Петрович Бестужев-Рюмин (1688–1760) — граф (1742), действительный тайный советник (1742). С 1720 г. на дипломатической службе. Был резидентом в Лондоне (1720), полномочным министром и чрезвычайным посланником в Стокгольме (1721–1725, 1731–1741), Варшаве (1726–1731, 1741, 1744–1748), Берлине (1730–1731, 1744), послом в Вене (1748–1752) и Париже (1756–1760). Сыграл значительную роль в становлении русско-шведских отношений после Северной войны.
- 59 Мария Тереза Габсбург (1717–1780) — императрица Священной Римской империи, эрцгерцогиня Австрии, королева Венгрии и Богемии.
- 60 Речь идет о Семилетней войне. «Два императорских двора» — австрийский и русский.
- 61 Вероятно, имеется в виду битва пруссаков с австрийцами 18 июня 1757 г. в окрестностях города Колин. 34-тысячная армия Фридриха II потерпела поражение, потеряв 14 000 че-

- ловец и 45 орудий. Разгром разрушил миф о непобедимости прусского короля-полководца.
- ⁶² Генрих (Иванович) Гросс (1713–1765) — русский полномочный министр в Лондоне (1763–1765).
- ⁶³ Робер-Франсуа Дамьен (Damiens) (1715–1757) — фанатик, совершивший 5 января 1757 г. покушение на короля Франции Людовика XV. Король был легко ранен ножом в правый бок. Дамьена приговорили к смертной казни четвертованием, которая состоялась 28 марта в Париже на Гревской площади. Это был последний во Франции случай казни через четвертование.
- ⁶⁴ Франсуа-Луи де Бурбон-Конті (*de Bourbon-Conti*) (1664–1709) — французский принц крови, военачальник и претендент на польский престол.
- ⁶⁵ «Заира» — пьеса Вольтера (1732), трагедия в пяти действиях.
- ⁶⁶ Николай Константинович Хотинский (1727–1811) — русский дипломат. Сын турецкого аги города Хотин, был пленен в 1739 г., в плену крещен. В 1751–1756 гг. кадет Сухопутного шляхетского корпуса, в 1756 г. отправлен в распоряжение Коллегии иностранных дел. В 1765–1767 гг. поверенный в делах в русском посольстве в Испании, в 1767–1773 гг. советник посольства во Франции.
- ⁶⁷ Анри-Луи Лекен (*Lekain*, наст. фам. Кен — Cain) (1729–1778) — знаменитый французский трагик, первый от псевдоклассической манеры игры перешел к реалистической. Осуществил реформу в области театрального костюма, добиваясь исторической и этнографической точности в одежде персонажа.
- ⁶⁸ Саразен Пьер (*Sarazin*) (1689–1762) — актер французской королевской труппы.
- ⁶⁹ Итальянский театр (*фр.* La Comedie-Italienne — Театр итальянской комедии) — общее название выступавших в Париже итальянских драматических трупп, придерживавшихся эстетики комедии дель арте (XVII–XVIII вв.), и оперных трупп (XVIII–XIX вв.).
- ⁷⁰ Карло-Антонио Бертинацци (*Bertinazzi*) (1713–1783) — итальянский актер и импровизатор, драматург, известный более под именем Карлино. В 1741 г. Б. был ангажирован в парижский Итальянский театр, где проявил себя даровитым исполнителем комических ролей.

- ⁷¹ «Деревенский колдун» (Le Devin du Village) — опера, наиболее значительное музыкальное сочинение Руссо; написана под влиянием итальянской оперной школы. Первое представление состоялось 10 октября 1752 г. Либретто «Деревенского колдуна» в вольном переводе на немецкий язык легло в основу оперы В. А. Моцарта «Бастьен и Бастьенна».
- ⁷² Роман аббата Прево (1697–1763) «Английский философ, или История г-на Клевеланда, побочного сына Кромвеля» (1731).
- ⁷³ Иоанн Георг Зульцер (Sulzer) (1720–1779) — немецкий философ-эстетик. Развивал мысль о том, что темные представления души сводятся главным образом к ощущениям ее собственного состояния.
- ⁷⁴ Иоганн-Кристоф Готтшед (Готтшед) (Gottsched) (1700–1766) — выдающийся немецкий писатель, критик, историк литературы и театра эпохи Просвещения, создавший свою рационалистическую эстетику.
- ⁷⁵ Христиан Август Крузиус (Crusius) (1715–1775) — немецкий философ, профессор теологии в Лейпциге (1774).
- ⁷⁶ Яков Петрович Шаховской (1705–1777) — князь, государственный деятель, мемуарист. Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга (1740), обер-прокурор Синода (1742), генеральный кригс-комиссар (1753), генеральный прокурор Сената (1760). «Записки» Шаховского — ценный исторический источник.
- ⁷⁷ Никита Иванович Панин (1718–1783) — граф, российский государственный деятель, дипломат, почетный член Петербургской Академии наук (1776). С 1747 г. посланник в Дании и Швеции. Обер-гофмейстер и воспитатель великого князя Павла Петровича (1760–1773). Участник дворцового переворота 1762 г. В 1763–1781 гг. — глава Коллегии иностранных дел.
- ⁷⁸ Пьер Гранже (Granger) (сер. XVIII в.) — танцовщик, балетмейстер. Возможно, по происхождению итальянец. В 1761 г. работал в Венеции, с 1762 г. — в Петербурге. Был принят в придворную балетную труппу.
- ⁷⁹ См. прим. 54.
- ⁸⁰ Дмитрий (Сеченов) (1708–1767) — митрополит Новгородский. Учился в Московской Славяно-греко-латинской академии, с 1730 г. учитель красноречия в ней; в 1740 г. в сане архимандрита

- рита был отправлен с миссионерской целью в поволжские губернии. Епископ Рязанский (1752), архиепископ Новгородский (1757). В 1762 г. совершил чин коронования императрицы Екатерины II, после чего был ею возведен в сан митрополита.
- 81 Форшнейдер — разрезатель кушаний. Позже (1856) обер-форшнейдер — придворный чин. В его обязанности входило сопровождать подносимые к императорскому столу блюда, разрезать мясо и наполнять тарелки императорской четы.
- 82 Александр Сергеевич Строганов (1733–1811) — государственный деятель, граф, коллекционер и благотворитель. Член Российской академии (1783), один из составителей Академического словаря. Собрал выдающуюся коллекцию картин знаменитых мастеров, эстампов, камней, медалей и монет. С 1800 г. и до смерти состоял президентом Академии художеств, был директором Публичной библиотеки (1800–1811).
- 83 Голицын Николай Михайлович (1727–1786) — князь, тайный советник, обер-гофмаршал.
- 84 Иван Иванович Бецкой (Бецкий) (1703 или 1704–1795) — государственный деятель, личный секретарь императрицы Екатерины II (1762–1779), президент Императорской Академии искусств (1763–1795). Возглавлял комиссию по каменному строению в Санкт-Петербурге и Москве. Фактически руководил всеми учебными и воспитательными заведениями страны: разработал проект общегосударственной системы образовательных учреждений, основал в Санкт-Петербурге Смольный институт, Воспитательный дом и родовспомогательное училище при нем, работал над созданием сети воспитательных училищ.
- 85 Главный магистрат — государственное учреждение, основанное Петром I (1720) с целью централизовать управление делами посадского населения. Во главе Главного магистрата стоял обер-президент из дворян; магистратское правление состояло из купцов. Главный магистрат руководил городскими магистратами, рассматривал апелляции на их судебные решения. В его ведении находились торговые, ремесленные и другие права горожан. Существовал до 1727 г. и затем в 1743–1782 гг.
- 86 Мещерский (Мещерской) Алексей Васильевич (1720–1782) — князь, вице-президент конторы главного магистрата.

- 87 Тимофей Иванович (Христиан Дитрих) Остервальд (Osterwald) (1729–1794) — тайный советник, сенатор; с 1760 г. преподаватель (информатор) истории, географии, русского и немецкого языков великого князя Павла Петровича.
- 88 Петр Иванович Пастухов (1739–1799) — действительный тайный советник (1797), сенатор (1786), воспитатель великого князя Павла Петровича в должности субинформатора (1762–1772).
- 89 Петр Семенович Салтыков (1698–1772) — граф, московский главнокомандующий и генерал-губернатор, русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1759). С его именем связаны самые значительные успехи русской армии в Семилетней войне, в т. ч. победа в крупнейшем сражении войны — при Кунерсдорфе (1759).
- 90 Я царствую (*фр.*).
- 91 «Arlequin empereur dans la lune» («Арлекин — император луны») — комедия французского драматурга XVII Нолана де Фатувиля, автора многочисленных арлекинад. Исполнялась в Итальянском театре в Париже (впервые в 1684 г.).
- 92 Аппиева дорога (*лат.* Via Appia) — самая значимая из античных общественных дорог Рима. Построена по приказу цензора Аппия Цека в 312 году до н. э., проходила из Рима в Капую, позднее была проведена до Брундизия. По Аппиевой дороге шло сообщение Рима с Грецией, Египтом и Малой Азией.
- 93 Лангедокский или Южный канал (*фр.* Le Canal du Midi) — канал длиной 240 километров на юге Франции. Соединяет Тулузу со средиземноморским городом Сет (который был основан, чтобы служить восточным терминалом канала). Открыт в 1681 г.
- 94 Ладожский канал — водный транспортный путь вдоль берега Ладожского озера, соединяющий реки Волхов и Нева. Существуют два параллельных канала: Староладожский протяженностью 117 километров (перв. пол. XVIII в.; построен по инициативе царя-реформатора Петра Первого), о котором говорится в дневнике С. А. Порошина (ныне не действующий), и Новоладожский (втор. пол. XIX в.), который эксплуатируется по сей день.

- ⁹⁵ Александр Михайлович Голицын (1723–1807) — государственный деятель, дипломат, князь, вице-канцлер (1762), вице-президент Коллегии иностранных дел (1762), сенатор (1774), обер-камергер (1775).
- ⁹⁶ Захар Григорьевич Чернышев (1722–1784) — граф, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Москвы (1782). Отличился в ходе Семилетней войны.
- ⁹⁷ Адам Васильевич Олсуфьев (1721–1784) — граф, действительный тайный советник (1756), личный секретарь императрицы Елизаветы Петровны, заведующий Сибирскими золотыми и серебряными приисками, кабинет-министр (1758), статс-секретарь императрицы Екатерины II (1762), сенатор (1763). Первый президент Вольного экономического общества (1765), почетный член Санкт-Петербургской Академии наук (1783). Крестник императора Петра I, происходил из старинного дворянского рода. Писал сатирические произведения.
- ⁹⁸ Иван Иванович Веймарн (1722–1792) — выходец из остзейских дворян. Генерал-квартирмейстер в первую кампанию Семилетней войны, затем командующий войсками в Сибире, русский посол при польском короле Станиславе-Августе и командующий русскими войсками в Польше (1764–1772). Считается одним из образованнейших генералов своего времени.
- ⁹⁹ Александр Никитич Вильбоа (Вильбуа) (de Villebois) (1716–1781) — генерал-фельдцейхмейстер (1762), герой Семилетней войны — был тяжело ранен в сражении при Гросс-Егерсдорфе, командовал авангардом русской армии в сражении при Кунерсдорфе; в ознаменование заслуг Вильбоа его именем был назван Великолуцкий пехотный полк (1762).
- ¹⁰⁰ Иоганн Эрнст Миних (Сергей Христофорович Миних) (1707–1788) — граф, государственный деятель, дипломат, писатель. В 1727–1733 гг. на дипломатической службе, в 1733–1741 гг. сделал придворную карьеру, получив в 1740 г. чин обер-гофмейстера и звание генерал-поручика. Пользовался благосклонностью императрицы Анны Иоанновны и после ее смерти правительницы Анны Леопольдовны. После свержения Анны Леопольдовны (1741) лишен всех чинов и поместий и отправлен с семьей в ссылку, откуда был возвращен

- в 1762 г. С 1764 г. — главный директор таможенных сборов, с 1774 г. и вплоть до самой смерти — председатель Коммерц-коллегии.
- 101 Семен Иванович Мордвинов (1701–1777) — адмирал (1764). В шестнадцатилетнем возрасте был послан Петром I в составе группы гардемарин для обучения во Францию. С 1723 г. служил на Балтийском флоте, в 1731–1734 гг. командир Астраханского порта, в 1730 г. принял командование придворной яхтой «Елисавета». В дальнейшем командовал различными кораблями русского флота. Во время Семилетней войны командовал отрядом кораблей. Автор трудов по навигации и тактике, а также мемуаров.
- 102 Анна Петровна (1757–1759) — великая княжна, дочь Екатерины II и Станислава Понятовского. Умерла, прожив менее года и двух месяцев. По свидетельству очевидцев, Павел очень любил ее.
- 103 Степан Васильевич Перфильев (1734–1793) — флигель-адъютант императора Петра III (1751), генерал-поручик, один из воспитателей наследника Павла Петровича (с 1763), губернатор Санкт-Петербурга (1773–1774).
- 104 Петр Васильевич (Меньшой) Бакунин (1732 или 1734–1786) — тайный советник, первый член Коллегии иностранных дел (1780–1783). С 1752 г. переводчик Коллегии иностранных дел, участвовал в составлении ряда важных государственных документов, в т. ч. в написании наставления Г.А. Потемкину о присоединении Крыма (1777). Его иногда путают со старшим братом, полным тезкой Петром Васильевичем (Большим) Бакуниным (1725–1786), который также служил в Коллегии иностранных дел.
- 105 Роброн (от *фр.* robe ronde, букв. — круглое платье) — женское платье с очень широкой колоколообразной юбкой на кринолине.
- 106 Федор Дмитриевич Бехтеев (1716–1761) — дипломат, секретарь Коллегии иностранных дел (1744), поверенный в делах при французском дворе (1756). В 1758 г. был назначен церемониймейстером двора и членом Коллегии иностранных дел. Одновременно ему было поручено обучение грамоте четырехлетнего наследника Павла Петровича. Специаль-

- но для Павла печатал особые ведомости, где под рубрикой «Из Петербурга» сообщалось обо всех поступках наследника.
- 107 Григорий Григорьевич Орлов (1734–1783) — военный и государственный деятель, граф (1762), генерал-фельдцейхмейстер (1763). Фаворит Екатерины II. Активный участник переворота 1762 г., возведшего Екатерину II на престол.
- 108 Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1796) — русский военный и государственный деятель, граф (1744), генерал-фельдмаршал (1770). Участвовал практически во всех войнах, которые вела Россия в 1741–1792 гг., в Семилетней войне и русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1792 гг. проявил себя как выдающийся полководец. После заключения с Турцией выгодного для России Кучук-Кайнарджийского мира получил почетное наименование Задунайского. Генерал-губернатор Малороссии (1764), наместник Курского и Харьковского наместничеств, а также Малороссии (1779). Великий князь Николай Михайлович (1859–1919) утверждал, что Румянцев был внебрачным сыном Петра I. Крестной матерью Румянцева была императрица Екатерина I.
- 109 Комедия Жана Батиста Мольера (1622–1673) «Школа жен» (1662).
- 110 «Охотники» (*фр.*).
- 111 «Праздник любви» (*фр.*).
- 112 Тимофей Бубликов (сер. XVIII в.) — один из первых русских актеров-танцовщиков. Хореографическому искусству обучался у придворного балетмейстера Ж.-Б. Ланде и за границей. На придворной службе Бубликов состоял с 1764 по 1785 г.
- 113 Виллим Фузадьё — лейб-хирург императрицы Елизаветы Петровны, француз по происхождению.
- 114 Яков (Жак) Клерет (Клерет) (Clairret) — дантист при русском дворе, француз по происхождению. Был придворным зубным врачом прусского короля Фридриха II (с 1754). В Россию приехал не позднее 1757 г. Одно из газетных объявлений того времени гласит: «Клерет, придворный зубной мастер, выдерживает зубы с великим искусством; притворные зубы вставляет, подобными натуральным; вылечивает все болезни, бываемые во рту...» Последние сведения о нем относятся к началу 1780-х гг.

- 115 Теплов Григорий Николаевич (1717–1779) — писатель, переводчик, теоретик литературы, композитор, сенатор (1775). Учился в школе Феофана Прокоповича, для продолжения учебы был отправлен в Германию. В 1736 г. стал переводчиком при Санкт-Петербургской Академии наук. Затем продолжил обучение во Франции. С 1746 г., после назначения 18-летнего К. Г. Разумовского президентом Санкт-Петербургской Академии наук, фактически управляет делами Академии; почетный член Академии (1747). В первые годы правления Екатерины II Теплов в качестве ее статс-секретаря готовил основные законодательные акты, однако постепенно был удален от дел. Автор работ по экономике и философии. В историю музыки вошел как родоначальник «российских песен», издав сборник романсов собственного сочинения с нотами.
- 116 Иван Иванович Голубцов (1715–1759) — переводчик Академии наук. Учился в Славяно-греко-латинской академии, затем в Академической гимназии в Санкт-Петербурге. В 1740 г. был определен переводчиком в Академию наук, а также учителем арифметики и географии в Академическую гимназию. Перевел с немецкого учебники «Краткое руководство к математической и физической географии с употреблением земного глобуса и ландкарт» (1739) и «Краткое руководство к теоретической геометрии» (1748). С 1742 г. переводил статьи и правил корректуры для «Санкт-Петербургских ведомостей». В 1743 г. перевел с немецкой рукописи первые четыре главы «Истории Сибири» Г.-Ф. Миллера, став с этого времени постоянным переводчиком работ Миллера. В 1740-х гг. был привлечен к работе над первым академическим толковым словарем.
- 117 Василий Иванович Лебедев (1716–1771) — переводчик Академии наук. Учился в Славяно-греко-латинской академии, затем в Академической гимназии в Санкт-Петербурге. В 1740 г. был определен переводчиком в Академию наук. Перевел «Сокращение грамматики латинской» (1746), которое Ломоносов рекомендовал в 1758 г. «для порядочного обучения академических гимназистов» (испр. изд. 1762 г. неоднократно переиздавалось под загл. «Краткая грамматика латинского языка»), «Корнелия Непота Жития славных генералов» (1748) и «Экспериментальную физику» М.-Г. Лешера (1748).

- Среди сделанных по поручению Академии наук переводов исторические работы Г.-Ф. Миллера «Описание Сибирского царства» и «Происхождение народа и имени российского» (обе 1749), «История покорения Мексики» А. Солиса-и-Рибаденейра (1765. Ч. 1–2), «Сибирская история» И.-Э. Фишера (перевод издан посмертно в 1774 г.) и другие.
- 118 Французская грамматика Поля Ресто (Restaut P. *Principes generaux et raisonnees de la grammaire francaise avec des observations sur l'orthographe, les accents, la ponctuation et la prononciation*. Paris, 1730). Из рапорта (1749) в канцелярию Академии наук, подписанного Штрубе, Тредиаковским и Ломоносовым: «Присланные в Историческое собрание из канцелярии Академии наук переведенные переводчиком Иваном Горлицким с французского языка на российский две грамматики, одна называемая Ресто, а другая безымянного автора, нами троими по определению всего Собрания, а именно г. профессором Штрубом, г. профессором Ломоносовым и профессором Тредиаковским рассматриваны, которые к напечатанию и ко изданию в народ весьма небесполезны; однако Рестову за наилучшую признать можно...» В 1752 г. вышел перевод грамматики П. Ресто, выполненный В. Е. Тепловым, дополненный по поручению канцелярии Академии наук «вокабулами из Пеплиеровой грамматики».
- 119 Строки из трагедии Жана Батиста Расина «Афалия» («Гофалия»).

Мудрый король, как задано Богом,
Не должен полагаться на богатство и золото...

(пер. А. Соколинской)

- 120 Шарль Роллен (Rollin) (1661–1741) — французский историк и педагог, автор 12-томной «Древней истории» (1730–1738) и 9-томной «Римской истории» (1738), которые от трудов предшественников Роллена отличают легкость слога, занимательность и связность изложения. Новым в подходе Роллена было и то, что писал он не на латинском, как было принято в научном мире, а на французском языке.

- 121 Аюка (1642–1724) — калмыцкий хан. Пришел к власти в 1672 г., объединил всех волжских калмыков и значительно расширил свои владения. Неоднократно присягал на верность России, по просьбе русского правительства войска посылал на подавление крестьянских восстаний, а также для участия в Северной войне.
- 122 «Женатый философ» — комедия Филиппа Детуша (1680–1754).
- 123 «Деревенская ревность». Известна опера под таким названием итальянского композитора Джузеппе Сартри, который был в Санкт-Петербурге придворным капельмейстером. Нейвиль — актер придворного французского театра.
- 124 Комическая опера французского композитора Эдждио Ромуальдо Дюни (1709–1775) «Два охотника и молочница» (1763).
- 125 Вальвиль — актриса придворного французского театра. Вот что пишет в своих мемуарах о Вальвиль ее любовник Казанова: «Актер Клерваль, приехавший в Париж, дабы набрать труппу для петербургского придворного театра, случайно повстречав ее и оценив ее ум, убедил, что она прирожденная актриса, хотя сама о том не ведала. Сия мысль ослепила ее, и она подписала ангажемент с вербовщиком, не озаботившись удостовериться в своих способностях».
- 126 Ученая повивальная бабка. Название это, вероятно, происходит от повивальных бабок, выписанных Петром I из Голландии.
- 127 Любим Артемьевич (Арсеньевич) Челищев — в 1762–1763 гг. командир лейб-гвардии Семеновского полка, уволен в отставку в 1770 г. в чине генерал-майора.
- 128 Илиас Калчак-паша (Колчак-паша) (1710–1743) — турецкий военачальник. В 1717–1739 гг. был начальником крепости Хотин. Был взят в плен вместе с сыном Мехмет-беем во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Мехмет-бей принял православие, получил русское дворянство. Его прямым потомком является адмирал А. В. Колчак.
- 129 Имеется в виду сражение 17 августа 1739 г. при молдавском селе Ставучаны (к юго-западу от Хотина) во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Русские войска под командованием генерал-фельдмаршала Б. К. Миниха одержали победу

- над превосходящими силами турок, после чего турецкая армия спешно отступила за Дунай, а оставленный на произвол судьбы гарнизон Хотина капитулировал.
- 130 Рунд (от. *нем.* Runde, *фр.* Ronde, *польск.* rond) — дозор, караул, ночной обход.
- 131 Алексей Логинович Щербачев (1720–1802) — действительный тайный советник (1790), сенатор (1782). Полковник Гренадерского полка (1760), секунд-майор л.-гв. Семеновского полка, бригадир (1764), генерал-майор и главный судья Ямской канцелярии (1765). Видный деятель русского масонства. В «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова о Щербачеве приводится следующий анекдот: «Вскоре после того прусский принц Генрих пожелал видеть Москву, но опасаясь потерять время в дороге, императрица Екатерина побила с ним об заклад на талер, что он в два дня доедет туда, и, позвав Щербачева, сказала ему: “Алексей Логинович, чтобы талер был в моем кармане! Принц Генрих не верит, что может доехать в Москву в два дня; доставь его туда непременно в тридцать шесть часов”. Принц отправился; карета летела; тщетны были просьбы его, чтоб ехали потише. Через 36 часов он увидел Москву».
- 132 Тютчев — полковник Конного нарвского полка; расстрелян по приказу генерал-фельдмаршала Б. К. Миниха 26 мая 1739 г. за то, что в сентябре 1738 г., командуя фуражирами, не организовал их прикрытие, в результате чего от 300 до 400 человек были убиты внезапно напавшими татарами и еще около 400 уведено в плен.
- 133 Артемий Григорьевич Загряжский (1675–1754) — генерал-поручик (1733). Участвовал во всех войнах, которые вела Россия в первой трети XVIII в., отличался большой храбростью. Во время Русско-турецкой войны в сентябре 1738 г. его дивизия по причине халатности командующего состава потеряла до 800 человек убитыми и взятыми в плен. Был разжалован в рядовые, но 14 февраля 1740 г. прощен высочайшим указом. В 1741–1753 гг. казанский губернатор.
- 134 Александр Иванович Румянцев (1680–1749) — генерал-аншеф. Был денщиком Петра, выполнял дипломатические поручения. В 1738 г. был назначен правителем Малороссии, но вскоре пе-

- реведен в действующую армию, а в 1740 г. назначен чрезвычайным и полномочным послом в Константинополь. Отец полководца П. А. Румянцева.
- 135 Буркхарт Христофор Миних (1683–1767) — граф, русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1732). До 1721 г. служил инженером в разных европейских армиях. С 1721 г. на русской службе, руководил строительством Ладожского и Обводного каналов. Генерал-губернатор Ингерманландии, Карелии и Финляндии (1728), президент Военной коллегии (1732). В 1735–1739 гг. командовал русскими войсками в Крыму и Бессарабии. Принял решающее участие в аресте герцога Бирона (1740). В 1742–1762 гг. находился в ссылке. По возвращении из ссылки Петром III получил под свое командование крупнейшие порты на Балтике и пост сибирского губернатора с пребыванием в Санкт-Петербурге.
- 136 За и против (*фр.*).
- 137 Борис Петрович Шереметев (1652–1719) — государственный деятель, военачальник, дипломат, сподвижник Петра I, генерал-фельдмаршал (1701), граф (1706). Один из самых образованных и культурных русских людей своего времени. В составе Великого посольства побывал в Западной Европе. Во время Азовских походов командовал армией, действовавшей на Днепре против крымских татар. В 1697–1699 ездил с дипломатическими поручениями в Польшу, Австрию, Италию и на о. Мальту. В годы Северной войны командовал корпусом в Прибалтике и Померании. Был главнокомандующим в Полтавском сражении. Переписка Б. П. Шереметева с Петром I была издана в 1770-х гг. его сыном П. Б. Шереметевым.
- 138 Петр Борисович Шереметев (1713–1788) — граф, камергер принцессы Анны Леопольдовны (1739), генерал-аншеф (1760), генерал-адъютант (1760), обер-камергер (1761), сенатор (1762), московский губернский предводитель дворянства (1780). Сын фельдмаршала Б. П. Шереметева, рос и воспитывался вместе с будущим императором Петром II.
- 139 На свой манер (*фр.*).
- 140 Александр Федорович Талызин (1734–1790) — тайный советник (1779), камергер (1770), сенатор. В 1762 г. подпоручик л.-гв. Семеновского полка. Во время переворота, приведшего

к власти Екатерину II, отдал ей свой мундир, в котором она отправилась во главе войск из столицы в Петергоф; после переворота получил звание камер-юнкера. Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. привез в Санкт-Петербург ключи от турецкой крепости Бендеры, за что был пожалован в камергеры.

¹⁴¹ Борис-Леонтий Александрович Куракин (1733–1764) — князь, гофмейстер (1761), президент коллегии экономии (1763) и камер-коллегии (1764), сенатор, генерал-поручик.

¹⁴² Петр Иванович Репнин (? – 1778) — князь, обер-штаб-камергер (1765), генерал-поручик, полномочный министр при испанском дворе (1762–1764).

¹⁴³ Петр Григорьевич Чернышев (1712–1773) — граф, камергер (1740), сенатор (1760), дипломат. В 1722 г., десяти лет от роду, ему разрешено было поступить на службу к герцогу Шлезвиг-Гольштинскому Карлу-Фридриху, у которого он был пажом, затем камер-пажом, затем получил чин капитан-поручика. С 1727 г. на русской дипломатической службе. В 1741 г. чрезвычайный посланник при дворе датского короля Христиана V, затем посол в Берлине (до 1746), в Англии (1746–1755), во Франции (1760–1763). Иван Григорьевич Чернышев (1717 или 1726–1797) — граф, генерал-фельдмаршал по флоту (1796), президент Адмиралтейств-коллегии и сенатор (1796), камергер (1755), дипломат. Участвовал в дипломатических миссиях в Дании, Пруссии и Англии. С восшествием на престол Екатерины II перешел с дипломатической службы на военно-морскую, в 1765 г. главный командир галерного порта. В 1767 г. назначен чрезвычайным и полномочным послом в Англию. В 1769 г. вице-президент Адмиралтейств-коллегии, номинальным президентом которой был наследник престола Павел Петрович, а в 1796 г. стал ее президентом.

¹⁴⁴ Никола Буало-Депрео (Boileau-Despréaux) (1636–1711) — французский поэт, критик, теоретик классицизма. Эстетика Буало проникнута рационализмом: прекрасное для него тождественно разумному. По Буало, существуют неизменяемые правила «хорошего вкуса», которые он противопоставляет «вульгарной» народной поэзии. Комической поэмой «На-лой» («Le Lutrin») Буало стремился показать, в чем заклю-

чается истинный комизм. При этом сама поэма отличается скучными длиннотами.

- ¹⁴⁵ Франц Ульрих Теодор Эпинус (Aepinus) (1724–1802) — физик, математик, астроном, член Санкт-Петербургской Академии наук (1756). С 1755 г. профессор Берлинского университета. С 1757 г. жил в России. Возглавлял шифровальный отдел при Коллегии иностранных дел (т. н. черный кабинет), который разрабатывал новые шифры для Екатерины II, Коллегии иностранных дел, армии и флота и занимался дешифровкой иностранных дипломатических шифров (с 1764). Преподаватель физики и математики наследника престола Павла (с 1765).
- ¹⁴⁶ Алексей Петрович Мельгунов (1722–1788) — сенатор и президент Камер-коллегии (1765), действительный тайный советник (1777). Был камер-пажом при дворе Елизаветы Петровны. С 1756 г. адъютант в чине бригадира будущего царя Петра III, начальник Сухопутного шляхетского корпуса. Ближайший сподвижник Петра III. Генерал-поручик (1761), член Особого собрания при императоре. При Екатерине II — генерал-губернатор Новороссийской губернии (1764), ярославский (1777), ярославский и вологодский генерал-губернатор (1780). Видный масон, издатель, театрал. На празднества, которые А. П. Мельгунов регулярно устраивал на Мишином (теперь — Елагином) острове, съезжалась вся петербургская знать.
- ¹⁴⁷ Вера Николаевна Чоглокова (1742 –?) — троюродная племянница императрицы Елизаветы Петровны. Оставшись после смерти матери в трехлетнем возрасте, по решению императрицы вместе со старшей сестрой Софьей воспитывалась при дворце в Петергофе. Впоследствии фрейлина. Пользовалась благосклонностью великого князя Павла. Чтобы воспрепятствовать их отношениям, была отдана замуж (1769) за графа Людвига Антона (Антоня Сергеевича) Миниха (1748–1810) — сына И. Э. Миниха (см. прим. 100) и внука Б. Х. Миниха (см. прим. 135).
- ¹⁴⁸ Петр Иванович Панин (1721–1789) — граф (1767), генерал-аншеф (1762), сенатор (1762). Отличился в сражениях Семилетней войны, после занятия русскими войсками Берлина в 1760 г. управлял Восточной Пруссией в звании кенигсберг-

- ского генерал-губернатора и командовал русскими сухопутными и морскими силами в Померании и Голштинии. В 1774 г. принял командование войсками, подавлявшими путачевский бунт.
- 149 Иван Перфильевич Елагин (1725–1794) — русский государственный деятель, сенатор, обер-гофмейстер, директор Императорских театров (1766–1779), член Российской академии с ее основания в 1783 г., историк и поэт. Предположительно был соавтором Екатерины II, сочинял стихи для ее комедий и т. д. Играл значительную роль в русском масонстве, великий магистр Петербургской провинциальной ложи английской системы (1770).
- 150 Каспар фон Сальдерн (Салдерн; von Saldern) (1711–1788) — действительный тайный советник (1766), русский дипломат. Родился в Голштинии, вступил на службу в герцогстве Голштейн-Готторпском. В 1751–1752 гг. побывал в Санкт-Петербурге, где заслужил расположение наследника русского престола Петра Федоровича. По воцарении Петра III поступил на русскую дипломатическую службу. Занимался разрешением споров из-за голштинских земель. Был советником Н. И. Панина по иностранным делам, посланник в Дании (1766) и Польше (1771–1772). В 1772–1773 гг. ввязался в интригу, целью которой было добиться для наследника Павла Петровича соправительства с матерью-императрицей, в результате чего был лишен всех русских чинов.
- 151 Габриель Дюкло — машинист придворного театра при Екатерине II.
- 152 Христиан Пекен (1731–1779) — ученый секретарь и член Медицинской коллегии, профессор анатомии кадетского корпуса, автор книги «Домашний лечебник, или Простой способ лечения» (1765) — первой своего рода медицинской энциклопедии в России, изданной по инициативе Вольного экономического общества, одним из первых членов которого был Пекен. Лечебник продавался вместе с особой аптечкой, в которую входили лекарства, перечисленные в разделе «Домашняя аптечка».
- 153 Александр Филиппович Кокоринов (Кокорин, Какорин) (1726–1772) — русский архитектор. Директор (1761), про-

- фессор (1765), ректор Академии художеств (1769). Построил дворец-усадьбу К. Г. Разумовского в Петровско-Разумовском в Москве, (1752–1753), дворец К. Г. Разумовского (1762–1766) и здание Академии художеств (1764–1788, совместно с Ж. Б. М. Валлен-Деламотом) — в Санкт-Петербурге.
- 154 Николя-Франсуа Жилле (Gillet) (1709–1791) — французский скульптор, член Парижской академии изящных искусств. В 1758 г. прибыл в Санкт-Петербург и поступил на службу в Академию художеств профессором скульптуры. Под его руководством обучались практически все русские ваятели, обучавшиеся в академии в 1758–1778 гг. С 1767 г. Жилле был произведен в адъюнкт-ректors академии. В 1778 г. вернулся на родину.
- 155 Жан Батист Мишель Валлен-Деламот (Ламот, де ла Мотт; Vallin de la Mothe) (1729–1800) — французский архитектор, член-корреспондент Парижской Академии архитектуры (1768). В 1750–1752 гг. работал в Италии. С 1759 г. профессор Академии художеств. С 1766 г. придворный архитектор. Среди его построек Большой Гостинный двор (1761–1785), дворец графа И. Г. Чернышева (1762–1768), здание Академии художеств (1764–1788 совместно с А. Ф. Кокориновым), Юсуповский дворец на Мойке (1770-е) и другие. В 1775 г. уехал во Францию.
- 156 Стефано Торелли (Torelli) (1712–1780) — итальянский живописец, член Болонской Академии художеств. С 1740 г. по приглашению короля Польши и курфюрста Саксонского Августа III работал в Дрездене, затем — в Байрейте, Фрауенберге, Росток и Любеке. В 1762 г. прибыл в Санкт-Петербург и поступил на службу в Академию художеств профессором живописи; некоторое время исполнял обязанности ректора. В 1768 г. стал придворным живописцем Екатерины II. Оказал сильное влияние на русских художников.
- 157 Василий Иванович Баженов (1737 или 1738–1799) — архитектор, художник, теоретик архитектуры и педагог, член Российской академии (1784); член Академии Святого Луки в Риме, Академии художеств во Флоренции и Болонье. В 1758–1760 гг. учился в петербургской Академии художеств у А. Ф. Кокоринова и Ж. Б. Валлен-Деламота, в 1760–1762 гг. в качестве первого пенсионера Академии художеств — в Парижской Академии

- художеств у Ш. де Вайи; в 1762–1764 гг. совершенствовал свои знания в Италии. С 1765 г. член Петербургской Академии художеств, в 1799 г. ее вице-президент. Самые значительные проекты Баженова реализованы не были. Из осуществленных проектов наиболее известен дом Пашкова (1784–1786) в Москве.
- 158 Иван Алексеевич Ерменев (1746 — после 1797) — график и живописец, один из крупнейших русских мастеров реалистического искусства XVIII века. Учился в Петербургской Академии художеств (1761–1767) и в Королевской академии живописи и скульптуры в Париже (около 1775–1788). Был свидетелем Великой французской буржуазной революции. Зарисовал взятие Бастилии (рисунок известен по гравюре Жанто-сына, находящейся в Эрмитаже). В 1790-е гг. вернулся в Санкт-Петербург. Сведения о последующих годах его жизни отсутствуют.
- 159 Шарль Луи Секонда Монтескье (Montesquieu), барон де Ла Бред (1689–1755) — французский философ эпохи Просвещения, правовед; его теория «разделения властей» оказала большое влияние на развитие конституционной мысли XVIII–XX вв. Монтескье считается одним из основоположников современных форм представительной демократии. Наиболее значительные сочинения — роман «Персидские письма» (1721) и «О духе законов» (1748).
- 160 «Метромания» («La Métromanie», пост. 1738) — стихотворная комедия французского поэта и драматурга Алексиса Пирона (1680–1773), в которой остроумно высмеяна графомания. Считается шедевром французской комедиографии перв. пол. XVIII в.
- 161 «Ревнивый фавн» (*фр.*).
- 162 Александр Борисович Куракин (1752–1818) — князь, друг детства императора Павла I, гофмаршал (1796).
- 163 Сергей Матвеевич Козмин (Козьмин, Кузмин) (1723–1788) — статс-секретарь Екатерины II (1762).
- 164 «Рассуждения о вельхах» из «Сказок Гиойома Ваде» (*фр.*). В 1764 г. Вольтер опубликовал сборник философских «Сказок Гийома Ваде» под псевдонимом Гийом Ваде, воспользовавшись фамилией второстепенного французского поэта Жана-Жозефа Ваде (1720–1757), автора либретто комических опер

- и водевилей. Именем Ваде Вольтер подписывал и некоторые другие памфлеты.
- 165 Комедия Ж. Б. Мольера «Мещанин во дворянстве» (1670).
- 166 Виды Парижа (*фр.*).
- 167 Любовь творит чудеса (*фр.*).
- 168 Федор Сергеевич Барятинский (1742–1814) — князь, обер-гофмаршал (1796). Участник переворота 1762 г., в результате которого Екатерина II взошла на престол. Вся дальнейшая жизнь Барятинского прошла при дворе, за исключением лет правления Павла I (1796–1801), которые Барятинский провел в ссылке. Венчание Барятинского с Марией Васильевной Хованской (1749–1813) состоялось в 1764 г.
- 169 ...что это любовные терзания (*фр.*).
- 170 Сей человек отнюдь не бесполезный (*фр.*).
- 171 Комедия Ж. Б. Мольера «Жорж Данден» («George Dandin», 1668).
- 172 Карл Ефимович (Карл Эдуард) Сиверс (von Sievers) (1710–1774) — граф Священной Римской империи (1760), барон (1745, возведен шведским королем Фредриком I), обер-гофмаршал (1757), генерал-поручик. Дача К. Е. Сиверса сохранилась в Санкт-Петербурге до настоящего времени; является памятником архитектуры.
- 173 «Кажется, мы не проводили вместе столь прекрасного дня», на что она отвечала: «Да, государь» (*фр.*).
- 174 Вероятно, речь идет об одном из сыновей графа Петра Антоновича Девьера (Дивьера, Дивиера) (1710–1773). Возможно, это Борис Девьер, ровесник наследника (род. 1754). В 1798 г. за насилие и вымогательство, причинившие смерть доктору Гезе, секунд-майор Б. П. Девьер был сослан в бессрочные каторжные работы.
- 175 Франсуа Блондель (Blondel) (1618–1686) — французский архитектор, представитель классицизма, теоретик искусства, инженер-фортификатор; выполнял дипломатические поручения кардинала Мазарини (1657–1663). Директор Королевской академии архитектуры в Париже (1671). Планировал города и укрепления, построил ворота Сен-Дени в Париже (1672) в духе древнеримской триумфальной арки. В книге «Курс архитектуры» (1675–1683) провозгласил архитектур-

ные формы античности и Возрождения «вечными истинными законами» и пытался найти для них абсолютное числовое выражение.

- 176 Принцы и короли весьма проворны в любви, не то что мы (*фр.*).
177 ...состоит накоротке с его дорогим предметом (*фр.*).
178 Николай Александрович Головин (ок. 1730–1832) — граф, тайный советник, камергер при императрице Елизавете Петровне, первый масон из русской знати.
179 Петр Богданович Пассек (1736–1804) — камергер (1762), сенатор (1781), генерал-аншеф (1781), правитель Могилевского наместничества (1778–1781), белорусский генерал-губернатор (1781–1795). Активный участник переворота 1762 г., приведшего на престол Екатерину II, что послужило началом его карьеры.
180 Лев Александрович Нарышкин (1733–1799) — обер-шталмейстер (1762), двоюродный племянник Петра I. Был близок к Петру III, получал от него многочисленные награды. После переворота 1762 г. был арестован, однако вскоре выпущен. Быстро вошел в круг приближенных Екатерины II. Никогда не занимал серьезных постов, но пользовался большим влиянием при дворе.
181 Баскаков Михаил Егорович — камер-юнкер (1762), капитан-поручик мушкетерской роты л.-гв. Преображенского полка. Был в числе офицеров, сопровождавших отрекшегося от престола Петра III в Ропшу, где вскоре он был задушен. Позже 1764 г. о нем сведений нет.
182 Андрей Михайлович Белосельский (1735–1779) — камергер (1770). В 1749–1760 гг. на военной службе, которая вся прошла в Преображенском полку. С 1760 г. на дипломатической службе: состоял при французском дворе, затем был русским посланником в Дрездене, где и скончался.

Содержание

• Меры относительно образования •

И. - Г. Фоккеродт. «Россия при Петре Великом»

7

• Патриаршие школы •

Ю. Юл». «Записки»

11

• Новики •

*И. И. Неплюев. «Жизнь Ивана Ивановича Неплюева,
им самим описанная»*

14

А. К. Нартов. «Рассказы о Петре Великом»

20

• Попытки перевоспитать дворянство •

И. - Г. Фоккеродт. «Россия при Петре Великом»

22

• Назначение Новика на службу •

*И. И. Неплюев. «Жизнь Ивана Ивановича Неплюева,
им самим описанная»*

25

• Разговор Петра с Татищевым о школах •

*В. Татищев. «Духовная тайного советника
и астраханского губернатора В. И. Татищева,
сочиненная в 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу»*

30

• Просвещение за время от Петра I до Елизаветы •

К.-Г. фон Манштейн. «Записки о России»

32

• Артиллерийская школа в Москве •

*М. В. Данилов. «Записки артиллерии майора М. В. Д.,
написанные им в 1771 г.»*

38

• Учреждение морского кадетского корпуса •

В. Нащокин. «Записки»

45

• Московский университет •

В. Нащокин. «Записки»

46

• Ученье помещичьего сына •

*М. В. Данилов. «Записки артиллерии майора М. В. Д.,
написанные им в 1771 г.»*

49

• Первоначальное обучение и приемы воспитания •

*А. Болотов. «Жизнь и приключения Андрея Болотова,
описанные самим им для своих потомков»*

55

• Воспитание и обучение провинциального дворянина

Г. Р. Державин. «Записки»

68

- Один из первых московских студентов •
*Д. И. Фонвизин. «Чистосердечное признание
в делах моих и помышлениях»*

75

- Воспитание аристократа •
А. Р. Воронцов. «Записки»

82

- Учение митрополита Платона •
Митрополит Платон (Левшин). «Записки»

86

- Образовательная заграничная поездка •
А. Р. Воронцов. «Записки»

94

- Самообразование русского офицера за границей •
*А. Болотов. «Жизнь и приключения Андрея Болотова,
описанные самим им для своих потомков»*

111

- Платон — законоучитель наследника Павла •
Митрополит Платон (Левшин). «Записки»

128

- Воспитание наследника Павла Петровича •
*С. А. Порошин. «Записки, служащие к истории
его императорского высочества благоверного государя цесаревича
и великого князя Павла Петровича»*

133

Указатель авторов

190

Примечания

193

История воспитания

НАСЛЕДНИК ВСТАЛ РАНО И ЗА УРОКИ СЕЛ...

Как учили и учились в XVIII в.

Редактор В. Петров

Художественное оформление Е. Трушиной

Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 08.09.10. Формат 70×90/16.

Усл. печ. л. 14,0. Тираж 2000 экз. Заказ № 2163.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119270 Москва, Лужнецкая набережная,

д. 2/4, стр. 8, 4 этаж, офис 400. Тел. (495) 788-85-20

info@lomonosov-books.ru www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»

105005 Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 46

Как учили и учились в России в XVIII веке? Об этом рассказывают очевидцы — русские и иностранные писатели, государственные деятели, ученые, военные, оставившие мемуары о «золотом веке» русской истории. Среди них дипломат граф А. Р. Воронцов, датский посланник при Петре I — Юст Юль, изобретатель М. В. Данилов, ученый и механик А. К. Нартов, митрополит Платон (Левшин), выдающиеся литераторы екатерининского времени Г. Р. Державин и Д. И. Фонвизин, воспитатель наследника престола Павла Петровича — С. А. Порошин... В основу книги легли тексты из двухтомного издания «Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век», вышедшего в 1914 г. Эти тексты были расширены, сверены по первоисточникам и дополнены комментариями.

ISBN 978-5-91678-074-1

9 785916 780741